

Woody Allen

Collected Stories

Вуди Аллен

Шутки Господа

Перевод с английского

Орета Дормана

ИЗДАТЕЛЬСТВО **И** ИНОСТРАНКА

Москва, 2007

УДК 821.111(73)-311.1Аллен
ББК 84(7Сое)-44
А51

*Художественное оформление
и макет А.Бондаренко*

Аллен В.
А51 Шутки Господа : Сборник / Вуди Аллен : пер. с англ.
О.Дормана – М. : Иностранка : 2007, – 352 с. (The Best
of Иностранка).

ISBN 978-5-94145-343-6

Признанный классиком при жизни, Вуди Аллен снимает в год по фильму, а то и по два, и регулярно выступает с оркестром, играя на кларнете джаз начала XX века. Однако истинной своей страстью Аллен считает сочинение рассказов. "Если бы я вдруг не мог делать кино, – говорит он сам, – я бы не слишком огорчился, но без письменного стола не протяну и недели". Возможно, никто в Америке не писал так смешно со времен Марка Твена, так нежно со времен Хемингуэя, так смело со времени принятия Декларации независимости.

УДК 821.111(73)-311.1Аллен
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-94145-343-6

© 1972-1977, 1979, 1980 by Woody Allen
© О.Дорман, перевод на русский язык, 2002
© "Иностранка", оформление, 2007
© "Иностранка", издание на русском языке, 2007

Шутки Господа

✓ Свитки Красного моря

Интересующиеся помнят, как несколько лет назад некий пастух, плавая по заливу Акаба в Красном море, наткнулся на пещеру. Внутри он обнаружил несколько больших глиняных кувшинов и два билета на фигурное катание. В кувшинах хранились шесть древних пергаментных свитков с таинственными письменами, которые простодушный пастух продал в музей по 750 тысяч долларов за каждый. Через два года кувшины оказались в ломбарде в Филадельфии. Еще через год в том же ломбарде оказался и сам пастух (его до сих пор не выкупили).

По мнению археологов, свитки были созданы в четвертом тысячелетии до нашей эры сразу после массового истребления иудеев их благодетелями. Тексты написаны на

[8] смеси шумерского, арамейского и вавилонского и принадлежат либо одному автору, работавшему в течение долгого времени, либо группе авторов, писавших в одном кабинете. В настоящее время подлинность рукописи вызывает серьезные сомнения. Подозрительным представляется неоднократное употребление слова “олдсмобиль”; известные библейские события в тех фрагментах текста, которые все-таки удалось перевести, трактованы весьма неубедительно. Тем не менее крупный специалист по раскопкам А.Х.Бауэр, признавая свитки грубой фальшивкой, считает находку самой большой удачей в истории археологии после обнаружения его заповонок в одном захоронении под Иерусалимом. Ниже публикуются расшифрованные фрагменты рукописей.

1. “... и поспорил Господь с сатаной об Иове, что предан Иов Господу своему, и простер руку Свою на Иова и ударил Иова по темени, ничего не объясняя ему, и снова ударил его по уху, и толкнул его в кастрюлю с густым соусом, чтобы смердела и слипалась плоть его, и поразил десятую часть тука его. И воззвал Иов к Господу своему, говоря: “За что поразил ты тук мой? Тук сейчас трудно достать.

Чем прогневил я Тебя, что погиб тук мой, да и что, собственно, такое этот тук?” Тогда сделал Господь две каменные таблички и защемил ими нос раба Своего. И увидела это жена Иова, и зарыдала, но послал ей Господь ангела утешения, и помазал ее ангел клюшкой для гольфа. Из десяти казней послал Господь с первой по шестую включительно, и болезнь поразила Иова, и рассердилась жена его, и, сорвав покровы свои, сдала их в комиссионку, и заломила цену вдвое против начальной цены.

И был день, и пересохли все пастбища Иова, и прилепился язык его к небу его, так что не мог он более сказать “миропомазание”, чтобы не рассмеялись все вокруг.

И был другой день, и, восстав на верного раба Своего, подошел к нему Господь слишком близко, и схватил Его Иов за шею Его и сказал:

— Ага, попался наконец! Отвечай ныне: что Ты устроил рабу твоему, а? Молчишь?

И отвечал Господь, говоря:

— Понимаешь, какая штука... Шею-то отпусти.

Но не послушал Иов и говорил:

— Я был в полном порядке, и плодоносили фиги мои, и вдоволь было смиренны, и ла-

[9]

[10] дана, и одежд красивых и разноцветных, и две пары пижам красивых и разноцветных. А что теперь?

И отвечал Господь Иову, и возгремел голос Его:

— Что ты такое, чтобы Я, Царь царей, объяснялся с тобой? Я Всемогущий, Всеведущий, создал небо и землю, а что создал ты, что смеешь спрашивать Меня?

— Это не ответ, — сказал Иов. — Я не спору, Ты, конечно, Всеведущий, но позволь Тебе заметить, что мирра все-таки пишется через два “р”.

И упал Иов на колени, и зарыдал, и возвысил голос свой к Господу, и сказал: “Ты царь мой, и бог мой, и крепость моя. Славны дела Твои, Господи. Не надо их портить”.

2. “...и проснулся Авраам среди ночи и обратился к сыну своему, единственному своему, Исааку, говоря:

— Был мне во сне голос Господа нашего, который сказал, что я должен принести во всесожжение сына своего, сына единственного, так что надевай штаны и пошли.

И задрожал Исаак и спросил:

— А что ты ответил, отец?

— А что я мог ответить? — сказал Авраам. — Два часа ночи, я стою в одних кальсонах пе-

ред творцом неба и земли и всего, что на них. Я что, буду спорить?

[11]

— Хорошо, но он хоть объяснил, зачем надо мной жертвовать? — спросил Исаак отца своего, но Авраам оборвал его, говоря:

— Кто верит — не спрашивает. Всё, сынок, пошли скорей, у меня завтра тяжелый день.

И Сарра, слышав их разговор, расстроилась, и говорила мужу, и сказала:

— Как тебе знать, был ли то истинно Господь, Бог наш, а не просто шутник, который хотел разыграть тебя? Ибо Всевышнему ненавистны розыгрыши, и кто разыгрывает ближнего своего, тот будет предан в руки врагов своих, хотят они того или не хотят.

И отвечал Авраам жене своей Сарре:

— Я знаю, что со мной говорил Он. Это был глубокий, хорошо поставленный голос с сильной реверберацией. Кто еще станет так шуметь по ночам в пустыне?

И спросила Сарра мужа своего Авраама: что же, ты намерен-таки совершить такую глупость? И ответил Авраам: а как же? Ибо усомниться в слове Господнем — один из тяжчайших грехов, тем более когда экономика в таком состоянии.

И привел Авраам Исаака на место, и привел костер всесожжения, и приготовился принести сына своего в жертву, но в послед-

[12] нее мгновение остановил Всевышний руку его и сказал Аврааму, говоря:

— Что ты делаешь, Авраам? Как тебе не стыдно?

И отвечал Ему Авраам:

— Но Ты же сам сказал, Господи...

— Мало ли что я сказал? Ты что, веришь всякой ерунде, которую тебе скажут во сне?

И устыдился Авраам, и отвечал:

— Ну... вообще-то нет.

— Я просто посмеялся, — сказал Господь, — я в шутку предложил тебе пожертвовать Исааком, а ты сразу бежишь разводить огонь.

И упал Авраам на колени и сказал:

— Боже мой, откуда мне знать, когда Ты шутишь!

И возгремел Господь:

— Поразительно! Никакого чувства юмора!

— Но разве не говорит это, Господи, о моей любви к Тебе, что я готов принести в жертву сына, единственного моего, по единому капризу Твоему?

И отвечал ему Господь:

— Это говорит о том, что есть на свете люди, которые готовы исполнить самое идиотское приказание, если оно произнесено хорошо поставленным голосом с сильной реверберацией.

И сказав так, повелел Всевышний Аврааму хорошенько отдохнуть и условился с ним о встрече на завтра".

[13]

3. "...был человек, торговавший рубахами, и наступили для него тяжелые времена. Не шел товар, и заглохла вся торговля его. И воззвал он к Господу, говоря: "Боже мой, для чего Ты послал мне такие испытания? Ибо враги мои торгуют вовсю, а я за неделю не продал ни рубахи. И это в разгар сезона. Взгляни, Господи, на товар мой. Смотри, какая вискоза. Боже мой, есть и с воротничками на пуговицах, есть под галстук — и всё лежит. А ведь я всегда следовал заповедям Твоим. Почему же не могу ныне заработать на хлеб насущный, и младший мой брат вынужден мыть полы в "Детском мире"?"

И услышал Всевышний его молитвы, и отвечал рабу своему, говоря:

— Насчет рубашек...

— Да, Господи, — воскликнул тот человек и упал на колени.

— Нашей крокодилчика.

— Что, Господи?

— Что слышал. Нашей крокодила на карман. Не пожалеешь.

И взял тот человек все рубахи свои и нашёл на карманах знак крокодила, и вот, се,

[14] вдруг премного выросли продажи его, и была ему великая радость, тогда как в стане врагов его стоял стон и скрежет зубовой, и кто-то сказал: “Милостив Господь, Он упокоит меня на пажитях злачных. Один вопрос — смогу ли я потом встать”.

✓ Образ Сиднея Кутельмаса в романе “Госпожа Бовари”

Кутельмас, профессор классической словесности в Сити-колледже¹, был снова несчастлив в браке. Дафна Кутельмас оказалась мещанкой. Вдобавок у него было два олуха от первой жены, Фло, и он сидел по уши в алиментах и хлопотах о потомках.

— Откуда я знал, что так повернется? — жаловался Кутельмас своему психотерапевту. — Мне казалось, в Дафне что-то есть. Кто же подозревал, что однажды она сорвется с катушек и раздуется, как дирижабль? Потом, у нее водились деньжата. Само по себе это не основание для женитьбы, но и не может повредить толковому человеку. Вы меня понимаете?

¹ Сити-колледж — городской колледж Нью-Йорка, который закончил Вуди Аллен. (Здесь и далее — прим. перев.)

[16] Кугельмас был лыс и мохнат, как медведь, но у него была душа.

— Мне нужна другая женщина. Мне нужен роман. Возможно, по мне не скажешь, но я из тех, кому необходима романтика. Я не могу жить без нежных чувств, без флирта. Я не становлюсь моложе и, пока не поздно, хочу заниматься любовью под песни гондольеров, сидеть за столиком в “21”¹, потягивать красное вино, острить и молчать, глядя в ее глаза, в которых отражаются свечи. Вы слушаете?

Доктор Мандель поерзал в кресле и сказал:

— Роман ничего не решит. Не будьте наивны. Ваши проблемы значительно глубже.

— Само собой, я не намерен терять голову, — продолжал Кугельмас. — Второго развода я не потяну. Дафна выпьет из меня последние соки.

— Мистер Кугельмас...

— Но Сити-колледж исключается, потому что Дафна тоже там работает. Не то чтоб у нас на кафедре кто-то поражал воображение, но среди студенток, знаете...

— Мистер Кугельмас...

¹ “21” — знаменитый нью-йоркский ресторан; его можно увидеть в фильме Аллена “Таинственное убийство на Манхэттене”.

— Помогите мне. Прошлой ночью я видел сон. Я скакал по лужайке с корзинкой для пикника в руках, и на корзинке было написано “Варианты”. Потом я заметил, что корзинка — дырявая.

— Мистер Кугельмас, худшее в вашем положении — начать действовать. Постарайтесь просто описать свои переживания, и мы вместе подвергнем их анализу. Вы достаточно опытный пациент, чтобы не рассчитывать на моментальное улучшение. В конце концов я ведь психоаналитик, а не волшебник.

— В таком случае мне, вероятно, нужен волшебник, — сказал Кугельмас, вставая с кресла. И на этом прервал курс психотерапии.

Недели через две, когда Кугельмасы, как старая мебель, пылились дома, зазвонил телефон.

— Я возьму, — сказал Кугельмас. — Слушаю.

— Кугельмас? — спросил голос. — Кугельмас, это Перский.

— Кто-кто?

— Перский. Если угодно — Великий Перский.

— Простите?

— Я слышал, вы по всему городу ищете волшебника. Не хватает экзотики? А?

[17]

[18] — Ш-ш-ш, — прошипел Кугельмас. — Не вешайте трубку. Откуда вы говорите, Перский?

На другой день пополудни Кугельмас одолел три лестничных марша в обветшалом доме в бедном квартале Бруклина. Вглядываясь во мрак коридора, он нашел нужную дверь и позвонил. Я еще пожалею об этом, сказал он себе.

Через мгновение его приветствовал невысокий худой человек, бледный, как пергамент.

— Вы и есть Великий Перский? — спросил Кугельмас.

— Перский Великий. Хотите чаю?

— Нет. Хочу романтики. Хочу музыки. Хочу любви и красоты.

— А чаю не хотите? Надо же. Ну хорошо, садитесь.

Перский удалился и, судя по звукам, стал передвигать какие-то коробки, мебель. Потом он вернулся, катя перед собой большой ящик на скрипучих колесиках. Он убрал с него несколько старых шелковых носовых платков и дул пыль. С виду это была дешевая китайская горка с облупившимся лаком.

— Так. И в чем подвох? — спросил Кугельмас.

— Одну минуточку, — ответил Перский. — Это совершенно дивный трюк. Я готовил его

к съезду пифийского ордена¹, но не собрали кворум. Полезайте.

— Внутри? Шпагами будете протыкать?

— Вы где-то видите шпаги?

Кугельмас скорчил недоверчивую мину и, ворча, полез в шкаф. Прямо перед собой он увидел пару нелепых брильянтов, приклеенных к ободранной фанере.

— Знаете, если это розыгрыш... — пробормотал он.

— А что не розыгрыш? Теперь внимание. Стоит мне поместить в шкафчик вместе с вами какой-нибудь роман, закрыть дверцы и трижды постучать, как вы немедленно перенесетесь в эту книгу.

Кугельмас исподлобья посмотрел на волшебника.

— Я вам говорю, — заверил Перский. — Чтоб у меня рука отсохла. Впрочем, необязательно роман. Рассказы, пьесы, стихи. Вы можете повстречать любую из женщин, созданных величайшими авторами на свете. Любую, о какой только мечтали. К вашим услугам лучшие из лучших. Когда надоест — кричите, и я в полсекунды возвращаю вас назад.

1 "Рыцари Пифии" — масонское братство, организованное в 1864 г. Проповедует идеалы добра, лояльности к власти и религиозной терпимости.

[20]

— Скажите, Перский, вас давно выписали?

— Поверьте, это сервис высокого класса.

Но Кугельмасу не верилось.

— Я умоляю. Вот в этой тухлявой коробке можно устроить такое путешествие?

— За пару десятков.

Кугельмас вынул бумажник.

— Ну, допустим, — сказал он.

Перский сунул деньги в карман брюк и повернулся к книжным полкам.

— Так кого изволите? Сестру Керри? Фрэнкен Юлию? Офелию? Может быть, что-то из Сола Беллоу? Слушайте, а как вам Кармен? Хотя, пожалуй, для вас это уже тяжело.

— Француженку. Я хочу настоящую французскую любовницу.

— Нана?

— А бесплатно?

— Наташа из “Войны и мира”?

— Лучше француженку. Знаю! Эмма Бовари! А? По-моему, это именно то, что надо.

— Кугельмас, она ваша. Крикните мне, когда будет довольно.

Волшебник бросил в шкаф дешевый томик Флобера.

— Вы уверены, что это безопасно? — спросил Кугельмас, когда Перский стал закрывать дверцы шкафа.

[21]

— Безопасно... Что безопасно в этом чокнутом мире?

Перский трижды постучал по шкафу и распахнул дверцы.

Кугельмас исчез. В это мгновение он стоял в спальне Шарля и Эммы Бовари в Ионвилле. Спиной к нему очаровательная женщина застилала кровать. Больше в комнате никого не было. Невероятно, подумал Кугельмас, уставясь на восхитительную француженку. Фантастика. Я здесь. Это она.

Эмма испуганно обернулась.

— Господи боже, вы меня напугали, — воскликнула она. — Кто вы такой, мсье?

Она говорила словами превосходного английского перевода из книжки Перского.

Конец света, подумал Кугельмас. А затем, поняв, что она обращается к нему, произнес:

— Прошу прощения. Я Сидней Кугельмас. Из Сити-колледжа. Профессор классической словесности. Нью-Йоркский Сити-колледж, знаете? К северо-западу от Центрального парка. Собственно, я... О господи!

Эмма Бовари мило улыбнулась и сказала:

— Не хотите ли выпить? Может, бокал вина?

Как она прекрасна! — подумал Кугельмас. Какой контраст с его тухлой каракатицей! Ему страшно захотелось обнять это волшеб-

[22] ное виденье и сказать, что он мечтал о такой женщине всю свою жизнь.

— Да-да, вина, — севшим голосом ответил Кугельмас. — Белого. Нет, красного. Или белого. Пожалуйста, белого.

— Шарля весь день не будет дома, — шаловливо и многозначительно сказала Эмма.

Выпив вина, они отправились на прогулку по прелестным, истинно французским окрестностям.

— Я всегда мечтала, как однажды придет таинственный незнакомец и спасет меня от монотонности грубой провинциальной жизни, — говорила госпожа Бовари, сжимая его пальцы. Они шли мимо маленькой церкви. — Мне нравится, как ты одет, — прошептала Эмма. — Я тут не видела ничего похожего. Это так... так современно.

— Называется костюм домашний, — ответил он с нежностью. — Схватил на распродаже.

Внезапно он поцеловал ее. Следующий час они провели под сенью дерева, шепотом и взглядами поверяя друг другу необычайно важные вещи. Потом Кугельмас вдруг сел. Он вспомнил, что обещал встретить Дафну у “Блуминдейла”¹.

¹ “Блуминдейл” — крупный универмаг в Нью-Йорке.

— Мне пора, — сказал он Эмме. — Но не печалься. Я вернусь.

— Я буду ждать, — ответила Эмма.

Он порывисто обнял ее, и они пошли назад к дому. Кугельмас взял лицо Эммы в свои ладони, еще раз поцеловал ее и крикнул:

— О’кей, Перский! Мне надо в “Блуминдейл” к полчетвертого.

Раздался звучный хлопок, и Кугельмас очутился снова в Бруклине.

— Ну? — торжествующе спросил Перский. — Где вы видели подвох?

— Послушайте, Перский, я уже опаздываю: ярмо зовет. Но когда мы продолжим? Завтра?

— К вашим услугам. Не забудьте пару десятков. И никому ни слова.

— Ага. Я как раз собирался звонить в “Тайм”.

Кугельмас схватил такси и помчался в центр. Сердце его пело. Я влюблен, думал он, у меня есть удивительная тайна. Мог ли он предположить, что в эти минуты в классах и аудиториях по всей стране ученики спрашивали своих преподавателей: “А кто этот персонаж на странице сто один? Лысый еврей целует мадам Бовари?” А старый учитель в Су-Фолсе (Южная Дакота) вздохнул и подумал:

[24] “Дети, дети... Травка, колесики... И вот результат”.

Кугельмас отыскал Дафну в отделе ваннх принадлежностей.

— Где тебя носило? — набросилась она на супруга. — Уже полпятого.

— Попал в пробку, — ответил запыхавшийся Кугельмас.

На следующий день Кугельмас снова пошел к Перскому и через несколько минут был чудодейственным образом перенесен в Ионвилль. Увидев его, Эмма не могла скрыть волнение. Они провели вдвоем несколько часов, смеясь и рассказывая друг другу о своем непохожем прошлом. Перед расставанием они любили друг друга. “Боже мой, я делаю это с мадам Бовари! — шептал самому себе Кугельмас. — Я, который всю жизнь путал артикли!”

Шло время, Кугельмас не упускал случая заглянуть к Перскому. У них с Эммой установились близкие и пылкие отношения.

— Не промахнитесь, Перский: мне нельзя появляться у Бовари дальше сто двадцатой страницы, — однажды предупредил волшебника Кугельмас. — Мы можем встречаться, только пока она не связалась с этим самым... Родольфом.

— Почему? — удивился Перский. — А вы не можете занять его часы? [25]

— Занять его часы! Он же помещик, почти дворянин. Этим ребятам только и дела, что крутить романы и носиться верхом. По мне, таких пруд пруди на каждой странице “Женской моды”. С причесочкой под Хельмута Бергера¹. Но Эмма таает.

— А что муж? Ничего не заподозрил?

— Куда ему. Скучный маленький фельдшер, которого жизнь связала с тусовщицей. В десять он уже хочет спать, а она надевает бальные туфельки. Ну ладно... Пока.

И Кугельмас снова вошел в шкаф и тотчас же оказался в имении Бовари в Ионвилле.

— Как дела, симпапончик? — спросил он у Эммы.

— О, Кугельмас, — вздохнула Эмма. — Если бы ты знал, что мне приходится терпеть! Вчера в обед он заснул посреди десерта. Я говорила о “Максиме”, о балете, мне было так хорошо, и вдруг слышу храп.

— Ничего, дорогая, я ведь снова с тобой, — сказал Кугельмас, обнимая ее.

Я заслужил это, думал он, погружая нос в ее волосы и вдыхая чисто французский аро-

¹ Хельмут Бергер (р.1944) — австрийский актер, широко известный по фильмам Висконти “Гибель богов”, “Людвиг” и др.

[26] мат. Довольно я страдал. Довольно платил аналитикам. Сколько я искал, сколько потратил сил! И вот я с ней, юной и совершеннолетней, на пятой странице после Леона, за десять страниц до Родольфа. Чтобы взять свое, надо просто попасть в нужную главу.

Эмма, без сомнения, была так же счастлива. Она истосковалась по впечатлениям, и от волшебных сказок о бродвейской жизни, о мчащихся автомобилях и звездах Голливуда и телевидения у юной француженки захватывало дух.

— Расскажи мне еще про О.Джей Симпсона, — умоляла Эмма, когда они с Кугельмасом в сумерках бродили близ церкви аббата Бурнисьена.

— Ну что расскажешь? Великий человек. В нападении ему вообще нет равных. Потрясающая техника. Его просто невозможно остановить.

— А “Оскар”? — спросила Эмма мечтательно. — Я бы все отдала за него.

— Сначала нужно попасть в номинацию.

— Я знаю. Ты объяснял. Но я уверена, что смогу быть актрисой, если немного позанимаюсь. Может, у Страсберга, да? И если бы я нашла толкового агента...

— Посмотрим, посмотрим. Я поговорю со своим волшебником.

Этим вечером, благополучно вернувшись к Перскому, Кугельмас выдвинул идею, чтобы Эмма погостила у него и повидала большой город. [27]

— Нужно обдумать, — сказал Перский. — Может, я сумею это устроить. Случались и более невероятные вещи.

Но оба так и не смогли припомнить ни одной.

— Где тебя всё черти носят? — прорычала Дафна, когда поздно вечером Кугельмас явился домой. — Завел потаскушку?

— Разумеется, как ты догадалась? — утомленно ответил Кугельмас. — Посидели с Леонардом Папкином. Обсуждали социалистическое земледелие в Польше. Ты же знаешь Папкина. Это его конек.

— Ты какой-то странный последнее время, — сказала Дафна. — Чужой. Смотри не забудь — у папочки в субботу день рождения.

— Я помню, помню, — сказал Кугельмас, направляясь в ванную.

— Будут все наши. Приедут близнецы. И дядя Хэмиш. Ты с ним повежливей, он тебя любит.

— И близнецы приедут? Ну, великолепно, — сказал Кугельмас, закрываясь в ванной и избавляясь от голоса жены. Он прислонился к двери и глубоко вздохнул. Скоро он сно-

[28] ва будет в Ионвилле, сказал он себе, с любимой женщиной. И на этот раз, если все пойдет хорошо, вернется с ней в Нью-Йорк.

Назавтра, в три пятнадцать дня, Перский совершил новое чудо. Любовники провели несколько часов в Ионвилле с Бине, а потом вернулись в экипаж Бовари. В соответствии с инструкцией Перского они крепко обнялись, зажмурились и сосчитали до десяти. Когда они открыли глаза, шарабан подъезжал к боковому входу отеля “Плаза”, где с утра Кугельмас оптимистично заказал апартаменты люкс.

— Как хорошо! Все точно как я представляла, — говорила Эмма, весело кружась по спальне и разглядывая город через окно. — Это здание “Ф.А.О. Шварц”¹. А вон Центральный парк — а где же “Шерри”²? Ага, вот, вижу. Божественно.

На кровати лежали пакеты от Хальстона и Сен-Лорана. Эмма развернула сверток и приложила черные бархатные брючки к своей безупречной фигуре.

— Костюмчик от Ральфа Лорана, — сказал Кугельмас. — Будешь смотреться на миллион долларов. Иди ко мне, малышка, поцелуемся.

1 “Ф.А.О. Шварц” — названный так в честь основателя крупнейший магазин игрушек на Пятой авеню.

2 “Шерри Незерленд” — отель класса люкс.

— Я никогда не была так счастлива! — воскликнула Эмма, крутясь перед зеркалом. — Давай пойдем в город. Я хочу скорее посмотреть “Кордебалет”, Гуггенхайм и этого Джека Николсона, о котором ты все время рассказываешь. Сейчас идут какие-нибудь фильмы с ним?

— Непостижимо, — пробормотал профессор Гарварда. — Сначала — неизвестный персонаж по имени Кугельмас, а теперь она вообще исчезла из романа. Впрочем, я думаю, это и есть свойство классики: можно перечитывать тысячу раз, и всегда находишь что-то новое.

Любовники провели дивные выходные. Кугельмас сказал Дафне, что едет на симпозиум в Бостон и вернется в понедельник. Наслаждаясь каждым мгновением, они с Эммой ходили в кино, обедали в китайском квартале, провели два часа на дискотеке и, улегшись, смотрели фильм по телевизору. В воскресенье спали до полудня, побывали в Сохо и глазели на знаменитостей “У Элейн”¹. Вечером заказали в номер икру и шампанское и проговорили до рассвета. Утром, когда они ехали на такси к Перскому, Кугельмас

1 “У Элейн” — нью-йоркский ресторан, знаменитый своими посетителями, среди которых Вуди Аллен, Б.Стрейзанд и другие.

[29]

[30] подумал, что лихорадка того стоила. Я не смогу привозить ее сюда слишком часто, но время от времени... будет чудесный контраст с Ионвиллем.

У Перского Эмма забралась в шкаф и, устроившись среди свертков и коробок с покупками, нежно поцеловала Кугельмаса и подмигнула ему: "Следующий раз — у меня". Перский трижды постучал по шкафу. Ничего не произошло.

— Хм, — сказал Перский и почесал в затылке. Он снова постучал, но чудо не свершалось. — Что-то не в порядке, — пробормотал он.

— Перский, не надо шуток! — воскликнул Кугельмас. — Что тут может быть не в порядке?

— Спокойствие, спокойствие. Эмма, вы еще в шкафу?

— Да.

Перский постучал опять, на этот раз сильнее.

— Перский, я еще здесь.

— Я знаю, дорогая. Сидите смиренно.

— Перский, нам необходимо отправить ее назад, — прошептал Кугельмас. — Я женатый человек, и через три часа у меня лекция. Маленькое приключение — на большее я не готов.

— Не пойму, — бормотал Перский. — Такой безотказный трюк.

Но он не смог ничего поделать.

— Потребуется немного времени, — сказал он Кугельмасу. — Надо разобраться. Я позволю.

Кугельмас бросил Эмму в такси и отвез обратно в отель. Он едва успел на лекцию. Он весь день просидел на телефоне, названивая то Перскому, то возлюбленной. Волшебник сказал: чтоб докопаться до причины неполадок, понадобится несколько дней.

— Ну, что симпозиум? — спросила Дафна вечером.

— Превосходно, превосходно, — ответил Кугельмас, поджигая фильтр сигареты.

— Что-то случилось? Ты заряжен, как кот.

— Я? Ха, забавно. Я безмятежен, как летняя ночь. Собираюсь пройтись подышать.

Он сразился с дверным замком, поймал такси и помчался в "Плазу".

— Как нехорошо, — сказала Эмма. — Шарль будет скучать по мне.

— Потерпи со мной, милая, — сказал Кугельмас.

Он был бледен и мокр. Он еще раз поцеловал Эмму, бросился к лифтам, наорал на Перского по автомату из вестибюля и еле успел домой до полуночи.

[32] — Если верить Папкину, с тысяча девять сот семьдесят первого года в Кракове не было более твердых цен на ячмень, — сказал он Дафне и измученно улыбнулся, залеза под одеяло.

Так прошла неделя.

В пятницу вечером Кугельмас сообщил Дафне, что должен срочно лететь на очередной симпозиум, на сей раз — в Сиракузы. Он бросился в отель, но эти выходные оказались совсем не похожи на прошлые.

— Верни меня в роман или женись мне, — заявила Эмма. — А пока что мне надо найти работу или поступить на курсы, потому что целый день смотреть телек — это кривизна.

— Отлично. Деньги нам пригодятся. Суд по счетам, ты тут потребляешь вдвое больше своего веса...

— Я вчера встретила в Центральном парке одного внебродвейского продюсера, и он сказал, что я могу подойти для его нового проекта.

— Что еще за клоун?

— Он не клоун. Он чуткий, добрый и симпатичный. Его зовут Джефф, фамилия мне не помню, он сейчас выдвинут на "Тони".

В тот вечер Кугельмас пришел к Перску пьяный.

— Успокойтесь, — сказал ему Перский. — Схлопочете инфаркт. [33]

— Успокойтесь! Он говорит "успокойтесь"! Я схлопотал бессмертный художественный образ, который сейчас заперт в гостиничном номере, а моя жена наверняка посадила мне на хвост частного сыщика.

— Я понимаю, понимаю. Конечно, положение не сахар. — Перский залез под шкаф и принялся что-то откручивать большими пассажками.

— Меня обложили, — продолжал Кугельмас. — Я иду по улице и озираюсь. Мы с Эммой осточертели друг другу. Не говоря о счетах за номер, которые больше похожи на бюджет Пентагона.

— Что ж я могу поделать? Мир магии, — откликнулся Перский. — Тонкая материя.

— Тонкая! Как бы не так! Я потчую эту киску черной икоркой с "Дом Периньоном", плюс ее гардероб, плюс она поступила в театральную студию, и ей вдруг срочно понадобились профессиональные фото. И вдобавок — слышите, Перский? — профессор Фивиш Копкинд, который читает введение в литературоведение и всегда мне завидовал, узнал во мне персонаж, который периодически появляется в романе Флобера. Он грозит пойти к Дафне. Я предвижу катастро-

[34] фу, разорение, тюрьму. За романчик с мадам Бовари моя жена пустит меня по миру.

— Ну что мне вам сказать? Я стараюсь, я бьюсь день и ночь. Что до личных переживаний — здесь помочь ничем не могу. Я же волшебник, а не психоаналитик.

В воскресенье днем Эмма заперлась в ванной и на мольбы Кугельмаса не отзывалась. Кугельмас смотрел в окно на каток Вольмана и подумывал о самоубийстве. “Жаль, невысоко, а то бы не откладывал. А может, бежать в Европу и начать жизнь сначала... Или пойти продавать “Интернэшнл геральд трибюн”, как вон те девчонки”. Зазвонил телефон. Кугельмас машинально поднес трубку к уху.

— Везите ее, — сказал Перский.

У Кугельмаса перехватило дыхание:

— Вы уверены? Вы починили?

— Что-то было с трансмиссией. Поди знай.

— Перский, вы гений. Мы будем через минуту. Даже раньше.

И снова любовники помчались к волшебнику, и снова Эмма Бовари забралась в шкаф со своими свертками. Поцелуя на этот раз не последовало. Перский захлопнул дверцы, глубоко вдохнул и трижды постучал по шкафу. Раздался обнадеживающий хлопок, и, когда Перский заглянул внутрь, шкаф был пуст. Мадам Бовари возвратилась в книгу.

Кугельмас с облегчением перевел дух и пожал волшебнику руку.

— Конечно, — сказал он. — Это мне хороший урок. Отныне я буду верен жене до гробовой доски, клянусь.

Он снова пожал Перскому руку и решил прислать ему в подарок галстук.

Три недели спустя, на закате чудесного весеннего дня Перский услышал звонок и открыл дверь. На пороге, застенчиво улыбаясь, стоял Кугельмас.

— А, Кугельмас! — сказал волшебник. — Снова ищите приключений?

— Только один разок, — сказал Кугельмас. — Такая чудная погода, и я не становлюсь моложе. Скажите, вы читали “Жалобу Портного”? Помните Мартышку?

— Теперь это стоит двадцать пять долларов, сейчас ведь все дорожает. Но вас я запущу бесплатно. Все-таки я причинил вам много хлопот.

— Вы настоящий друг! — сказал Кугельмас и полез в шкаф, приглаживая остаток волос. — Машина в порядке?

— Надеюсь. Хотя после той истории я толком не пробовал.

— Секс и романтика, — произнес Кугельмас из глубин шкафа. — Чего не сделаешь ради симпатичной мордашки.

[35]

[36]

Перский бросил внутрь экземпляра “Жалобы Портного” и трижды постучал по шкафу. На этот раз вместо хлопка раздался глухой взрыв, за которым последовал треск разрядов и фонтан искр. Перский отскочил, почувствовал боль за грудиной и упал замертво. Шкаф вспыхнул, и в конце концов весь дом сгорел.

Кугельмас не ведал об этой катастрофе. У него были свои неприятности. По причине аварии он не попал ни в “Жалобу Портного”, ни в какой-либо другой роман. Он оказался в старом учебнике интенсивного курса испанского языка и до конца своих дней носился по бесплодной скалистой местности, спасаясь от здоровенного мохнатого неправильного глагола *tener* (иметь), гонявшегося за ним на длинных тонких ножках.

✓ Осторожно, НЛО

В новостях снова заговорили об НЛО, и, несомненно, пришло время всерьез исследовать этот феномен. (Если быть точным, сейчас десять минут восьмого, так что мы даже слегка опоздали, и я успел здорово проголодаться.) До сих пор считалось, что рассуждать о летающих тарелках могут только чудаки и чокнутые. Впрочем, нередко очевидцев признавали теми и другими одновременно. И все же непрекращающийся поток достаточно убедительных свидетельств вынудил научное сообщество и командование военно-воздушных сил пересмотреть отношение к проблеме. Недавно из госбюджета была выделена сумма в размере двухсот долларов, что позволит наконец приступить к всестороннему изучению загадочного явления.

[38] Вопрос стоит так: есть ли разумные существа во Вселенной? И если да — есть ли у них лазерное оружие?

Возможно, не все НЛО имеют внеземное происхождение, но специалисты сходятся в том, что светящийся сигарообразный предмет не мог бы подняться в воздух со скоростью двенадцать тысяч миль в секунду без техобслуживания и свеч, которые есть только на Плутоне. Если изучаемые объекты действительно прилетели с другой планеты, то создавшая их цивилизация должна опережать в развитии нашу на миллионы лет. Либо им просто здорово повезло. Профессор Леон Типчек убежден в существовании цивилизации, от которой Земля отстает примерно на четверть часа. Он уверяет, что это дает инопланетянам колоссальные преимущества — ведь им не приходится сломя голову нестись на свидание.

Доктор Брэкиш Менцис, сотрудник Паломарской обсерватории (или пациент паломарской психиатрической лечебницы — в тексте неразборчиво) утверждает, что при движении со скоростью, близкой к скорости света, понадобятся миллионы лет, чтобы добраться до нас даже из ближайшей галактики, а принимая в расчет качество бродвейских мюзиклов, вряд ли затея того стоит.

(Передвижение со скоростью большей, чем скорость света, невозможно, да и вряд ли желательно — сдувает шляпу.)

Любопытный факт: по мнению сегодняшних астрономов, Вселенная не бесконечна. Это чрезвычайно ободряющая весть, особенно для тех, кто никогда не помнит, куда дел ключи. Вселенная расширяется, однажды она взорвется и исчезнет: на этом держится вся современная наука. Вот почему даже если милая девушка из соседнего отдела не совсем то, о чем вы мечтали, все-таки имеет смысл пойти на компромисс.

Наиболее частый вопрос в связи с НЛО: если тарелки прилетели из космоса, почему экипаж не попытается вступить с нами в контакт, вместо того чтобы с таинственным видом мотаться вдали от населенных пунктов? На этот счет у меня есть собственная теория. Я вполне допускаю, что нам предлагают способ общения, принятый в других галактиках. Я и сам как-то мотался за одной студенткой театрального училища, и эти полгода были лучшими в моей жизни. А кроме того, не следует забывать, что, говоря о жизни на других планетах, мы обычно подразумеваем аминокислотные организмы, а они в принципе не очень-то общительны, даже на вечеринках.

[39]

[40] Большинство полагает, что НЛО — сугубо современный феномен. Так ли это на самом деле? Не логичнее ли предположить, что человечество наблюдает за НЛО уже много веков? (Это ведь нам век кажется долгим, особенно если дашь в долг; но в масштабах Вселенной сто лет — не дольше секунды. Вот почему неплохо иметь при себе зубную щетку и быть готовым убраться по первому требованию.) Современные исследователи полагают, что встречи с неопознанными летающими объектами случались еще в библейские времена. Так, в книге Левит читаем: “И явился огромный серебряный шар над войском ассирийским, и по всему Вавилону сделался стон и скрежет зубовой, и не прекращался, пока не воззвали к народу пророки его и повелели народу опомниться и взять себя в руки”.

Трудно не заметить сходство этого загадочного происшествия с другим, описанным много лет спустя у Парменида: “Внезапно в небе с разных сторон появились три медно-красных сфероида. Они устремились к центру Афин и, соединившись, долго кружили над термами, что заставило кое-кого из наших мудрейших философов броситься за полотенцем”. В свою очередь, эти “три медно-красных сфероида” удивительно напоминают описа-

ние в недавно найденной славянской рукописи девятого века: “И зрит княже не зегзицу над рецей, и не скол там летахом, а летахом багряны кругляши. Унд иже с ними”.

Церковь считала подобные явления несомненным предвестием близкого конца света. Однако ничего не случилось, наступил понедельник, и всем пришлось выходить на работу. Общее разочарование было велико.

Ну и наконец, наиболее впечатляющее свидетельство о встрече с необъяснимым небесным явлением оставил великий Гёте. “Возвращаясь домой с Лейпцигской лыжной ярмарки, — пишет он, — я шел лугом и в какой-то момент взглянул наверх. Неожиданно в южной стороне небосвода появились несколько карминно-алых шаров. Они снизились с большим ускорением и начали преследовать меня. Я крикнул им, что я гений и бегаю не очень быстро, но шары не отставали. Тогда, разгневавшись, я послал им проклятье, и они в ужасе улетели прочь. Позже я рассказал об этой истории Бетховену (еще не зная, что он почти совсем оглох); Людвиг улыбнулся, кивнул и произнес: “Es muss sein” (Это должно быть)”.

В большинстве случаев тщательные исследования на месте происшествия показывали,

[41]

[42] что за неопознанный летающий объект были приняты метеорологические зонды, метеориты, спутники, а в одном случае даже мужчина по имени Луи Мандельбаум, унесенный ветром с крыши Центра международной торговли.

Типичным примером такого рода “объяснимых” наблюдений может служить свидетельство сэра Честера Рамсботтома: “Пятого июня тысяча девятьсот шестьдесят первого года я вел машину по дороге в графстве Шропшир. В два часа ночи я заметил сигарообразный объект, который явно преследовал меня. Я попробовал оторваться, но объект не отставал, точно повторяя все мои маневры. Он был яркого пурпурного цвета, и ни резкие повороты, ни виражи на большой скорости не помогли мне уйти от погоны. Я почувствовал тревогу и покрылся испариной. Потом стало так страшно, что я закричал и, по всей вероятности, потерял сознание. Очнулся я в больнице, как ни странно, совершенно невредимый”. Проведя соответствующие исследования, специалисты установили, что объектом, который наблюдал сэр Честер, был его собственный нос. Понятно, что все попытки избавиться от преследования были обречены на неудачу, поскольку нос все время находился у него на лице.

Другая история, тоже впоследствии получившая объяснение, началась с рапорта, который в конце апреля 1972 года подал командованию генерал-майор Кертис Мемлинг с авиабазы ВВС “Эндрюс”: “Однажды ночью я шел через поле и неожиданно увидел в небе большой серебряный диск. Он летел метрах в тридцати прямо над моей головой и проделывал фигуры, не доступные никакому летающему аппарату. Внезапно он набрал высоту и с гигантской скоростью улетел прочь”.

Специалисты, изучавшие этот случай, почували неладное, заметив, что генерал-майор не может рассказать о происшествии без смеха. Через некоторое время он признался, что возвращался в ту ночь с фильма “Война миров”, который посмотрел в гарнизонном кинотеатре. По собственному выражению, на просмотре его “здорово вставило”. Забавно, что в 1976 году генерал Мемлинг снова подал рапорт о встрече с НЛО; тогда быстро выяснилось, что его тоже ввел в заблуждение нос сэра Честера Рамсботтома. Эта история вызвала панику среди командования военно-воздушных сил и в конце концов привела генерала Мемлинга на скамью военного трибунала.

Хотя большинство так называемых встреч с НЛО впоследствии получают вполне зем-

[43]

[44] ное объяснение, некоторые все же остаются загадкой. Вот несколько примеров подобных встреч.

О первой сообщил житель Бостона в мае 1969 года: “Мы с женой гуляли по набережной. Супругу мою не назовешь красоткой. Она полновата. Собственно, поэтому я вез ее на тележке. Вдруг я поднял голову и увидел здоровенную белую тарелку. Мне показалось, она с огромной скоростью опускается прямо на нас. Вероятно, я запаниковал, потому что бросил тележку с женой и пустился бежать. Тарелка прошла прямо у меня над макушкой, и я услышал металлический голос, от которого мороз продрал по коже. Голос сказал: проверь автоответчик. Не помню как, я добрался домой, включил автоответчик и узнал, что Ральф переехал и меня просят пересылать его почту на Нептун. Ральф — это мой брат, с тех пор я никогда его не видел. А у жены случился нервный срыв, и теперь она разговаривает только азбукой Морзе”.

А вот сообщение И.М.Аксельбанка из Афин, штат Джорджия, сделанное в феврале 1971 года: “Я опытный пилот и в тот день направлялся на личной “сесне” из Нью-Мексико в Амарильо, Техас. Собирался забомбить пару козлов, чьи религиозные убежде-

ния не вполне разделяю. Неожиданно я заметил слева по борту какой-то объект. Сначала решил, что это аэроплан, но он выпустил в меня зеленый луч, и “сессна” за четыре секунды потеряла одиннадцать тысяч футов высоты, а мой парик сорвался с головы и пробил дыру в крыше кабины. Я пытался запросить помощь по радию, но почему-то поймал только старый радиоспектакль. Объект приблизился почти вплотную, а потом улетел с невероятной скоростью. К этому моменту я полностью утратил ориентацию и был вынужден совершить аварийную посадку на шоссе. Приняв решение не покидать кабины, я некоторое время вел самолет по земле, но не впился в тоннель и сломал крылья”.

Одна из самых загадочных историй случилась в августе семьдесят пятого с жителем Монтэк-Пойнта на Лонг-Айленде: “Я уже лег, но никак не мог уснуть. Всё думал о жареной курочке в холодильнике. Как она там? Мне казалось, она тоже не спит. Я подождал, чтоб не разбудить жену, и тихонько пошел в кухню. Хорошо помню, как взглянул на часы: было ровно четверть пятого. Это точно, потому что часы на кухне не идут уже двадцать первый год и всегда показывают четыре пятнадцать. Еще я обратил внимание, что Иуда,

[45]

[46] наш пёс, ведет себя как-то странно. Он стоял на задних лапах и напевал: “Что за радость быть девчонкой”. Вдруг вся комната стала ярко-оранжевой. Сначала я подумал, это жена рассердилась, что я перебью себе аппетит, и подожгла дом. Но потом выглянул в окно и увидел, что сильный оранжевый луч идет от огромного сигарообразного объекта, висевшего прямо над садом. От изумления я застыл и очнулся, как мне показалось, через целую вечность — хотя на часах было по-прежнему четверть пятого, так что точно сказать не берусь. Тут из корабля протянулось огромное механическое щупальце, выхватило у меня два куриных крылышка и поспешно спряталось. Потом корабль стремительно набрал высоту и растаял в небе. Когда я сообщил обо всем в министерство военно-воздушных сил, мне ответили, что я наблюдал стаю перелетных птиц. Я возмутился, тогда полковник Квинси Баскомб лично пообещал, что ВВС вернут мне оба куриных крылышка, однако к настоящему времени я получил только одно”.

И наконец, случай с двумя заводскими рабочими из Луизианы в январе 1987 года: “Мы с Роем рыбачили на болоте. Кому как, а мне на болоте самый мед, да и Рою тоже. Были не выпивши, хотя захватили с собой три лит-

ра метилхлорида. Кто не знает — хорошо под лимончик или там с редисочкой, зеленым лучком. Где-то часов в двенадцать ночи мы смотрим наверх и видим желтый, как я не знаю, шар. Идет прямо на болото. Рой подумал: цапля — и пальнул. Я говорю: “Рой, какая же это цапля — у нее и клюва нет”. А по клюву всегда можно определить, цапля или нет. Вон у Ронова сынишки здоровенный клюв, так он думает, что он цапля. Короче, потом открывается люк, выходят несколько типов. Похожи на маленькие приемнички, только зубастые и волосы ежиком. А на ногах вместо пальцев колесики. Они помахали, чтоб я подошел, ну, я подошел, и они мне вкололи чего-то, так что я стал улыбаться и вообще вел себя как телепузик. Они посоветовались, голос у них странный — похоже, как, бывает, сдаешь машину назад и врежешься в толстяка, — потом затащили меня внутрь и устроили вроде диспансеризации. А я и не спорил, чего мне спорить, все равно я уже года два не проверялся. Они вмиг научились говорить по-нашему, но все равно путались на ровном месте, вместо “пропедевтика” говорили “герменевтика”. Сказали, что прилетели из другой галактики, чтобы предупредить, что мы, земляне, должны между собой жить в мире, а то они вернуться со страшным

[47]

[48] оружием и заламинируют всех первенцев мужского пола. Еще сказали, что мой анализ крови будет готов через два дня, и если они мне не позвонят, значит, всё путем и мы с Клер можем пожениться”.

✓ История моего безумия

Безумие вещь относительная. Кто посмеет утверждать, что он вполне нормален? И даже теперь, шатаясь по Центральному парку в лохмотьях и марлевой маске, выкрикивая революционные призывы и истерически хохоча, я все не могу до конца поверить, что случившееся со мной не имеет никаких объяснений. Ведь я, любезный читатель, не родился городским сумасшедшим. Я не всегда замедлял шаг у мусорных ящиков, чтобы положить в хозяйственную сумку старый шнурочек, обрывок проволоки или пробку. О нет. Когда-то я был преуспевающим врачом, жил в верхней части Ист-Сайда, разъезжал в шоколадном “мерседесе” и был упакован в сногшибательный твид от Ральфа Лорена. Завсегдатай театральных премьер,

[50] ресторана “Сарди”¹, Линкольн-центра и хэмптонских кортов, я славился остроумием и непревзойденной подачей слева. Кто мог вообразить, что однажды доктор Осип Паркис перестанет бриться, наденет кепку с маленьким вентилятором, рюкзак и начнет кататься на роликах по Бродвею?

История, которая привела к этой катастрофе, была простой. Я сам сделал выбор. Я жил с чудесной женщиной — очаровательной, тонкой, образованной, настоящей умницей с прекрасным нравом и редким чувством юмора. Я был счастлив. Однако (в этом некого винить, кроме судьбы) она совершенно не волновала меня в постели. Поэтому с некоторых пор я стал каждый вечер ускользать из дому на тайные свидания с фотомodelью по имени Тиффани Шмидерер, чье умственное развитие заставляло кровь стынуть в жилах, но физическое совершенство заставляло вновь закипать. Каждая частичка ее тела источала неодолимую притягательность. Несомненно, вы, любезный читатель, слышали выражение “глаз не оторвать”. Поверьте, тут глазами не ограничивалось. Кожа Тиффани Шмидерер была подобна шелку или, лучше сказать, нежнейшей семге в ресторане “Забар”. Роскошная каштановая гри-

¹ “Сарди” — бродвейский ресторан, любимый “звездами”.

ва, бесконечные стройные ноги и такая фигура, что даже случайно коснуться ее рукой — как ухнуть с американской горки. Не подумайте, что моя начитанная, да нет, по-настоящему глубокая Олив Чомски была безобразной горбуньей. Вовсе нет. При всех достоинствах обаятельной, остроумной, одухотворенной женщины, она была очень хороша собой, а в кровати, грубо говоря, — мастерица на все руки. Но беда заключалась в том, что при определенном освещении Олив необъяснимо напоминала тетю Ривку. Нет-нет, на самом деле они вовсе не были похожи — моя милая Олив и мамина сестра. Если кто был похож на тетю Ривку, так это небезызвестный Голем из еврейской притчи. Просто какое-то неувловимое сходство в выражении лица, что ли, и только если тень ложилась определенным образом. Может, и вправду существует пресловутое табу на кровосмешение. А может, женщина с обликом Тиффани Шмидерер появляется на свет раз в миллион лет и, как правило, предвещает ледниковый период, всемирный потоп или всемирный пожар. Не знаю. Но я ценил лучшее, что было в каждой из двух женщин, и уже не мог обходиться без них обеих.

Сначала я познакомился с Олив. Позади была длинная череда неудачных романов. Во всех моих прошлых подругах чего-то не хва-

[52] тало. Моя первая жена была великолепно, но лишена чувства юмора. Из братьев Маркс¹ самым смешным ей казался Зеппо. Вторая была хороша собой, но холодновата. Лишь единственный раз ночью мне вдруг показалось, что она пошевелилась под моими ласками. Но то был необъяснимый оптический эффект, через мгновение он прекратился. Шарон Флюг, с которой мы протянули три месяца, была слишком неуживчива. Уитни Вайсглас — слишком уступчива. Пиппа Мондейл, жизнерадостная разведенка, совершила роковую ошибку, не позволив мне выкинуть вон свечи в форме Лорела и Харди², которые она купила. Из самых добрых побуждений друзья взялись устраивать мне бесчисленные свидания с незнакомками — как одна сошедшими со страниц Лавкрафта³. Отчаявшись, я даже пробовал звонить по объявлению в “Нью-Йоркском книжном обозрении”, но это тоже было пустое дело. Поэтессе “слегка за тридцать” оказывалось сильно под шестьдесят, студентка, “поклонница Баха и

1 Братья Маркс (Гручо, Харпо, Чико, Гуммо, Зеппо) — прославленные американские комики (в 30-х гг.); Гуммо и Зеппо снимались гораздо реже трех других.

2 Лорел и Харди — легендарный голливудский комический дуэт 30–40-х гг.

3 Говард Лавкрафт (1890–1937) — американский писатель; работал в традициях “литературы ужасов”.

“Беовульфа”¹ была вылитая медуза Горгона, а “бисексуалка из Бэй Эриа с видом на океан” сказала, что я не подхожу ей ни с какой стороны. Нет, конечно, случались приятные исключения, попадалась иногда настоящая красавица, толковая и душевная, с хорошими рекомендациями и приятными манерами. Но по какому-то вековечному закону (не то из Ветхого Завета, не то из египетской книги Мертвых), ей не подходил я. И не было на свете мужчины, меня несчастнее. Внешне совершенно благополучного, а в душе отчаянно мечтающего о настоящей любви.

По ночам от одиночества я размышлял о природе совершенства. Существует ли на свете нечто совершенное — кроме, конечно, тупости дяди Хайма? И кто я, собственно, такой, чтобы требовать от жизни совершенства? Я, ходячая выставка несовершенств! Я даже решил составить список своих недостатков, но не продвинулся дальше первого пункта: “иногда забывает шляпу”.

Потом я принялся искать пример для подражания, образец “счастья в личной жизни”. Вспомнил всех, кого знаю. Родители жили вместе уже сорок лет. Сорок лет — исключительно назло друг дружке. Гринглас, врач из нашей больницы, женился на женщине, по-

1 “Беовульф” — англосаксонская поэма VIII в., названная по имени героя.

[53]

[54] хожей на кусок брынзы, потому что “это сама доброта”. Айрис Мерман напропалую кокетничает с каждым мужчиной, который приходит голосовать на ее избирательный участок. Нет, всё не то. Я никогда не встречал пары, которую мог бы не лукавая назвать счастливой.

Вскоре начались ночные кошмары. Снилось, что я иду в бар для одиноких, на меня набрасывается свора бродячих секретарш и с ножом у горла заставляет хвалить жительниц Квинса. Психотерапевт советовал искать компромисс. Ребе советовал не волноваться. “Что ты имеешь против мадам Бронштейн? — сказал он. — Я не говорю, что она таки первая красotka, но кто еще так сумеет пронести пишу и самострелы в гетто и обратно?”

Однажды я познакомился с актрисой, по ее словам, мечтавшей быть просто официанткой в кафе, и почти купился, но во время короткого совместного ужина она сто тридцать два раза сказала “как бы”.

А потом как-то вечером после тяжелого дня в больнице я пошел послушать Стравинского и в антракте увидел Олив Чомски. Жизнь перевернулась.

Она цитировала Элиота¹, играла в теннис и на фортепиано двухголосные инвенции

1 Томас Стернз Элиот (1888–1965) — англо-американский поэт и критик, лауреат Нобелевской премии (1948).

Баха. Интеллигентная женщина. Сложная натура. Никогда не говорила “типа того”, не носила вещей ради ярлычка от Гуччи-Шмуччи, не слушала популярную музыку и не смотрела ток-шоу. И притом всегда была готова испробовать самые невероятные способы и даже начинала сама. Как счастливы были мы с ней, пока мое сумасшедшее вожделье (достойное, полагаю, книги рекордов Гиннеса) не стало иссякать! Концерты, кино, ужины, выходные вдвоем, бесконечные разговоры обо всем на свете от Пого¹ до “Ригведы”². И ни разу я не слышал от нее ни единой банальности. Нет, во всем самостоятельность, глубина. Остроумие, повторяю! И, само собой, презрение к любой пошлости: политике, телевидению, косметическим подтяжкам лица, типовой архитектуре, мужчинам в тренировочных костюмах, киноклубам и людям, которые начинают предложение словами “на самом деле”.

Будь проклят тот день, когда шальной луч коснулся ее лица и вызвал к жизни черты тети Ривки. Боже мой, тети Ривки, самого воплощения вселенской скорби! И будь заод-

1 Пого — опоссум, заглавный герой знаменитого комикса любимого американскими интеллектуалами.

2 “Ригведа” — “Книга гимнов”, древнейший памятник индийской литературы.

[55]

[56] но проклят другой день, когда на богемной вечеринке в Сохо само воплощение заветных мужских фантазий по имени (боже мой!) Тиффани Шмидерер, подтянув клетчатый шерстяной носок, обратилось ко мне голосом мультяшного мышонка.

— А кто ты по гороскопу? — спросила она, и я ощутил, как на моем лице вырастает шерсть и с неслышным рычанием рвутся наружу клыки питекантропа. В короткой, но содержательной беседе я рассказал Тиффани Шмидерер много интересного об астрологии и других, не менее значительных материях, — лозоходстве, филиппинских хилерах и снежном человеке.

Всего через несколько часов последний лепесток ее нижнего белья бесшумно скользнул на ковер, и, почувствовав, что сейчас растаю, расплаволюсь, испарюсь, я внезапно запел национальный гимн Германии. То, что мы делали потом, не повторить никому и никогда, разве только воздушным акробатам под куполом цирка.

И началось.

Изобретение алиби для Олив. Вороватые свидания с Тиффани. Постоянное чувство вины перед женщиной, которую я люблю, но при этом трачу все силы бог весть на что. В сущности — на пустую неваляшку, от ма-

лейшего покачивания которой я терял голову, как на хорошей гильотине. Я предавал женщину своей мечты исключительно ради животной страсти вроде той, что обуревала Эмиля Яннингса в “Голубом ангеле”¹. Один раз я сказался больным и попросил Олив сходить на Брамса с ее мамой, потому что обязан был смотреть по телику “Все в твоих руках” — идиотский каприз повелительницы моей страсти. Там, видите ли, сегодня будет Джонни Кэш². Правда, покорно отсмотрев программу, я был по-царски вознагражден. Тиффани устроила в комнате полумрак и вознесла мое либидо на альфу Центавра. В другой раз я рассеянно сказал Олив, что иду за газетами, а сам стрелой пролетел семь кварталов до Тиффани, вскочил в лифт, и, на мою удачу, он застрял. Как загнанный ягуар, я метался по клетке, висевшей между этажами, не в силах ни утолить бешеную страсть, ни вернуться домой в правдоподобный срок. Освобожденный наконец какими-то пожарниками, я на обратном пути лихо радочно сочинял невообразимую историю

[57]

1 “Голубой ангел” — фильм немецкого режиссера Й. фон Штернберга с Эмилем Яннингсом и Марлен Дитрих в главных ролях (1930).

2 Джонни Кэш (р.1932) — популярный американский певец, обладатель десяти премий “Грэмми”.

[58] с участием двух грабителей и лох-несского чудовища.

Но мне повезло: когда я вернулся, Олив уже спала. При своей врожденной порядочности она не могла даже помыслить, что я способен изменить ей, и, хотя мы бывали близки все реже и реже, я старался экономить силы, чтобы хоть отчасти удовлетворять и ее. Но чаще, проклиная себя, нес что-то про усталость, про трудный день, и она верила мне с простодушием ангела. Шли месяцы, и положение становилось невыносимым. Я все больше напоминал существо с картины Мунка “Крик”.

Вставшая передо мной дилемма была поистине ужасна, любезный читатель! Предполагаю, впрочем, что она сводит с ума многих моих современников. Невозможно обрести все, что хочешь, в единственном существе противоположного пола. Что же делать? С одной стороны — зияющая пропасть смирения. С другой — презренная низость измены. А может, все-таки правы французы? — может, идеальный вариант — иметь и жену, и любовницу, разделив свои потребности между ними? Зная Олив, я не сомневался, что при первой попытке предложить такой расклад она заколет меня своим изящным зонтиком. И опускал руки, все глубже погружал-

ся в отчаяние и подумывал о самоубийстве. Я даже приставил дуло к виску, но в последнее мгновение дрогнул и выпалил в воздух. Пуля прошла сквозь потолок, и мнительная миссис Фигельсон из квартиры над нами провела пасхальные каникулы на крыше книжного шкафа.

Но однажды ночью случилось чудо. Внезапно с удивительной ясностью, какую обычно приписывают воздействию ЛСД, я понял, что надо делать. Накануне вечером мы с Олив были на премьере восстановленного фильма с Белой Лугоши. В решающей сцене Лугоши, который играет безумного ученого, при вспышках молний соединяет мозг несчастной жертвы, привязанной к операционному столу, с мозгом гориллы, лежащей рядом. Если киносценаристу под силу такое выдумать, подумал я, то, уж конечно, хирург моего уровня способен осуществить подобную операцию во плоти.

Не стану утомлять вас техническими подробностями, непрофессионалу их все равно сложно понять. Скажу просто, что через некоторое время грозовой ночью на Пятой авеню появилась таинственная фигура в сопровождении двух женщин, нетвердо державшихся на ногах. Очертания одной из спутниц заставляли редких водителей въез-

[59]

[60] жать на тротуар. Троица скользнула в темное здание больницы “Флауэр”, давно закрытой на ремонт. Там, в заброшенной операционной, при вспышках молний, с треском кровавших мрак, неизвестный провел операцию, которая до него делалась только в мире целлулоидных грез и была по силам лишь одному хирургу, венгерскому актеру, превратившему полную муру в жанр искусства.

И что же? Тиффани Шмидерер, поселившаяся отныне в не столь совершенном теле Олив Чомски, почувствовала восхитительную свободу: она словно избавилась от проклятья, перестав быть постоянным объектом мужского вожделения. Как и предсказывал Дарвин, вскоре у Тиффани развился разум: пускай не такой, как у Ханны Арендт¹, но позволивший ей понять ограниченность астрологии и удачно выйти замуж. А перед попрежнему блистательной Олив Чомски открылся теперь весь мир, она стала моей женой, а я стал объектом всеобщей зависти. И мы познали блаженство, о каком можно прочесть только в “Тысяче и одной ночи”.

Всё бы хорошо; но через несколько месяцев я почему-то утратил интерес к этой иде-

альной женщине и неожиданно втрескался в стюардессу по имени Билли Джин Запрудер. Ее мальчишеская фигура и алабамский говор сводили меня с ума. Вот тогда я и уволился из больницы, надел кепку с пропеллером, рюкзак — и покатил на роликах вниз по Бродвею.

[61]

¹ Ханна Арендт (1906–1975) — крупный американский философ и искусствовед.

▼ Спутник инакомыслящего (сборник полезных советов)

Для революции необходимы два условия: наличие тех, против кого восстают, и тех, кто непосредственно будет восставать. Одежда не имеет значения, время и место определяются участниками сообща, однако для достижения наилучших результатов желательнее присутствие обеих сторон. Китайская революция 1650 года сорвалась из-за нехватки противников, и деньги, потраченные на аренду зала, пропали понапрасну.

Люди или партии, против которых направлена революция, называются “угнетателями”. Их легко отличить по хорошему настроению. Обыкновенно “угнетатели” носят костюмы, владеют земельными участками и слушают музыку за полночь, не боясь скандала с соседями. Их задача заключается в

поддержании статус-кво, то есть неизменно-го положения вещей, хотя раз в два-три года они не прочь поменять обои.

Если “угнетатели” слишком суровы, возникает так называемое полицейское государство, где всех стригут под одну гребенку, сушат одним феном, освежают одним одеколоном и запрещают называть мэра родного города жирной свиньей. В полицейском государстве не соблюдаются права человека, отсутствует свобода слова, хотя и сохраняется некоторая свобода жеста и право на пантомиму в суде. Запрещена любая критика правительства, в особенности его дикции и галстуков. Нечего говорить также о свободе печати: все средства массовой информации находятся в руках правящей партии, служат рупором ее идей, а результаты матчей подвергаются строжайшей цензуре, дабы убаюкать общественность.

Лица либо группы лиц, которые поднимают восстание, называются “угнетенными”. Обычно их можно узнать по непрестанному ворчанию, нытью и жалобам на мигрень. (Следует отметить, что угнетатели никогда не устраивают революций и не стремятся стать угнетенными, так как это влечет за собой полную перемену гардероба, включая нижнее белье.)

[64] К наиболее знаменитым революциям традиционно относятся:

Французская революция, в ходе которой восставшее крестьянство захватило власть, поменяло все замки во дворце, чтобы хозяева не могли вернуться, и устроило колоссальную вечеринку. Когда дворянству удалось отбить дворец, пришлось делать большую уборку, оттирать пятна и собирать окурки.

Русская революция, которая назревала долгие годы и вспыхнула в тот момент, когда пролетариат понял, что “царь-батюшка” — это один и тот же человек.

Нужно заметить, что по окончании революции “угнетенные” чаще всего берут власть и начинают вести себя как “угнетатели”. Понятно, что потом им уже невозможно дозвониться, и о деньгах, которые вы дали в долг на баррикадах, чтобы купить сигарет и жвачки, лучше забыть.

К основным приемам гражданского неповиновения относятся:

Голодовка. В ходе голодовки “угнетенные” отказываются от пищи, пока их требования не будут выполнены. Следует остерегаться коварства властей, которые нередко пытаются подложить голодающему пачку крекеров или ломтик чеддера. Если удаётся заставить мятежника перекусить, то потом очень лег-

ко подавить восстание. Если же убедить его не только поесть, но и оплатить счет, это можно считать полной победой тиранов. Многотысячная голодовка в Пакистане была сорвана умелыми действиями правительства, пустившего в ход исключительно нежную телячью отбивную, от которой было невозможно отказаться; но, разумеется, мало где так вкусно готовят.

Трудность голодовки заключается в том, что через пару дней очень хочется есть. Тем более когда за окном разезжают полицейские фургоны с динамиками и день напролет повторяют: “Мм, какие шашлычки, ай-ай-ай, смотри-ка — жареные орешки!”

Менее радикальной формой голодовки, которая подойдет умеренным политическим деятелям, является отказ от приправ. Этот сам по себе скромный демарш, употребленный к месту, способен произвести огромное впечатление на правительство. Так, настойчивое требование Махатмы Ганди ничем не заправлять ему салат вынудило посрамленных британцев пойти на серьезные уступки.

Кроме принятия пищи, можно также отказываться от: улыбок, преферанса и исполнения роли Деда Мороза на школьном утреннике.

[65]

[66] *Сидячая забастовка.* Выберите место и займите положение сидя. Садитесь так, чтобы копчик коснулся пола или земли, иначе будет считаться, что вы стоите на коленях — это лишено политического смысла, кроме случаев, когда и само правительство стоит на коленях. (Что редкость, хотя при наступлении холодов правительство иногда опускается очень низко.) Задача сидящего — не вставать, пока власти не пойдут на уступки. Власти, как и в случае голодовки, стараются всяческими хитростями заставить мятежника подняться. Они могут сказать, например, “просьба освободить вагоны, поезд идет в парк”, или “всего доброго, мы закрываемся”, или “вы не встанете на минуточку, мы просто хотим измерить ваш рост?”.

Демонстрации и марши протеста. Смысл демонстрации в том, что она должна быть заметна. Отсюда сам термин — “демонстрация”. Демонстрация, проводимая у себя дома, не является политической акцией, и скорее может быть квалифицирована как глупость или полный идиотизм.

Великолепным образцом демонстрации может служить так называемое Бостонское чаепитие, когда американцы, переодетые в индейцев, сбросили в море партию английского чая. Вслед за этим индейцы, переодетые

в американцев, сбросили в море непереодетых англичан. После чего англичане, переодетые в партию чая, сбросили в море друга друга. И, наконец, в залив вошел головной крейсер немецкого торгового флота с командой, переодетой в костюмы из “Чио-чио-сан” (по невыясненной причине).

Во время демонстрации неплохо иметь в руках плакат с требованием. Рекомендуются следующие варианты: 1. Нет повышению налогов! 2. Нет снижению налогов! 3. Нет насмешкам над пекинесами!

Другие приемы гражданского неповиновения. Неповинующийся также может:

— стоять под окнами мэрии, скандируя “кол-ба-сы!” до тех пор, пока требование не будет выполнено;

— блокировать городской общественный транспорт с помощью отары овец;

— звонить домой истеблишменту и петь в трубку “Бесс, ты теперь моя”;

— переодеться полицейским и скакать по улицам;

— притвориться баклажаном и шипать прохожих за ляжки.

[67]

Шеф

Я сидел у себя в конторе, чистил “тридцать восьмой” и гадал, откуда привалит новое дельце. Работу свою я люблю, и хотя мне не раз портили прикус автомобильным домкратом — сладкий запах зеленых всё лечит. Не говоря о девчонках. Это моя вторая слабость: они мне нужны чуть побольше воздуха. Вот почему когда дверь распахнулась и в контору стремительно вошла длинноволосая блондинка, сказала, что ее зовут Хизер Баткис, она натурщица, позирует голышом и нуждается в услугах частного сыщика, мои слюнные железы переключились на четвертую передачу. Эта короткая юбочка, тонкий свитерок и параболы, которые они обтягивали, могли вызвать инфаркт у буйвола.

— Что я могу сделать для тебя, детка?

— Вы занимаетесь розыском пропавших? [69]
— А кто-то потерялся? В полицию ты уже обращалась?

— Не то чтобы потерялся. Видите ли, мистер Любошиц...

— Просто Кайзер, малыш. Так кого же мы ищем?

— Бога.

— Бога?

— Бога. Всевышнего, Творца мироздания, Первопричину всего сущего, Верховный принцип бытия. Прошу вас, Кайзер: его надо найти.

Чокнутые у меня в конторе не редкость, но когда они так сложены — слушаешь не моргая.

— Зачем?

— Неважно. Ваше дело разыскать Его.

— Извини, детка. Ты не по адресу.

— Но почему?

— Мне нужно знать все до конца.

Я встал.

— Подождите, хорошо, ладно.

Она закусилла нижнюю губу, потом принялась расправлять морщинку на чулочке. Я оценил спектакль, но не купился.

— Давай-ка начистоту, малыш.

— Хорошо. Дело в том, что я не натурщица.

— Нет?

[70] — Нет. И зовут меня не Хизер Баткис, а Клер Розенцвейг, я студентка. Учусь в Вассаре¹ на философском. Изучаю историю западной мысли и тому подобное. В январе мы сдаем дипломную. Тема — религия Запада. Все, конечно, отделаются общими рассуждениями. Но я хочу дать точный ответ. Профессор Гербанье сказал: кто даст точный ответ — диплом в кармане. А отец обещал “мерс”, если будут все пятерки.

Я открыл пачку “Лаки”, потом пачку жвачки и взял из той и другой по шутке. История начинала мне нравиться. Бывалая малышка. Неслабый IQ² и фигурка, с которой следовало познакомиться поближе.

— Как же он выглядит, твой Бог?

— Понятия не имею, я никогда его не видела.

— Так с чего ты взяла, что он вообще существует?

— Вот это и требуется выяснить.

— Неплохо. Не зная ни какой он из себя, ни откуда копать?

— Откровенно говоря, да. То есть я-то, вообще, подозреваю, что он повсюду. В возду-

хе, в каждом цветке, в вас, и во мне, и вот в этом стуле. [71]

— М-да...

Ну, понятно: пантеистка. Буду иметь в виду. Я сказал, что готов взяться за дело. Сто баксов в сутки плюс дополнительные расходы и дружеский ужин с клиенткой. Она улыбнулась и согласилась. Мы вместе спустились в лифте. Вечерело. “Есть Бог или нет, — подумал я, — в Нью-Йорке немало парней, которые любой ценой помешают мне это выяснить”.

Ребе Ицхак Вайсман, местный раввин, был моим должником, — как-то раз я помог выяснить, кто натирает его шляпу свиным салом, — и теперь мне пришло в голову, что он мог бы, пожалуй, подкинуть какую-то зацепку. Но едва ребе услышал, о чем речь, я понял: дело нечисто. Ребе испугался. Здорово испугался.

— Конечно, конечно, Тот, о ком ты спрашиваешь, существует. Но я не имею права даже сказать, как Его зовут. Он просто уничтожит меня. Хотя я никогда не мог понять, почему некоторые так чувствительны к тому, чтобы их называли по имени.

— Ты когда-нибудь видел Его?

— Я? Ты шутишь, что ли? Хорошо, что я собственных внуков увидел.

1 Вассар-колледж в Покипси, штат Нью-Йорк; один из самых престижных в Америке.

2 IQ (intelligence quotient) — коэффициент умственного развития.

[72] — Тогда откуда ты знаешь, что Он существует?

— Откуда? Хороший вопрос! Да как бы я купил такой костюм за четырнадцать долларов, если бы Там никого не было? А ну пощупай, какой габардин! Нужны еще доказательства?

— Это единственное?

— Минуточку, минуточку! А Ветхий Завет? Это что тебе, вчерашний форшмак? Как, по твоему, Моисей вывел евреев из Египта? Или ты воображаешь, он сбацал фараону чечетку и обаятельно улыбнулся? Будь спокоен, Красное море домкратом не разведешь. Тут настоящая сила нужна.

— Выходит, Он крутой, а?

— Да. Очень крутой. Иной раз подумаешь, что в Его положении можно бы уже быть чуть помягче.

— Откуда ты столько знаешь о Нем?

— Мы — избранный народ. Он выбрал нас среди других племен и окружил особенной заботой. О чем я тоже как-нибудь переговорил бы с Ним с глазу на глаз.

— Избранный народ? И сколько же вы за это отстегиваете?

— Не спрашивай.

Вот оно как. Выходит, евреи давно с Ним повязаны. Старый как мир рэкет: Он дает

им крышу, они башляют. И, судя по настроению ребе Вайсманна, доит Он их основательно.

Я взял такси и двинул в бильярдную к Дэнни на Десятой авеню. Плюгавый живчик на дверях сразу мне не понравился.

— Фил Чикаго здесь?

— А кто спрашивает?

Я сгреб его за лацканы, прихватив немного его паршивой шкуры.

— Что-что, сучок?

— Он в задней комнате, сэр.

Сразу понял, с кем имеет дело.

Легендарный Фил Чикаго. Медвежатник, фальшивомонетчик. Руки по локоть в крови. Отпетый атеист.

— Никакого Шефа не существует, Кайзер. Это полная туфта. Сказки для малышей. И никогда не существовало. Есть синдикат, международный синдикат. В основном сицилийцы. Но никакого главного там нет. Ну, если разве что не считать Папы.

— Мне бы повидать его.

— Подумаем. — Фил подмигнул мне.

— Ты слышал что-нибудь о некоем Клер Розенцвейг?

— Никогда.

— А Хизер Баткис?

[73]

- [74] — Погоди, погоди... Слыхал. Пергидрольная киска из Рэдклиффа¹ с вот такими буферами?
- Из Рэдклиффа? А говорит, из Вассара.
- Да? Врёт. Она профессорша в Рэдклиффе. Одно время пугалась с каким-то философом.
- Пантеистом?
- Нет. Мне говорили, эмпириком. Стремный тип. Клал на Гегеля, вообще забил на диалектику.
- Понятно.
- Вот именно. Сначала он лабал джаз с двумя корешами, колотил по барабанам. А потом подсел на логический позитивизм. Дальше показалось мало — попробовал прагматизм. Последний раз я слышал о нем от его корешей: он их кинул на кучу бабок, чтобы дослушать курс по Шопенгауэру в Колумбии. Они теперь точат зуб, надеются по крайней мере добраться до его конспектов, худо-бедно отбить хоть что-нибудь на продаже.
- Спасибо, Фил.
- Не за что, Кайзер. Не за что. Ничего там нет. Одна пустота. Неужели ты думаешь, если бы я хоть столечко сомневался в полной бессмысленности бытия — я рисовал бы фальшивые чеки и дрючил сограждан, как я их

¹ Рэдклиффский колледж для девушек, часть Гарвардского университета.

- [75] дрючу? Вселенная сугубо феноменальна. Нет ничего абсолютного. И смысла никакого нет.
- Кто победил в пятом забеге на Акведук?
- Санта-Бэби.
- Я зашел к “О’Рурку”, взял пива и попытался свести все воедино. Но ничего не получалось. Сократ покончил с собой — по крайней мере, так говорили. Христа убили. Ницше сошел с ума. Черт возьми! — если Он существует, то явно не хочет, чтобы об этом узнали. Но зачем Клер Розенцвейг врала про Вассар? И что, если Декарт прав насчет дуализма Вселенной? А может, в точку попал как раз Кант, когда постулировал существование Бога через моральный императив?
- Вечером я ужинал с Клер. Не прошло и десяти минут после десерта, как мы были в койке, и скажу тебе, приятель: пусть твоя западная мысль додумает остальное. Она показала мне такую акробатику, какую ты видал только на олимпиаде. Потом мы лежали височек к височку, ее светлые волосы разметались, наши тела так и не расплелись. Я курил и глядел в потолок.
- Слушай, Клер: а что, если Кьеркегор прав?
- То есть?
- Что, если знать невозможно? Можно только верить.
- Полный абсурд.

[76] — Не надо быть такой рационалисткой.
— Да нет, я вовсе не рационалистка. — Она закурила. — Просто я не хочу онтологии. Не сейчас. Если ты будешь настаивать, я... я просто не смогу.

Клер разволновалась. Я приподнялся и поцеловал ее. Зазвонил телефон, она сняла трубку.

— Тебя.

Это был сержант Рид из отдела по расследованию убийств, я узнал по голосу.

— Ну что, нашел Бога?

— Пока нет.

— Всемогущий Творец? Он же демиург, он же абсолют, он же начало всех начал и творец мироздания? Так?

— Все правильно.

— Только что в морг доставили одного жмурика. По приметам все совпадает. Тебе бы подхезать по-быстрому.

...Да, это был Он, никаких сомнений. И, судя по Его виду, работал профессионал.

— Когда привезли, он уже был готов.

— Где нашли?

— На складе по Деланси-стрит.

— Ну и какие идеи? Улики есть?

— Почерк экзистенциалиста. Сто процентов.

— Думаешь?

— По всему видно, плана у него не было. Чистая импровизация.

— Убийство в состоянии аффекта?

— Вот именно. Так что подозрения падают на тебя, Кайзер.

— На меня?

— Ну кто же в управлении не знает, как ты относишься к Ясперсу?

— Из этого следует, что я убийца?

— Пока нет. Пока что подозреваемый.

Выйдя на улицу, я глотнул кислорода и попытался прочистить мозги. Потом схватил тачку, вылез в Ньюарке и прошел пешком квартал до итальянского ресторана Джордино. Там за укромным столиком сидел Его Святейшество. Папа папой, что и говорить. Двое жлобов рядом с ним были мне знакомы по дюжине фотороботов.

— Садись, — сказал Папа, не отрываясь от фетгучине, и сунул мне перстенок под нос. Я улыбнулся во весь оскал, но руки лизать не стал. Его это явно обломало, и я приободрился. Один—ноль.

— Съешь макарон?

— Нет, спасибо, Святейшество. А ты ешь.

— Вообще ничего не хочешь? А салатик?

— Я только что из-за стола.

— Смотри, воля твоя. У них тут готовят мировой соусок с рокфором. Не то что в Ватикане — там вообще прилично поесть негде.

[77]

[78] — Слушай, Понтиф, я сразу к делу. Мне нужен Бог.

— Ты не ошибся дверью.

— Стало быть, Он существует?

Почему-то вопрос показался им очень смешным, все трое загоготали. Ублюдок рядом со мной сказал: «Неплохо! Малышу Пинноккио не терпится узнать, есть ли на свете Бог».

Я повернулся вместе со стулом, чтобы занять позицию повыгодней, и опустил ножку ему на мизинец. «Прошу прощения». Ублюдок налился кровью от ярости.

— Конечно, Он существует, Любошиц. Но связаться с Ним можно только через меня. Я единственный, с кем Он имеет дело.

— За что такая честь, отец?

— За то, что у меня есть красная сутана.

— Вот эта ночнушка?

— Не гони. Каждое утро я встаю, надеваю эту красную сутану и — бон джорно, следите за рукой! — превращаюсь в большую шишку. Все дело в том, как ты одет. Ну, сам подумай: если бы я ходил в трениках и спортивной куртке — оглянулся бы на меня хоть один ка-толик?

— Значит, всё фуффло? Никакого Бога нет?

— Не знаю. Какая разница? Платят прилично.

— А тебе не приходило в голову, что однажды химчистка задержит твой красный балахон и ты станешь таким, как все?

— А я сдаю в срочную, на сутки. Считаю, за спокойствие можно отдать пару лишних центов.

— Имя Клер Розенцвейг тебе что-нибудь говорит?

— Еще бы. Клер Розенцвейг с факультета естественных наук в Брин-Море¹.

— Естественных наук, говоришь? Ну, спасибо.

— Да за что?

— За помощь, Папа.

Я схватил тачку, рванул через мост Вашингтона, по пути заскочил к себе в контору, кое-что проверил и погнал дальше. Я ехал домой к Клер Розенцвейг и снова и снова раскладывал в голове пасьянс. И на этот раз он сошелся.

Клер встретила меня в прозрачном пеньюаре. Я сразу заметил, что она чем-то встревожена.

— Бог мертв. Тут была полиция. Ищут тебя. Говорят, это сделал экзистенциалист.

— Нет, детка. Это сделала ты.

— Что? Сейчас не время шутить, Кайзер.

¹ Колледж Брин-Мор, штат Пенсильвания.

[79]

[80]

— Это ты убила Его.

— Не понимаю.

— Ты, малыш. Не Хизер Баткис, не Клер Розенцвейг, а доктор Элен Шепард.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Профессор физики в Брин-Морском женском колледже. Самый молодой декан за всю историю университета. Однажды прекрасным зимним днем ты повстречала музыканта. Он играл в джазе на барабанах. Он был женат, но это тебя не остановило. Пара безумных ночек — и вот уже молодой деканше кажется, что она встретила свою любовь. Да только есть одна загвоздка. Бог. Он стоит между вами. Выясняется, что барабанщик верит в Бога. Или, по крайней мере, хотел бы верить. Но ты со своей хорошенькой ученой головкой не можешь допустить неопределенности.

— Да нет же, Кайзер, клянусь!

— И ты решаешь сделать вид, будто увлеклась философией. Тебе ясно, что это единственный способ покончить со всеми препятствиями. Избавиться от Сократа было несложно. Но на его место приходит Декарт. Тогда ты используешь Спинозу, чтобы убрать Декарта. Однако затем на твоём пути встает Кант, и ничего не остается, как избавиться и от него.

— Что ты несешь?!

— Из Лейбница ты сделала отбивную, но этого тебе показалось мало. Ты ведь понимала, что, если кто-то поверит Паскалю, тебе конец. Значит, надо, чтобы Паскаля не было. И вот здесь-то, малыш, ты допустила ошибку. Ты доверилась Мартину Буберу. Но он оказался слишком слаб. Он возвратился к Богу. И тогда ты решила избавиться от Бога своими руками.

— Кайзер, ты спятил!

— Нет, детка. Ты прикинулась пантеисткой, чтобы добраться до Него — если бы, конечно, Он существовал. А Он существовал. Вы вместе пошли на вечеринку к Шелби, и, когда Джейсона не было в комнате, ты убила Его.

— Черт побери, какой Шелби? Какой Джейсон?

— Неважно. Не все ли равно? Ведь с того вечера жизнь стала абсурдом.

— Кайзер, — ее голос вдруг задрожал, — ты не выдашь меня?

— Еще как выдам, детка! Когда убирают Всевышнего — кто-то должен отвечать.

— Кайзер, послушай, мы могли бы уехать отсюда. Куда глаза глядят, вдвоем, только ты и я. Забудем о философии. Купим домик, хочешь — займемся семиотикой.

[81]

[82]

— Извини, малыш. Это не катит.

Заливаясь слезами, она медленно спустила бретельки своего пеньюара, и я увидел перед собой обнаженную богиню любви. Казалось, вся ее плоть шептала: “Возьми меня, я твоя”. Правая рука Венеры ерошила мои волосы, а левая взводила “сорок пятый” у меня за спиной. Но у “тридцать восьмого” спуск оказался лучше. И Венера выронила свою пушку, удивленно посмотрела на меня и согнулась пополам.

— Как ты мог, Кайзер?

Сознание быстро покидало ее, так что мне пришлось поторопиться:

— Манифестация Вселенной как сложной идеи в себе в противоположность существованию внутри или вне подлинного Бытия есть концептуальное Ничто или Ничто по отношению к любой абстрактной форме существования — бывшего, будущего либо продолжающегося — и не подчиняется законам физики и динамики, а также не может быть описана в категориях, относящихся к небытию, недостаточно полному Бытию или инобытию.

Согласен, это непросто. Но думаю, она все-таки поняла, прежде чем испустила дух.

Диета

Однажды без видимых причин Ф. нарушил диету. Это случилось в обеденный перерыв, в кафе. Накануне вечером ему вдруг позвонил начальник отдела Шнабель и предложил вместе пообедать.

— Есть разговор, — сказал Шнабель. Но о чем именно — не пояснил. — Надо бы кое-что обсудить. Прийти к какому-то решению. Ну да это не к спеху. Можно и в другой раз.

Ф. охватила такая тревога, вызванная тоном Шнабеля и самим фактом вечернего звонка, что ему захотелось встретиться с шефом безотлагательно.

— Давайте пообедаем прямо сейчас, — предложил он.

— Сейчас? Уже почти двенадцать, — удивился Шнабель.

[84] — Ах, ну да. И отлично, — сказал Ф., — отлично, тогда прямо завтра непременно пойдем в ресторан.

— Чушь! — отрезал Шнабель. — Это вовсе не обязательно. Говорю же, нет никакой спешки.

И повесил трубку.

Ф. почувствовал, что ему не хватает воздуха. Что я наделал, подумал он. Выставить себя таким болваном перед Шнабелем! В понедельник об этом будут знать все. Второй раз за месяц попадаю в идиотское положение. Не так давно Ф. застигли в копировальной, когда он копировал походку цапли. Но на самом деле предлог и не требовался, в отделе над ним посмеивались постоянно. Иногда, внезапно обернувшись, он видел перед собой тридцать — сорок высунутых языков.

Работа представлялась ему сущим адом. Начать с того, что его стол стоял в глубине комнаты, далеко от окна; и даже тот воздух, который проникал в их мрачную контору, проходил через десятки легких прежде, чем Ф. мог вдохнуть его. По утрам пробираясь на свое место, Ф. чувствовал недружелюбные взгляды, устремленные из-за гробсбухов. Он явно никому не нравился. Как-то раз некто Трауб, мелкий чиновник, учтиво кивнул ему. Но когда Ф. поклонился в ответ, лицемер швырнул в него яблоком. Этого Трауба недав-

но повысили. Он занял место, которое обещали Ф., и получил новый стул. У Ф. не было стула. Его стул украли много лет назад, и при существующей бюрократии нечего было и мечтать о новом. Поэтому Ф. работал стоя. День за днем, ссутулившись над пишущей машинкой, он спиной чувствовал, как сослуживцы потешаются над ним. Когда стул украли и он попросил выдать новый, Шнабель ответил: “К сожалению, ничем не могу помочь, вам придется самому попросить об этом господина министра”.

— Да-да, разумеется, — понимающе кивнул Ф. и записался на высочайший прием. Но в назначенный день его не приняли. “Господин министр занят, — сообщил секретарь. — Открылись некоторые обстоятельства, и он никого не принимает”. Много недель подряд Ф. снова и снова пытался попасть к министру, но безуспешно.

— Мне нужен стул, больше ничего, — объяснял он отцу. — Я вовсе не боюсь сутулости, просто когда хочешь немного передохнуть и кладешь ноги на стол, тут же падаешь.

— Ничтожество, — с презрением процедил отец. — Если бы тебя ценили, ты бы давно сидел.

— Как ты не понимаешь! — воскликнул Ф. — Мне только надо поговорить с господином

[85]

[86] министром. Но он очень занят. Я несколько раз заглядывал к нему в окно и видел, что он разучивает чарльстон.

— Станет министр с тобой разговаривать! — усмехнулся отец, наливая себе хересу. — У него нет времени на жалких неудачников. Между прочим, я слышал, что Рихтер теперь сидит на двух стульях. Один рабочий, а другой так, для забав.

Рихтер! Этот тупой зануда, у которого долгие годы был роман с женой бургомистра, пока она об этом не узнала! Раньше он служил в банке. Однажды обнаружилась недостача, и Рихтера обвинили в растрате, но потом выяснилось, что он эти деньги съел. “Пахнут хорошо, а на вкус так себе, правда?” — сказал он следователю как ни в чем не бывало. Его вышвырнули из банка, а вскоре взяли в контору, где служил Ф. Здесь, узнав, что у Рихтера беглый французский, ему доверили всю парижскую бухгалтерию. Через пять лет выяснилось, что он не знает по-французски ни слова, а просто несет ахи-нею, грассируя и гундося. Был скандал, но Рихтер умудрился вернуть себе расположение начальства. Он убедил всех, что можно удвоить доходы, если просто отпереть парадную дверь и разрешить клиентам заходить внутрь.

— Молодчина Рихтер! — сказал отец Ф. — Такой не пропадет. А ты будешь вечно ныть и пресмыкаться, как склизкий червяк, пока тебя наконец не раздавят.

Ф. поблагодарил отца на добром слове, а вечером почувствовал беспричинную подавленность. Он решил, что надо бы сесть на диету и привести себя в порядок. Не то чтобы Ф. раздобыл; но по многочисленным намекам было понятно, что в некоторых кругах его могут считать чересчур осанистым. Отец прав, подумал Ф. Я в самом деле мерзкая тварь. Гнусное насекомое. Неудивительно, что Шнабель пшикнул в меня “Рэйдом”, едва я заговорил о прибавке! Жалкий червяк, мерзкий перед миром и людьми. Меня надо раздавить или бросить на растерзание шакалам. Я должен жить под кроватью, в пыли, у плинтуса, а лучше — выколоть себе бесстыжие глаза. Решено, завтра сажусь на диету.

Ночью ему снились радостные сны. Он был худым и стройным и легко влезал в смелые новенькие слаксы, какие могут позволить себе только мужчины особого сорта. Ему снилось, что он с дивным проворством играет в теннис и кружится в танце с фотомоделями на модной вечеринке. И наконец, он степенно шел по фондовой бирже под арию тореадора, совершенно голый, и говорил: “А неплохо, да?”

[87]

[88] Наутро Ф. проснулся окрыленный и почти месяц строго соблюдал диету. Сбросив семь кило, он не просто почувствовал себя лучше: ему даже показалось, что судьба переменяла к нему отношение. Однажды секретарь уведомил:

— Сегодня господин министр примет вас.

От счастья Ф. едва не утратил дар речи. Его проводили в высочайший кабинет и представили.

— Я слышал, вы сидите на белковой, — сказал министр.

— Только постное мясо и салат, — отвечал Ф. — Иногда рогалик, но, само собой, никакого масла и вообще никаких жиров.

— Впечатляет, — сказал министр.

— Я не только стал внешне более привлекательным, но также существенно сократил риск сердечно-сосудистых заболеваний и диабета.

— Само собой, само собой. — В голосе министра послышалось нетерпение.

— Полагаю, теперь мне можно было бы поручить известные обязанности, — сказал Ф. — Разумеется, если я удержу вес.

— Подумаем, — ответил министр. — Подумаем. А как же кофе? — спросил он прищурившись. — Попролам со сливками?

— О нет. Две ложечки обезжиренного молока. Поверьте, господин министр, с некоторых пор я не ищу в еде удовольствия.

— Bravo, bravo. Ну что ж, мы еще побеседуем с вами.

В тот же вечер Ф. разорвал помолвку с фрау Шнайдер. Он написал ей, что после такого падения уровня триглицеридов в крови их мечтам не суждено сбыться. Он умолял понять и простить и обещал, что, если холестерин когда-нибудь поднимется выше ста девяноста, сразу же позвонит ей.

А потом случился тот обед со Шнабелем. Собственно, для Ф. — легкий второй завтрак: персик и творожок. На вопрос, зачем он все-таки приглашен в кафе, Шнабель снова ответил уклончиво:

— Просто неплохо бы обсудить возможные варианты.

— Варианты чего? — удивился Ф. Он в самом деле не знал, что и подумать. Быть может, о чем-то забыл?

— Да чего угодно. Нынче все так неопределенно... Честно говоря, я даже не помню, чего хотел.

— Понимаю. Понимаю, херр Шнабель, — сказал Ф. — Однако... мне кажется, вы что-то скрываете от меня.

— Чушь! Ничего я не скрываю. Возьмите-ка лучше пирожное.

— Благодарю вас, херр Шнабель. Видите ли, я сижу на диете.

[89]

[90] — Правда? Ни ложечки сливок, ни маленького эклерчика? Давно?

— Уже несколько месяцев.

— И не хочется?

— Ну почему же... Мне, естественно, нравится завершать обед употреблением некоторого количества сладостей. Но дисциплина есть дисциплина, сами понимаете.

— Вы серьезно? — Шнабель взял эклер, облитый шоколадной глазурью, и откусил с чуть преувеличенным наслаждением. — Как жаль, что вы так строги к себе. Ведь жизнь коротка, дружище. Может, попробуете хотя бы кусочек?

С нехорошей улыбкой Шнабель протянул половинку пирожного на вилке.

Ф. почувствовал головокружение.

— Кусочек? — пробормотал он. — Только один кусочек, и всё? А завтра я смогу снова вернуться к диете?

— Ну, разумеется, разумеется, — сказал Шнабель. — Вы превосходно рассудили.

Ф. мог бы отказаться. Но он капитулировал.

— Официант, — голос его дрогнул, — еще эклер.

— Молодчина! — воскликнул Шнабель. — Вот это по-нашему. Надо быть как все. Может, будь вы в свое время поговорчивей, все вопросы, которые пришлось так долго утря-

сать, были бы давно улажены. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю.

Официант принес эклер и, ставя тарелочку на стол, явно подмигнул Шнабелю. Нет, наверное, просто показалось. Ф. откусил приторного пирожного, потом еще раз и еще. Заварной шоколадный ужас медленно заполнял его.

— Роскошно, а? — Шнабель заговорщицки улыбнулся. — Но, само собой, много калорий. Очень много калорий.

— Да, — пробормотал Ф., чувствуя озноб и глядя в одну точку. — Много калорий. Это все отложится у меня на бедрах.

— Верно-верно, надо откладывать на черный день! — без улыбки сказал Шнабель.

Ф. тяжело дышал. Внезапно всем своим существом, каждой клеточкой он ощутил мучительное раскаяние. “Боже мой, что я наделал! — подумал он. — Я нарушил диету. Я съел пирожное, отлично зная последствия. Ведь завтра мне придется расставить пуговицы!”

— Что-нибудь не так? — спросил официант, улыбаясь дуэтом со Шнабелем.

— В самом деле, что случилось? — подхватил Шнабель. — У вас такой вид, будто вы совершили преступление.

— Давайте поговорим позже. Умоляю. Мне душно, мне надо выйти. Прошу вас, херр

[91]

[92] Шнабель, получите счет, я заплачу в следующий раз.

— О чем разговор, — кивнул Шнабель. — Встретимся в конторе. Между прочим, я слышал, вас хочет видеть господин министр. По поводу неких расходов.

— Расходов? Каких расходов? — спросил Ф.

— Честно говоря, я не в курсе. Ходили слухи. Ничего определенного. Говорят, наверно возникли вопросы. Но, само собой, это не к спеху, это терпит, доедайте спокойно, толстячок.

Ф. выскочил из-за стола и помчался домой не разбирая дороги. Он бросился в ноги отцу и заплакал.

— Папа, — проговорил он сквозь рыдания, — папа, я нарушил диету. Я не выдержал, я взял десерт. Прости меня. Пожалуйста, прости, умоляю.

Отец помолчал, а потом спокойно произнес:

— Я приговариваю тебя к смерти.

— Я знал, что ты поймешь, — сказал Ф. Они обнялись и в который раз дали себе слово ходить на городские субботники.

У Фабрицио. Анализ и резонанс

Мы перепечатаваем здесь статью нашего ведущего ресторанный критика Фабиана Плотника о ресторане “Вилла Нова” Фабрицио, опубликованную в одном серьезном журнале, и любопытнейшие отклики читателей, которые она вызвала.

Спагетти — продукт итальянского неореализма; шеф-повару Марио Спинелли этого не надо объяснять. Спинелли месит свое тесто не спеша. Он хочет, чтобы у посетителей потекли слюнки, он доводит напряжение до предела. Его макароны, непрямолинейные, изобретательные, смелые — порой даже чересчур, — многим обязаны Барзино, чье отношение к спагетти как инструменту переустройства общества хорошо известно.

[94] Посетитель ресторана Барзино, однако, привык к макаронам белого цвета и ни разу не бывал обманут в своих ожиданиях. Спинелли предлагает нам зеленые спагетти. Почему? Кажется, по чистой прихоти. Как клиенты мы не готовы к таким новшествам. Ничего удивительного, что зеленые макароны не воодушевляют нас. Они вызывают беспокойство, явно не входившее в замысел шеф-повара. А вот лазанья Спинелли по-настоящему хороша и лишена назидательности. В ней, конечно, можно различить неустрашимый душок марксизма, но в общем соус удачно маскирует его. В свое время пиццы Спинелли, давнего члена Итальянской компартии, славились тончайшим привкусом марксизма.

Я начал ужин с закусок, показавшихся было бессодержательными, но стоило сосредоточиться на анчоусах — и замысел стал проясняться. Похоже, Спинелли видел в своем ассорти развернутую метафору человеческой жизни, где черные маслины призваны неумолимо напоминать о нашей бренности. Если так, то почему не было сельдерея? Случайно или сознательно? Закуски у Якобелли — сплошной сельдерей. Правда, Якобелли экстремист; он стремится продемонстрировать абсурдность жизни. Можно ли забыть его

скампи — четыре креветки в чесночном соусе, сервированные так, что говорили о нашей причастности к Вьетнаму больше, чем бесчисленные книги на ту же тему? В свое время это вызывало шок! А теперь кажется такой же банальностью, как легкая пикката финочи (ресторан “Везувий”) — пугающая, почти двухметровая телячья отбивная, над которой реет лоскут черного шифона. (Финочи вообще выразительней в телятине, чем в курице и рыбе, и “Тайм” совершил ужасную оплошность, пропустив его фамилию в сноске к колонке Роберта Раушенберга¹.)

В отличие от упомянутых мэтров авангарда, Спинелли редко идет до конца. Он колеблется, как в случае со спумони, и, естественно, в результате мороженое тает. Но все-таки нетрадиционные подходы всегда привлекали его — взять, например, спагетти вонголе с дарами моря. (До курса психотерапии Спинелли испытывал необъяснимый ужас при виде моллюсков. Он был не в состоянии раскрыть их раковины, а когда однажды поддался уговорам и заглянул вовнутрь — лишился чувств. В ранних набросках вонголе он прибегает исключительно к “фальшивым моллюскам”: пробует земляные орехи, маслины

1 Роберт Раушенберг (р.1925) — художник-абстракционист, один из столпов поп-арта.

[96] и, на пороге кризиса, прямо перед госпитализацией, ластики от карандашей).

Прелестный штрих в меню “Вилла Нова” — пармиджана Спинелли из цыпленка без косточек. Название окрашено иронией — ведь он начинил цыпленка дополнительными костями, как бы говоря, что не следует набрасываться на жизнь слишком жадно и беспечно. Необходимость все время извлекать кости изо рта и размещать на тарелке придает блюду сумрачный характер. Неминуемо вспоминается Веберн, чьи мотивы часто возникают у Спинелли.

Роберт Крафт¹ в статье о Стравинском интересно рассуждает о влиянии Шёнберга на салаты Спинелли и о влиянии Спинелли на концерт Стравинского для струнных ре-мажор. В самом деле, его суп министроне — прекрасный пример атональности. Посетитель обнаруживает в чашке множество неожиданных кусочков самых разных кушаний — и, чтобы выпить суп, вынужден производить характерные звуки ртом. Эти звуки организованы в серии. Когда я впервые пришел к Фабрицио, два посетителя, маленький мальчик и тучный господин, ели министроне одновременно; общее восхищение было таково, что им аплоди-

1 Роберт Крафт — дирижер, композитор, друг и душеприказчик И.Стравинского.

ровали стоя. На десерт подавался сыр тортони, и я вспомнил пронизательное замечание Лейбница: “У монад нет окон”. Просто кстати.

Цены в ресторане у Фабрицио, как однажды сказала мне Ханна Арендт в частной беседе, “сносные, не будучи исторически неизбежными”. И она права.

В редакцию

Статья Фабиана Плотника о ресторане “Вилла Нова” полна дельных и тонких наблюдений. Но одно обстоятельство тем не менее ускользнуло от зоркого взгляда автора. Ресторан Фабрицио, являясь предприятием семейным, пренебрегает моделью классической моноклеарной итальянской семьи, то есть семьи с крепким центром, и, как ни странно, организован по типу небогатой семьи валлийских шахтеров в период, предшествующий индустриальной революции. Отношения Фабрицио с женой и детьми явно рассчитаны на зрителя, а по существу глубоко буржуазны. Сексуальные нравы персонала — типично викторианские, особенно у девушки в кассе. Условия труда влекут за собой проблемы, также типичные для английских мануфактур, и официантам нередко приходится работать по восемь—десять часов в день, сервируя столы салфетка-

[97]

[98] ми, которые не соответствуют современным стандартам безопасности.

Доув Рэпкин

В редакцию

В своей рецензии Фабиан Плотник называет цены Фабрицио “сносными”. Любопытно: может, и “Четыре квартета” Элиота он тоже назвал бы “сносными”? Скорее всего, возвращение Элиота на более примитивную ступень доктрины Логоса отражает бытийную деятельность имманентных причин, но восемь пятьдесят за тетрацинии из цыплят? Это не убеждает, даже в католическом контексте. Обращаю внимание г-на Плотника на статью в журнале “Энкаунтер” (2/58) под заголовком “Элиот, реинкарнация и суп из устриц”.

Айно Шмидерер

В редакцию

Что господин Плотник забывает принять в расчет, размышляя о феттучине Марио Спинелли, так это, конечно, размер порции, точнее, количество макарон. Совершенно очевидно, что нечетных макаронин там столько же, сколько четных и нечетных вместе. Налицо парадокс. Однако дискурсивный анализ показывает, что это парадокс сугубо

вербальный, то есть г-н Плотник использует термин “феттучине” недостаточно строго. Действительно, рассмотрим феттучине в качестве неизвестного: так сказать, пусть феттучине равно x . Тогда $a=x/b$, где b — константа, равная половине каждого посетителя. Кто-то может сказать: по такой логике феттучине — это подливка! Нелепый вывод. Ясно только одно: заключение в виде “феттучине было великолепно” — некорректно. Его лучше формулировать так: “Спагетти с подливкой — это не ригатони”. Как неоднократно указывал Гёдель, “всякую сущность следует рассмотреть в категориях логики, прежде чем брать в рот”.

Уорд Бабок,
*профессор Массачусетского
технологического института*

В редакцию

Я с большим любопытством прочитал статью г-на Фабиана Плотника о ресторане “Вилла Нова” и нахожу ее очередной чудовишной попыткой ревизовать историю. Как быстро мы забыли, что в страшные времена сталинизма ресторан Фабрицио не только преспокойно работал, но и увеличил число столиков в дальнем зале! О политических репрессиях в Советском Союзе там даже не

[99]

[100] упоминали. Больше того, когда Комитет в поддержку советских диссидентов призвал Фабрицио исключить из меню ньёки, пока русские не освободят троцкиста Григория Томшинского, легендарного повара-ударника, — Фабрицио отказался. А у Томшинского на руках были десять тысяч кулинарных рецептов, в результате конфискованных НКВД. “В пользу мучимой изжогой бедноты” — как высокопарно оправдывался советский суд, приговоривший Томшинского к каторжным работам. Где были тогда умники из “Виллы Новы”? Гардеробщица Тина даже не попыталась возвысить голос в защиту своих советских коллег, которых забирали прямо из дома и заставляли вешать одежду сталинских прихвостней. Добавлю, что когда десяткам советских физиков предъявили обвинение в переедании и бросили за решетку, то многие рестораны закрылись в знак протеста, но Фабрицио продолжал работать как ни в чем не бывало и даже стал раздавать бесплатные мятные леденцы после еды!

Я сам обедал у него в тридцатые и видел, какое теплое гнездышко свили там махровые сталинисты. Как часто они пытались подsunуть блинчики беспечным посетителям, заказавшим пиццу. Нелепо утверждать, будто большинство не знало, что творится

на кухне. Когда просишь принести скунилли, а получаешь блин — вполне понятно, в чем дело. Следует признать, что наши интеллектуалы просто пытались спрятать голову в песок. Однажды мы пошли к Фабрицио вдвоем с профессором Гидоном Хеопсом. Ему подали чисто русский обед: тарелку борща, котлеты по-киевски и халву. Но он, доедая, сказал мне: “Не правда ли, спагетти удались?”

Квинси Мондрагон,
профессор Нью-Йоркского университета

Отвечает Фабиан Плотник

Г-н Шмидерер демонстрирует полную неосведомленность либо о ценах в других ресторанах, либо о “Четырех квартетах”. Элиот и сам признавал, что восемь пятьдесят за хорошее тетрацини из цыплят (цитирую по его интервью журналу “Партизан ревью”) — “вполне приемлемо”. В “Драй Сэльвейджес” ту же мысль Элиот приписывает Кришне, хотя и в других словах.

Благодарю Доува Рэпкина за его замечания о классической итальянской семье и профессора Бабкока за глубокий семантический анализ, хотя не вполне согласен с его выклад-

[101]

[102] ками и предложил бы скорее следующий ход рассуждений:

а) некоторые макароны с приправой — это спагетти;

б) приправа — это не макароны;

в) спагетти — это не приправа;

г) спагетти — это макароны.

С помощью подобной модели Витгенштейн¹ доказывал, что Бог существует, а Бертран Рассел² — что, более того, в глазах Господа Витгенштейн не больше наперстка.

Наконец, профессор Мондрагон. Спинелли действительно работал на кухне у Фабрицио в тридцатые годы и, возможно, дольше, чем следовало бы. Но все же определенно в его пользу говорит тот факт, что, когда бесславный Комитет по антиамериканской деятельности потребовал сменить в меню “пармскую ветчину с красной смородиной” на менее политически окрашенную ветчину с фидами, Спинелли обратился в Верховный суд и добился принятия знаменитого ныне постановления: “Названия закусок находятся под защитой первой поправки к конституции”.

1 Людвиг Витгенштейн (1889–1951) — австрийский философ и логик, автор идеи создания “идеального” языка.

2 Бертран Рассел (1872–1970) — английский философ, логик, математик, социолог, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1950).

Вопрос президенту Линкольну

Эта пьеса в одном действии основана на случае из жизни первого президента Америки Авраама Линкольна. Был ли такой случай в действительности, неизвестно. Наверняка знаю только, что я здорово утомился, пока писал.

1

Линкольн с миной мальчишки-проказника машет своему пресс-секретарю Джорджу Дженнингсу, приглашая его зайти в кабинет.

Дженнингс. Звали, мистер Линкольн? Линкольн. Да, Дженнингс. Входите. Садитесь.

Дженнингс. Слушаю, господин президент.

- [104] Линкольн (*пряча улыбку*). Я хотел бы обсудить с вами одну идею.
- Дженнингс. Весь внимание.
- Линкольн. В следующий раз, когда мы устроим конференцию для господ журналистов...
- Дженнингс. Так...
- Линкольн. ...и мне начнут задавать вопросы...
- Дженнингс. Да-да, господин президент?
- Линкольн. ...вы тоже поднимете руку и спросите: господин президент, какой длины, по вашему мнению, должны быть человеческие ноги?
- Дженнингс. Простите?
- Линкольн. Вы спросите, какой длины должны быть ноги у человека.
- Дженнингс. Могу я узнать зачем, господин президент?
- Линкольн. Зачем? Дело в том, Дженнингс, что у меня есть превосходный ответ.
- Дженнингс. Какой, господин президент?
- Линкольн. Чтоб доставали до земли.
- Дженнингс. Прошу прощения?..
- Линкольн. Чтоб доставали до земли. Неплохо, а? Какой длины должны быть ноги у человека? — Чтоб доставали до земли.
- Дженнингс. Понятно.
- Линкольн. Что... не смешно?

- Дженнингс. Могу я быть откровенен с вами, господин президент? [105]
- Линкольн (*удрученно*). Не знаю... а многие смеялись.
- Дженнингс. В самом деле?
- Линкольн. Ну да. Были члены администрации, были мои друзья, кто-то спросил про ноги, я мгновенно нашелся, и все просто рухнули.
- Дженнингс. Могу я узнать, в какой связи возник вопрос?
- Линкольн. То есть?
- Дженнингс. Может быть, вы беседовали об анатомии? Может быть, человек, который задал вам вопрос, хирург или скульптор?
- Линкольн. Да почему?.. То есть, собственно... Нет. Нет, не думаю. Я думаю, просто фермер.
- Дженнингс. Тогда почему он спросил об этом?
- Линкольн. По правде сказать, понятия не имею. Знаю только, что он хотел срочно поговорить со мной и его впустили.
- Дженнингс (*озабоченно*). Понимаю.
- Линкольн. Что с вами, Дженнингс? Вы поблбднели!
- Дженнингс. Очень уж странный вопрос, господин президент.

[106] Линкольн. Не спорю, но как я нашелся?
 Слету, в десятку.
 Дженнингс. Что правда, то правда, мистер Линкольн.
 Линкольн. На аплодисменты. То есть я вам говорю: все попадали.
 Дженнингс. А что тот человек?
 Линкольн. Ничего, сказал спасибо и ушел.
 Дженнингс. И вас не интересует, зачем он спрашивал?
 Линкольн. Сказать по правде, меня больше занимал мой ответ. Я в самом деле был очень доволен. “Чтоб доставали до земли”.
 Слёту. Как по писаному.
 Дженнингс. Да-да, конечно. Просто всё это... ну... меня встревожило.

2

Спальня в доме Линкольных. Полночь. Мэри Тодд, супруга президента, уже в кровати, сам Линкольн нервно рассказывает по комнате.

Мэри. Ложись, Ава. Что стряслось?
 Линкольн. Да тот человек. Сегодня утром. Этот вопрос. Не могу понять... Дженнингс завел меня.
 Мэри. Бог с ними, Ава. Выброси из головы.
 Линкольн. Я хотел бы, Мэри. Господи, неужели ты думаешь, я не хочу? Но пере-

до мной все время его глаза. В них была такая мольба! Чего он хотел?.. Надо выпить. [107]

Мэри. Не надо, Ава.
 Линкольн. Надо, Мэри.
 Мэри. Не надо, я сказала!.. Ты стал такой дерганый. Проклятая гражданская война.
 Линкольн. При чем тут война? Человек нуждался в сочувствии — а я думал только о том, как потешить публику. Передо мной стояла сложнейшая проблема — а я знай старался рассмешить сослуживцев. Все равно они меня ненавидят.
 Мэри. Поверь, они все любят тебя, Ава.
 Линкольн. Я тщеславное ничтожество. Нет, но нашелся правда моментально.
 Мэри. Вот видишь. Ты замечательно ответил. “Чтоб доставали до пуза”.
 Линкольн. До земли.
 Мэри. Нет, ты как-то иначе сказал.
 Линкольн. “До земли”. Иначе что смешного-то?
 Мэри. А по-моему, так смешнее.
 Линкольн. Ты считаешь?
 Мэри. Конечно.
 Линкольн. Мэри, господи, ну что ты в этом понимаешь?
 Мэри. Очень смешной образ. Ноги, которые поднимаются к пузу...

- [108] Линкольн. Перестань. Ну все, правда хватит. Давай сменим тему. Где у нас бурбон?
 Мэри (*удерживая бутылку*). Не надо, Ава. Давай сегодня ты не будешь пить. Я просто запрещаю тебе.
 Линкольн. Мэри, что с нами случилось? Ведь когда-то нам было так хорошо вдвоем.
 Мэри (*с нежностью*). Подойди сюда, Ава. Смотри, сегодня полная Луна. Как в ту ночь, когда мы встретились.
 Линкольн. Нет, Мэри. В ту ночь было новолуние.
 Мэри. Полнолуние.
 Линкольн. Новолуние.
 Мэри. Полнолуние.
 Линкольн. Я посмотрю в календаре.
 Мэри. Ах, Ава, да бог с ним, честное слово!
 Линкольн. Прости меня.
 Мэри. Это все из-за того вопроса, да? Про ноги? Да?
 Линкольн. Что он все-таки имел в виду?

3

Хижина Хейнсов. Входит Билл, он утомлен долгой скачкой. Алиса опускает на пол корзину с вязаньем и бросается к мужу.

Алиса. Ну что? Попросил? Что он ответил? Он помилует Эндрю?

- Билл (*обреченно*). Алиса, я сделал такую ужасную глупость. [109]
 Алиса. Что? Ты хочешь сказать — не помилует?
 Билл. Я не попросил.
 Алиса. То есть как? Ты не попросил президента помиловать сына?
 Билл. Не знаю, не понимаю, как это случилось. Он стоял прямо передо мной — президент Соединенных Штатов в окружении всяких важных господ. Министры, помощники, соратники. Потом ему доложили: так и так, мол, человек скакал целый день, чтобы о чем-то вас спросить. А я всю дорогу повторял в уме: “Мистер Линкольн, господин президент, наш мальчик, наш сын Эндрю совершил оплошность. Я понимаю, какой это серьезный проступок — заснуть в карауле, но мне кажется, что казнить совсем еще молодого человека — чересчур жестоко. Господин президент, пожалуйста, прошу вас: не могли бы вы отменить приговор?”
 Алиса. Все верно. Так и надо было сказать.
 Билл. Не знаю, что на меня нашло. Все повернулись ко мне, и президент говорит: “Слушаю вас. О чем вы хотели спросить?” И я ляпнул: “Скажите, пожалуйста, господин президент, какой длины должны быть у человека ноги?”

- [110] Алиса. Что?
 Билл. Ничего. Я так сказал. Пожалуйста, не спрашивай почему. Какой длины, по его мнению, должны быть у человека ноги.
 Алиса. Но при чем тут ноги?
 Билл. Говорю тебе, я сам не понимаю.
 Алиса. Чьи ноги? Его?
 Билл. Пожалуйста, Алиса, прости меня.
 Алиса. Какой длины должны быть ноги?
 В жизни не слышала более идиотского вопроса.
 Билл. Я знаю, я знаю! Прошу тебя, не мучай меня.
 Алиса. Но почему ноги? Тебя никогда особенно не интересовали ноги!
 Билл. Я просто не знал, что сказать. Вдруг все вылетело из головы, понимаешь? Забыл, зачем пришел. Только слышал, как тикают ходики. Мне не хотелось, чтобы он подумал, что я робею.
 Алиса. Ну и что президент? Он ответил тебе?
 Билл. Да. Он сказал: чтоб доставали до земли.
 Алиса. Чтоб доставали до земли? Черт побери, в каком смысле?
 Билл. Не знаю. Но он всех здорово рассмешил. Хотя им, конечно, только пальчик покажи.

- [111] Алиса (*вдруг отвернувшись*). Ты просто не хотел, чтобы Эндрю помиловали.
 Билл. Что ты сказала?
 Алиса. В глубине души ты не хотел, чтобы приговор отменили. Я думаю, ты ревнуешь Эндрю.
 Билл. Ты сошла с ума, Алиса. Один—один. Я ревную?
 Алиса. А что тут странного? Эндрю сильнее тебя. Он лучше управляется с киркой, мотыгой и топором. Он чувствует землю как никто.
 Билл. Алиса, остановись!
 Алиса. Давай посмотрим правде в глаза, Билл: ну какой ты фермер?
 Билл (*в панике, дрожащим голосом*). Ну да, ну да, я признаю. Я ненавижу сельское хозяйство. Все семена для меня на одно лицо. Я никогда не мог отличить чернозема от грязи. Я смешон, да? Конечно, ты ведь выросла на Западе. Школы домоводства и все такое прочее... Что ж, смейся. Я сажаю турнепс, а всходит кукуруза... А ты не думала, как это больно для мужчины?
 Алиса. Если б ты просто надписал пакетики, то знал бы, что сеешь.
 Билл. Я не хочу больше жить. Все кончено.

[112] Неожиданно кто-то стучится в дверь. Алиса открывает. На пороге — президент Линкольн. Он осунулся, у него красные глаза.

Линкольн. Мистер Хейнс?

Билл. Господин президент...

Линкольн. Тот вопрос...

Билл. Я знаю, знаю — такая глупость! Первое, что пришло в голову. Я очень волновался. (*Заплакав, Билл опускается на колени. Линкольн тоже плачет.*)

Линкольн. Значит, я прав. Это было типичное *non sequitur*¹.

Билл. Ну да, конечно. Простите меня...

Линкольн (*плача навзрыд*). Я прощаю, прощаю. Встаньте. Поднимитесь с колен, Хейнс. Сегодня же ваш сын будет помилован. И да будут помилованы все сыновья, совершившие проступки. (*Заключает Алису и Билла в объятия.*) Ваш нелепый вопрос заставил меня по-новому взглянуть на свою жизнь. Позвольте мне выразить вам признательность и любовь.

Алиса. Мы тоже многое переоценили, Ава. Ничего, если мы будем звать вас так?

Линкольн. Ну разумеется, о чем речь! Между прочим, как у вас с харчами? Че-

ловек целый день проторчал в седле — вы бы хоть предложили перекусить, честное слово.

[113]

Хозяева бросаются накрывать на стол — хлеб, сыр; тем временем занавес опускается.

¹ Вывод, не соответствующий посылкам (*лат.*).

Наше подлое время

[115]

Да, признаю. Это я, Виллард Погребин, некогда тихий, подававший надежды мальчик, стрелял в президента Соединенных Штатов Америки. К счастью, кто-то в толпе зевая толкнул меня под руку. Пуля срикошетила от вывески “Макдональдса” и застряла в копченой сардельке в “Сосисочной империи Химмельштайна”. После короткой потасовки агенты ФБР затащили у меня на шею пару морских узлов, и я был отправлен на психиатрическую экспертизу.

Вы спросите, как же такое могло случиться? Как дошел до этого человек, далекий от политики, с детства мечтавший самое большее покорить мир исполнением Мендельсона на виолончели или, в крайнем случае, каскадом блистательных антраша? Что ж, я

попробую ответить. Все началось два года тому назад. Меня как раз комиссовали из армии после серии научных экспериментов, поставленных надо мной без моего ведома. Нас, нескольких новобранцев, кормили специальными жареными цыплятами. Они были приправлены лизергиновой кислотой. Требовалось установить, сколько ЛСД способно переварить человек, прежде чем попытается взмыть в облака над Центром международной торговли. Пентагон вообще уделяет серьезное внимание разработкам новейших видов вооружения. Так, неделей раньше в меня метали стрелки для дартса, кончик которых был смочен особым веществом. Оно подействовало, и у меня сделался голос, как у Сальвадора Дали. Вид тоже. Однако кумулятивный побочный эффект экспериментов сказался на восприятии, и когда я больше не мог отличить своего брата Мориса от пары яиц всмятку, меня отправили в госпиталь и комиссовали.

Лечение электрошоком в отделении бихевиоральной психотерапии подействовало в целом благотворно, правда, там перепутали провода, и мы с несколькими шимпанзе сыграли перед пациентами “Вишневый сад” на превосходном английском. Когда меня выпустили, я чувствовал себя надломленным и

[116] совершенно одиноким. Решил двинуть авто-стопом на запад. Меня подхватили двое ребят из Калифорнии: молодой человек с бородой, как у Распутина, и девушка с бородой, как у Свенгали¹. У обоих была сильная харизма. Ребята сказали, что меня им послал Бог, потому что как раз сейчас они переписывают Каббалу на новый свиток и у них закончилась кровь. Я стал объяснять, что вообще-то собрался в Голливуд, надеюсь найти приличную работу, но парализующий взгляд плюс нож размером с весло убедили меня в благородстве их намерений. Мы приехали на заброшенное ранчо, где несколько глубоко зомбированных девушек насильно кормили меня продуктами естественного происхождения и попытались выжечь паяльником пентаграмму на лбу. Потом я был свидетелем черной мессы: молодые люди в капюшонах пели на латыни “Оу, вау!”. Потом мне давали пейотль, кокаин и белый порошок, полученный из вареного кактуса, отчего в голове начался ураган и дальнейшее помню смутно. Вероятно, рассудок был поврежден. Как еще объяснить, что через два месяца меня арестовали в Беверли-Хиллс за попытку растления креветки?

1 Свенгали — герой романа Джорджа Дюморье “Трилби” (1894), гипнотизер.

Выйдя из участка, я мечтал побыть в одиночестве, успокоиться, чтобы спасти остатки пошатнувшегося рассудка. Но то и дело на улицах ко мне приставали улыбчивые последователи преподобного Ли Бо Цзиня, обещающие быстрое и окончательное спасение. Этот луноликий мудрец соединил учение Лао-Цзы с философией Роберта Веско¹. У него была сильная харизма. Отказавшись от всех земных благ и оставив себе не больше, чем было у Чарльза Фостера Кейна², преподобный Цзинь полностью посвятил жизнь духовному служению и достижению двух скромных целей. Во-первых, он хотел воспитать в учениках любовь к молитве, посту и ближнему, а во-вторых, послать их в крестовый поход против стран — членов НАТО. Я побывал на нескольких его проповедях и заметил, что преподобный требует от паствы рабского подчинения, а всякое ослабление религиозного трепета встречает высоко поднятыми бровями. Я высказал предположение, что, в сущности, гуру одержим манией величия и пытается превратить учеников в

[117]

1 Роберт Веско — крупнейший международный аферист XX века. В настоящее время отбывает тюремный срок на Кубе.

2 Чарльз Фостер Кейн — мультимиллионер, главный герой фильма О.Уэллса “Гражданин Кейн”, прототипом которого послужил богатейший издатель У.Херст.

[118] безропотных роботов. Это сочли ересью, и несколько помощников преподобного — по виду бывших сумоистов — быстро препроводили меня за нос в святилище, где предложили до конца месяца переосмыслить свою позицию, не отвлекаясь на еду и питье. Чтобы я полнее ощутил братское осуждение, ритуальный молот регулярно бил меня по голове. Забавно: я не свихнулся только потому, что все время повторял мою личную мантру: бац-драц! Но недели через две все-таки не выдержал, и начались галлюцинации. Помню, видел, как Франкенштейн идет на лыжах по Ковент-Гарденс и ест гамбургер.

Через месяц я очнулся на больничной койке в неплохой форме, с парой синяков и твердым убеждением, что я — композитор Стравинский. Мне рассказали, что какой-то пятнадцатилетний махариши подал в суд на преподобного Цзиня. Юноша утверждал, что истинным богом является он сам и, следовательно, имеет право бесплатно ходить в кинотеатр “Орфей”. Точку в их споре поставил особый отдел ФБР, вскоре задержавший обоих гуру на границе при попытке бегства в Нирвану (Мексика).

К тому времени я уже вышел из больницы — полностью восстановившись, но обрета душевное равновесие Калигулы. В надеж-

де поправить психику я записался на так называемую эготерапию Перельмутера (ЭТП). Ее основатель, Густав Перельмутер, человек с сильной харизмой, долгое время был боп-саксофонистом и психотерапией занялся уже в зрелом возрасте. Однако его методика сразу привлекла многочисленных кинозвезд. Они утверждали, что терапия Перельмутера изменила их еще быстрее и глубже, чем еженедельные астрологические прогнозы в “Космополитен”.

Вместе с группой невротиков, потерявших веру в традиционную медицину, меня вывезли на живописный курорт. Наверное, следовало насторожиться при виде колючей проволоки и овчарок, но ассистенты Перельмутера объяснили, что эти крики забором называются примальными. Нас посадили на жесткие табуретки, и в течение трех суток Перельмутер читал вслух отрывки из “Майн кампф”. Перерывов не делалось, и постепенно мы утратили способность к сопротивлению. Но тем не менее стало ясно, что доктор Перельмутер — законченный шизофреник, а вся его терапия заключается в периодическом восклицании “веселей, друзья!”.

Те, кто прозрел раньше, попытались бежать, но, увы, обнаружили, что заборы под

[119]

[120] током. Хотя Перельмутер называл себя врачом-души, я слышал, что ему то и дело звонит Ясир Арафат, и если бы в конце концов на территорию не ворвались люди Шимона Визенталя¹, кто знает, чем бы дело кончилось.

После этого, окончательно утратив душевный покой и веру в людей, я переехал в Сан-Франциско. Надо было как-то существовать, но что я мог делать? Устроился провокатором в Беркли, мучил студенчество и писал доносы в ФБР. За несколько месяцев работы я продал и перепродал множество бесценной информации, главным образом о тайных планах ЦРУ (разведка собиралась проверить бдительность жителей Нью-Йорка, бросив цианистый калий в городской водопровод). Кроме того, занимался техникой речи с актерами на съемках малобюджетного порнофильма. А что делать? — так я хотя бы сводил концы с концами. Ну, а потом однажды вечером пошел вынести мусор, из тени бесшумно появились двое, надели на меня чехол для мебели, бросили в багажник и увезли. Помню, почувствовал укол и, теряя созна-

1 Шимон Визенталь (р.1908) — выжил в холокосте, посвятив жизнь розыску нацистских преступников и увековечению памяти погибших евреев.

ние, слышал, что я, по их мнению, тяжелее Патти¹, но легче Хоффы².

Очнулся я в темном чулане и в течение трех следующих недель подвергался строгой сенсорной депривации. А затем несколько специалистов принялись меня щекотать, а двое в штатском пели кантри и баллады Дикого Запада, пока я не согласился сделать все, что велят. После стольких испытаний не поручусь, что случившееся потом было на самом деле, но меня привели в кабинет к президенту Соединенных Штатов. Джеральд Форд пожал мне руку и спросил, не соглашусь ли я поехать с ним по стране и время от времени посовещаться на него покушения — разумеется неудачные. Президент объяснил, что это поможет ему продемонстрировать избирателям свою храбрость и отвлечет от серьезных проблем, которые он не в силах решить. В моем состоянии я был готов на всё.

Через два дня и произошло покушение напротив “Сосисочной империи Химмельштайна”.

1 Патти Херст — дочь американского миллионера Р.Херста, похищенная террористами в 1974 г. Теперь актриса.

2 Джимми Хоффа — легендарный лидер американского профсоюза водителей грузовиков. Выйдя в 1975 году из тюрьмы, бесследно исчез.

[121]

Кара

[123]

Что Конни Чейзен, на которую мне было суждено положить глаз, ответила взаимностью, стало чудом, не имеющим аналогов в истории улицы Централ Парк Вест. Стройная блондинка с тонким лицом, актриса, умница, она кружила головы, оставаясь безнадежно неприступной, а обаяние ее живого ироничного ума состязалось с чарами распутной чувственности, таившейся в каждом изгибе, и всякий молодой человек на той вечеринке понимал, как отчаянно не хватает в его жизни этой девушки. Что она остановит взгляд на мне, Харольде Коэне, тощем носатом драматурге и паникере двадцати четырех лет от роду, было *non sequitur*, сравнимым только с рождением восьмерых однойцевых близнецов. Да, я свободно острю и

произвожу впечатление интересного собеседника, но удивительно, до чего быстро и точно сумело распознать мои скромные достоинства это безукоризненно сложенное видение!

— Ты такой потрясающий! — сказала она после часового обмена флюидами, когда мы прислонились к книжным полкам, оставив вальполичеллу¹ и закуски. — Может, как-нибудь соберешься мне позвонить.

— Позвонить? Я мечтал бы прямо сейчас привести тебя отсюда.

— Конец света, — сказала она с кокетливой улыбкой. — Честно говоря, не думала, что произвожу на тебя впечатление.

Я постарался сохранить непринужденный вид, но кровь хлынула по артериям в известных направлениях. Я покраснел — вечная история — и сказал:

— Я думаю, ты просто ураган.

И она тоже покраснела, даже еще сильнее, чем я.

Честно говоря, я был совершенно не готов к немедленному согласию. Все это подогретое вином нахальство было просто подготовкой почвы на будущее, чтобы однажды, когда я наконец предложу перейти в спаль-

1 Вальполичелла — марка красного вина.

[124] ню, это не стало полной неожиданностью и не разрушило невыносимо платонической близости. Но оказалось, мне, такому нерешительному, осторожному типу, любимой жертве неврозов и угрызений совести, судьба дарит эту ночь. С пути, который свел нас с Конни Чейзен, свернуть было невозможно, и через час мы металась в неистовом падеде среди простыней, самозабвенно подчиняясь нелепой хореографии любовной страсти. Никогда прежде у меня не было такой бурной и успешной ночи любви, и потом, когда Конни лежала в моих объятиях утоленная и обессиленная, я размышлял, как именно судьба собирается взимать свои неотвратимые налоги. Суждено ли мне вскоре ослепнуть? Или стать паралитиком? Какой кошмар предстоит взять на себя Харольду Коэну, чтобы миры смогли продолжить гармоничный круговорот? Но пока это оставалось делом будущего.

Первый месяц прошел без осложнений. Мы с Конни изучали друг дружку и наслаждались каждым открытием. Она оказалась понятливой, пылкой и чуткой, ее воображение — раскованным, а познания — многочисленными и разнообразными. Она была способна рассуждать о Новалисе и цитировала “Ригведу”. Знала наизусть тексты всех песен

Кола Портера¹. В постели не признавала запретов и любила эксперименты — настоящее дитя будущего. В поисках недостатков приходилось придирается к мелочам. Скажем, она бывала по-детски капризна. Каждый раз в ресторане, выбрав блюдо, передумывала, и обязательно когда уже было неловко менять заказ. И всегда сердилась, если я объяснял, что это некрасиво по отношению к официанту и шеф-повару. Через день меняла диеты, самозабвенно предаваясь одной, а потом отвергая ее в пользу какой-нибудь новомодной теории похудания. Хотя нельзя сказать, что у Конни был лишний вес. Как раз наоборот. Такой фигуре могли позавидовать манекенщицы из “Вог”. Но ее комплекс неполноценности изумил бы даже Кафку, и в мучительных приступах самокритики Конни называла себя жалким ничтожеством, бездарью, которой нечего лезть в актрисы и тем более браться за Чехова. Мои возражения действовали более-менее ободряюще, и я слагал все новые гимны ее душе и плоти, понимая, впрочем, что, если б не ее собственная целеустремленность, никакие доводы бы не помогли.

[125]

1 Кол Портер (1891–1964) — автор всемирно популярных джазовых песен.

[126]

Волшебная сказка закончилась в один день, примерно через полтора месяца, из-за беспечности Конни. Ее родители устраивали пикник в Коннектикуте, и мне предстояло наконец познакомиться с семейством Чейзенов.

— Папуля — супер, — с уважением рассказывала Конни. — Он в отличной форме. И мама прелесть. А твой?

— Прелесть... я бы не сказал, — признался я.

Честно говоря, я не очень высоко оценивал внешние достоинства моих близких. Родню по материнской линии я бы сравнил с тем, что выращивают в чашке Петри. У меня были напряженные отношения с домашними, мы вечно доставали друг друга, воевали — разумеется, любя, хотя ни одно ласковое слово ни разу не сорвалось с их уст ни на моей памяти, ни, подозреваю, с тех пор, как Господь поставил свой завет с Авраамом.

— Нет, мои не ссорятся, — сказала Конни. — Они попивают, но очень обходительны. И Дэнни тоже милый. (Ее брат.) Правда, странноватый, но ласковый. Он сочиняет музыку.

— Мне уже не терпится их увидеть.

— Главное, чтоб ты не втрескался в Линдсей.

[127]

— А как же. Это кто?

— Моя сестренка. Младше на два года, страшно заводная и сексуальная. Всех сводит с ума.

— Звучит интригующе, — сказал я.

Конни погладила меня по щеке.

— Надеюсь, она тебе понравится не больше, чем я, — произнесла она полушутливым тоном, скрывавшим, вероятно, какие-то опасения.

— Будь спокойна, — заверил я.

— Правда? Дашь слово?

— Вы соперницы?

— Да нет. Мы обожаем друг дружку. Но у нее совершенно ангельская мордашка и сказочная фигурка. В маму. И при этом довольно приличный IQ и сумасшедшее чувство юмора.

— Ты прекрасна, — сказал я и поцеловал ее.

Но, сознаюсь, до конца того дня меня не оставляли мысли о Линдсей Чейзен. Двадцать один год. Боже мой, думал я, если верить Конни — настоящий вундеркинд. Неужели правда? Мог ли такой слабак, как я, не затрепетать при одной мысли о сладких девичьих запахах и звонком хохоте сногшибательной чистокровной американки из Коннектикута по имени Линдсей — а имя?! — и не перевести хоть и преданный, но все-таки не зашорен-

[128] ный взгляд с Конни на юную шалуницу? В конце концов, я был знаком с Конни всего полтора месяца, и, хотя нам было чудесно вдвоем, влюблен я, в сущности, не был. Впрочем, эта Линдсей должна оказаться поистине сказочно хороша, чтобы я различил свежее дуновение в урагане радости и страсти, превратившем эти полтора месяца в сплошной праздник.

В тот вечер я любил Конни, но, когда заснул, в мои сны пробралась Линдсей. Сладкая малышка Линдсей, восхитительная студенточка с личиком кинозвезды и повадками принцессы. Я метался, ворочался и проснулся среди ночи с необъяснимой тревогой и дурными предчувствиями.

Наутро все грезы рассеялись, и после завтрака мы с Конни отправились в Коннектикут, захватив вино и цветы. Мы катили по осенним дорогам, слушали Вивальди на УКВ и обсуждали сегодняшнюю рубрику “Культура и отдых”. И только подъезжая к воротам чейзеновских владений, я снова вспомнил о запретной сестренке.

— А приятель Линдсей будет? — спросил я шпионским фальцетом.

— У них все кончено, — ответила Конни. — Она меняет их как перчатки. Роковая женщина.

Хм, подумал я, сестренка ко всему и общительна. Но неужели она вправду прелестнее Конни? Это было трудно вообразить, и все-таки я решил подготовиться к любым неожиданностям. К любым, кроме, конечно, той, что случилась этим ясным, свежим воскресным днем.

Мы с Конни присоединились к пикнику. Было полно харчей и выпивки. Переходя от одного светского кружка к другому, я перезнакомился с ее родней, и хотя сестренка вполне соответствовала описаниям — хорошенькая, игривая, я с удовольствием поболтал с ней, — я не предпочел бы ее Конни. Из сестер старшая привлекала меня больше. Но в тот день мое сердце все-таки было разбито. Его разбила совсем другая женщина — их потрясающая мать, Эмили.

Миссис Эмили Чейзен, пятьдесят пять лет, энергичная, загорелая, прекрасное лицо пионерки Дикого Запада, волосы с проседью убранны назад, сочные упругие округлости выступают безукоризненными арками в духе Бранкузи¹, а в широкой белозубой улыбке и громком грудном смехе столько теплоты, и

[129]

1 Константин Бранкузи (Брынкуши; 1876–1957) — румынский скульптор, один из первых абстракционистов в скульптуре.

[130] обаяния, и соблазна, что не поддаться им невозможно.

Ну и порода! — думал я. Ну и гены у этой семейки! И смотри какие стойкие, судя по тому, что Эмили Чейзен вела себя со мной не менее свободно, чем ее дочь. Я не отходил от Эмили ни на минуту, и она явно предпочитала болтать со мной, совершенно не заботясь о других гостях, все продолжавших прибывать. Мы говорили о фотографии (ее хобби) и о книгах. Она сейчас читала одну вещь Джозефа Хеллера¹. Читала с наслаждением, находила ее очень забавной и, с очаровательным смехом наполняя мой бокал, сказала: “Господи боже, вы, евреи, и вправду совершенно невероятны”. Невероятны? Знала бы она Гринблатов. Или чету Фогельштейнов — это папины друзья. Или еще лучше — моего племянничка Тову. Невероятны? Ну, они по-своему милы, но что уж такого невероятного в этих вечных спорах о том, как лучше бороться с запором или на каком расстоянии смотреть телевизор?

Мы с Эмили наперебой говорили о фильмах, мы обсудили мои театральные планы и ее новое увлечение — составление коллажей. У нее безусловно были недюжинные твор-

¹ Джозеф Хеллер (1923–1999) — известный американский писатель.

ческие и интеллектуальные способности, но по той или иной причине они не проявились. Притом Эмили явно не тяготилась своим образом жизни, и они с Джоном Чейзенном, постаревшим парнем из тех, с кем можно пойти в разведку, обнимались и выпивали на пару, как молодые влюбленные. Нет, правда: по сравнению с моими стариками, которые совершенно необъяснимым образом жили вместе уже сорок лет (вероятно, назло друг дружке), Эмили и Джон смотрелись дуэтом воздушных гимнастов из дружной цирковой династии Лунтс. Моим не удалось обсудить даже погоду без того, чтоб не начались взаимные обвинения, упреки, только что не стрельба.

Когда пришло время уезжать, мне стало грустно, и на обратном пути все мои мысли занимала Эмили.

— Милые, правда же? — спросила Конни по дороге в Манхэттен.

— Очень, — согласился я.

— Папуля — мировой, правда? Просто чудо.

— М-м-м.

Честно говоря, мы с ее папой не обменялись и парой слов.

— А мама прекрасно выглядит. Давно не видела ее такой молодчиной. Тем более что она после гриппа.

[131]

[132]

— Она удивительная.

— Мне нравятся ее фотографии и коллажи, — сказала Конни. — Жаль, отец не поощряет ее, он очень старомоден. Он просто не понимает, как можно заниматься искусством. И никогда не понимал.

— Действительно жаль, — сказал я. — Надеюсь, это не слишком отравляло ей жизнь.

— Еще как отравляло, — ответила Конни. — Ну, а Линдсей? Влюбился?

— Она очень мила. Но до тебя ей далеко. Другой класс совсем. По крайней мере, на мой вкус.

— Ты меня успокоил, — сказала Конни смеясь и уткнулась мне в щеку. Не мог же я, гнусная тварь, сообщить ей, что только и мечтаю о том, как бы снова увидеться с ее фантастической мамашей, и мой бедный мозг жужжит и щелкает вроде ЭВМ, пытаюсь сообразить, каким образом это устроить! Если бы меня спросили, чего я жду от встречи, я бы, честное слово, не знал, что сказать. Но я точно знал, ведя машину сквозь холодную осеннюю ночь, как сейчас надо мной хохочут Фрейд, Софокл и Юджин О'Нил.

В следующие несколько месяцев мне удалось повидаться с Эмили Чейзен не один раз. Обычно это бывали невинные развлечения троим: мы с Конни встречали ее в городе и

[133]

отправлялись в музей или на концерт. Пару раз, когда Конни оказывалась занята, я придумывал что-нибудь для Эмили сам. Конни была в восторге: ее мать и ее любовник смогли подружиться. Еще пару раз я ухитрился подстроить безукоризненно случайную встречу с Эмили, которая совершенно стихийно перетекала в прогулку либо в легкую выпивку. Я с одобрением выслушивал ее творческие замыслы, понимая, смеялся шуткам, и Эмили было явно по душе мое общество. Мы говорили о музыке, о литературе, о жизни — мои наблюдения никогда не оставляли ее равнодушной. И при этом было совершенно ясно, что она даже отдаленно не видит во мне ничего, кроме просто приятеля. А если и видит, то ни за что этого не обнаружит. Да и как могло быть иначе? Я жил с ее дочерью. Благопристойное сожительство в цивилизованном обществе, где соблюдаются определенные табу. В конце концов, на что я мог рассчитывать? Что она развратная вамп из немецких фильмов и примется соблазнять любовника собственной дочери? Честно-то говоря, я уверен, что потерял бы всякое уважение к Эмили, признайся она в чувствах ко мне или дай хоть малейший повод усомниться в своей недоступности. И все же я совершенно потерял голову. Страсть

[134] измучила меня, и вопреки всякой логике я молил небеса ниспослать хоть малюсенький намек на то, что брак Эмили не столь идеален, как кажется, или что, отчаянно сопротивляясь, она все-таки по уши влюбилась в меня. Я даже подумывал о решительных, дерзких шагах, но перед внутренним взором возникали огромные заголовки передовиц в бульварной прессе.

Я изнывал, мне ужасно хотелось обо всем рассказать Конни, открыться, попросить у нее помощи и вместе развязать мучительный узел, но я боялся спровоцировать небольшой ядерный взрыв. И вместо того чтобы набраться мужества, проявить честность — вынюхивал, как хорек, хоть что-нибудь, что могло бы рассказать об отношении Эмили ко мне.

— Я водил маму на выставку Матисса, — сообщил я однажды.

— Знаю, — сказала Конни. — Она в восторге.

— Слушай, ей повезло в жизни. Она выглядит совершенно счастливой. Что значит удачный брак.

— Да.

Пауза.

— Ну, и... она тебе что-то рассказывала?

— Сказала, что вы потом чудесно поболтали. О ее фотографиях.

— Точно. — Пауза. — А еще? Обо мне? В смысле, мне кажется... Может, я начинаю ей надоедать? [135]

— Да с чего ты взял? Нет, конечно! Она тебя обожает!

— Правда?

— Дэнни проводит все больше времени с отцом, и ты в каком-то смысле заменяешь ей сына.

— Сына? — огорченно переспросил я.

— Я думаю, маме хотелось бы, чтобы сын так же интересовался ее занятиями, как ты. Чтобы он был ей настоящим другом. И более склонен к размышлениям. Лучше понимал ее творческую натуру. Я думаю, ты для нее играешь именно такую роль.

В тот вечер я в мерзком настроении сидел перед телевизором рядом с Конни, а мое тело с исступленной нежностью рвалось к женщине, которая считала меня не более опасным, чем собственный сынок. Или нет? Может, все это домыслы Конни? Разве Эмили не была бы потрясена, узнай она, что мужчина, который значительно ее моложе, находит ее потрясающей, сексуальной, привлекательной и мечтает вступить с ней в отношения, мало похожие на родственные? Разве так уж невозможно, чтобы женщина ее лет, в особенности если она не встречает в

[136] муже отклика на глубинные потребности своей души, благосклонно отнеслась к пылкому влюбленному? И не придаю ли я с моими мещанскими предрассудками слишком большого значения тому обстоятельству, что живу с ее дочерью? В конце концов, случаются и более невероятные истории. Естественно, среди тонких, художественных натур. Надо было в последний раз все хорошенько взвесить и покончить с колебаниями, которые уже превратились в одержимость. Еще чуть-чуть, и я бы не выдержал; пришло время действовать или выкинуть все из головы. Я решил действовать. Победоносные кампании прошлого подсказали наилучшую стратегию. Следовало заманить Эмили в “Треjder Викс”¹, сумрачную пещеру первобытных наслаждений, где в укромных уголках обманчиво легкие ромовые коктейли быстро освобождали разъяренное либидо из его темницы. Пара “Май-Тай”, и сдается любая. Рука на колене. Внезапный настойчивый поцелуй. Переплетенные пальцы. На чары волшебного пунша можно положиться, осечек не бывало. А если ошеломленная жертва отстранялась, высоко подняв брови, можно было изящно дать задний ход, списав все на

1 “У торговца Вика”. Торговец Вик – Виктор Бергерон, владелец ресторана изысканной кухни.

[137] воздействие туземных напитков. “Прости меня, – мог оправдаться я, – у меня поехала крыша от этого зелья. Не соображаю, что творю”. Всё, хватит, время светской болтовни прошло, думал я. Я люблю сразу двух? Не такое невиданное дело. Они оказались дочкой и матерью? Тем заманчивее! Я был близок к нервному срыву. Я был уверен в победе. Но, вынужден признать, в конце концов все произошло не совсем так, как было задумано. Да, однажды холодным февральским днем мы с Эмили действительно зашли в “Треjder Викс”. И мы смотрели друг другу в глаза, протягивая из высоких бокалов белые напитки, в которых под маленькими соломенными зонтиками нежились в пене кусочки ананаса, и жизнь виделась нам во все более розовом свете – но этим дело и ограничилось. Ограничилось несмотря на то, что моим животным инстинктам была предоставлена полная свобода. Я просто понял, что сломаю Конни жизнь. И моя грязная совесть – или, скорее, вернувшийся здравый смысл – не позволила мне отработанным движением положить руку на колесо Эмили Чейзен и утолить свои темные страсти. Мне вдруг стало ясно, что я просто безумный фантазер, который на самом деле любит Конни и ни за что не посмеет рисковать, чтобы не причи-

[138] нить ей боль. И я пришел в себя. Да-да, Харольд Коэн оказался более приличным типом, чем можно было предположить. И любил свою подружку гораздо сильнее, чем ему казалось. Историю с Эмили Чейзен следовало сдать в архив и забыть навсегда. Это будет мучительно, но я полагался на рассудок и здравый смысл.

В завершение чудесной встречи, апогеем которой должен был стать яростный поцелуй спелых, манящих губ Эмили, мне подали счет, и я сказал себе: кончено. Смеясь, мы вышли на улицу; заметал снежок, я проводил Эмили до машины и смотрел, как она уезжает в Коннектикут; мне же предстояло вернуться домой с новым, более глубоким чувством к той, что по ночам делила со мной постель. Жизнь действительно сущий хаос, думал я. Чувства так непредсказуемы. Как могут люди прожить вместе сорок лет? Вот настоящее чудо — что там расступившиеся воды Красного моря? — только мой простодушный отец может считать последнее большим достижением! Я поцеловал Конни и признался в глубине своих чувств. Она ответила взаимностью. Мы легли.

Наплыв, как выражаются в кино: несколько месяцев спустя. Конни больше не может спать со мной. И почему же? Я сам навлек на

себя эту беду, как протагонист в греческой трагедии. Наш секс стал мало-помалу портиться довольно давно. [139]

— Что случилось? — спрашивал я. — Я что-то делаю не так?

— Господи, нет, ты ни в чем не виноват. Черт!

— Ну что? Скажи мне.

— Просто я не настроена, — отвечала она. — Может быть, нам не следует каждую ночь?

“Каждая ночь” на самом деле случалась лишь несколько раз в неделю, а вскоре и того реже.

— Я не могу, — виновато говорила Конни, когда я пытался проявить инициативу. — У меня сейчас трудный период.

— Какой трудный период? — с подозрением спрашивал я. — У тебя кто-то есть?

— Конечно нет.

— Ты меня любишь?

— Да. К сожалению.

— Так в чем же дело? Что приключилось? И смотри, чем дальше, тем хуже.

— Я не могу спать с тобой, — наконец призналась Конни однажды ночью. — Ты напоминаешь мне моего брата.

— Кого?

— Ты напоминаешь мне Дэнни. Не спрашивай почему.

[140] — Ты шутишь, что ли?

— Нет.

— Но ему же двадцать три года, он блондин, чистокровный американец, он служит в юридической конторе у вашего отца — чем я его напоминаю?

— У меня чувство, что я ложусь в постель с собственным братом. — Она заплакала.

— Хорошо, хорошо, не надо плакать. Что-нибудь придумаем. Я только приму аспирин и лягу. Как-то неважно себя чувствую.

Сжимая пульсирующие виски, я изобразил полное недоумение, но, конечно, все понял: Конни ощутила во мне что-то братское из-за наших близких отношений с Эмили. Судьба принялась за сведение счетов. Я был обречен на танталовы муки: стройное, загорелое тело Конни лежало в десяти сантиметрах, но стоило протянуть руку, как классическое идиотское “Эй” останавливало меня. В необъяснимом распределении ролей (что так типично для наших душевных драм) мне неожиданно досталась роль брата героини.

Следующие месяцы ознаменовались разнообразными фазами мучений. Сначала пытка воздержанием. Затем признание самим себе, что положение не улучшается. Притом мои старания быть чутким и терпеливым. Я вспоминал, как однажды в колледже потер-

пел неудачу с хорошенькой однокурсницей [141] исключительно потому, что какой-то поворот ее головы вдруг напомнил мне тетю Ривку. Та девушка была гораздо симпатичнее тетки из моего детства, похожей на белку, но мысль, что я буду заниматься любовью с маминной сестрой, бесповоротно погубила свидание. Я понимал, какво Конни, но сексуальная неудовлетворенность накапливалась во мне и искала выхода. Через какое-то время я уже не мог удержаться от язвительных замечаний, а чуть позже — от острого желания спалить дом дотла. И все-таки старался держать себя в руках, пытаюсь выгрести из бури безрассудства и спасти наши, в остальном хорошие, отношения с Конни. Мой совет сходить к психоаналитику наткнулся на глухую стену, ибо не было ничего более чуждого ее коннектикутскому воспитанию, чем выдумки венских евреев.

— Спи с другими, — посоветовала она. — Что я могу еще предложить?

— Я не хочу спать с другими. Я люблю тебя.

— И я тебя люблю. Ты же знаешь. Но я не могу ложиться с тобой в постель.

Я в самом деле был не из тех, кто норовит переспать с каждой встречной, и, если не считать несостоявшегося приключения с Эмили, ни разу не изменял Конни. Конечно,

[142] меня посещали естественные фантазии о всяких случайных женщинах — о какой-нибудь актрисе, или стюардессе, или глазастенькой старшекласснице, — но никогда бы я не изменил любимой на самом деле. И не потому, что не было случая. Попадались женщины весьма настойчивые, даже агрессивные — но я был предан Конни. Тем более в дни тяжких испытаний ее импотенцией. Разумеется, мне приходило в голову снова взяться за Эмили, с которой мы по-прежнему виделись то втроем с Конни, то наедине — невинные дружеские встречи, — но я понимал, что, разворошив угли, которые с таким трудом сумел погасить, сделаю несчастными всех. Притом не скажу, что Конни оставалась мне верна. Нет, как ни печально, по крайней мере несколько раз она попадалась в коварные вражеские силки и втайне от меня делила ложе с актерами. Да и с драматургами тоже.

— Ну что ты от меня хочешь услышать? — расплакалась она, когда однажды к трем часам ночи я заставил ее запутаться в противоречивых алиби. — Я делаю это, только чтобы убедиться, что я не какая-то извращенка. Что я в состоянии спать с мужчиной.

— С любим, кроме меня! — Я был взбешен такой несправедливостью.

— Да. Ты напоминаешь мне моего брата. [143]
 — Я не хочу больше слушать эту чушь.
 — Я же сказала тебе — спи с другими.
 — Я старался не делать этого, но похоже — придется.

— Пожалуйста. Начинай. Это какое-то проклятье! — Она зарыдала.

Это и в самом деле было проклятье. Ну а что же еще, если двое любят друг друга, но вынуждены расстаться из-за почти комического недоразумения? Совершенно ясно, что я сам навлек на себя эту кару, когда сблизился с матерью Конни. Наверное, это расплата за уверенность, что я смогу соблазнить Эмили Чейзен и переспать с ней, нагулявшись с ее дочерью. Грех гордыни, судя по всему. Я, Харольд Козн, уличен в гордыне. Я, никогда не ставивший себя выше грызуна, приговорен за самонадеянность. Непостижимо.

И все-таки мы расстались. Превозмогая боль, мы остались друзьями и пошли каждый своим путем. Правда, нас разделяло всего десять домов и мы ежедневно разговаривали по телефону, но прежние отношения кончились. И вот тогда, только тогда я стал понимать, как же на самом деле я любил Конни. Сполохи отчаянья и страсти разрывали Прустову мглу душевной муки, в которой я жил.

[144] Я вспоминал заветные мгновенья нашего счастья, наши бесподобные любовные игры и плакал в одиночестве посреди огромной пустой квартиры. Я попробовал было встречаться с женщинами, но оставался безнадежно холоден. Юные поклонницы и секретарши, потянувшиеся караваном через мою спальню, только опустошали; это было еще хуже, чем одинокий вечер с хорошей книгой. Мир утратил свежесть и перспективу — так, мерзкое сумрачное местечко. Пока однажды я не узнал потрясающую новость: мать Конни ушла от мужа, и они разводятся. Ну надо же, думал я, а сердце мое впервые за долгое время билось быстрее обычного, мои старики воюют, как Монтекки и Капулетти, и прожили вместе всю жизнь. Предки Конни потягивают мартини и нежно обнимаются, а потом бац — подают на развод.

План был ясен. Полинезийская пещера. Теперь на нашем пути ничего не стоит. Конечно, немного неловко, что у меня был роман с Конни, но это уже не такое препятствие, как раньше. Теперь мы просто два свободных существа. Мои чувства к Эмили Чейзен, все это время, конечно, тлевшие под пеплом, вспыхнули снова. Пускай жестокая судьба и разлучила меня с Конни, ничто не помешает мне завоевать ее маму.

В мощном порыве тайной гордыни я позвонил Эмили и условился о встрече. Через три дня мы сидели в людном сумраке моего любимого полинезийского ресторана, и, ослабившись после третьей бахии, она излила душу, рассказав мне все о гибели своего брака. Когда она заговорила о том, что хочет начать новую жизнь, менее замкнутую и более творческую, я поцеловал ее. Да, она отстранилась, но не вскрикнула. Она растерялась, но я признался в своих чувствах к ней и поцеловал опять. Она была смущена — но не вскочила в ярости из-за стола. После третьего поцелуя я понял, что ей не устоять. Она тоже. Я привез ее к себе домой, и мы любим друг друга. Наутро, когда чары пунша рассеялись, она по-прежнему казалась мне потрясающей, и мы снова любили друг друга.

— Я хочу, чтоб ты стала моей женой, — сказал я, глядя на нее затуманенными обожанием глазами.

— Серьезно?

— Да, — ответил я. — На меньшее я не согласен.

Мы целовались, завтракали и, смеясь, строили планы. В тот же день я рассказал обо всем Конни. Я готовился к взрыву, но его не произошло. Я предвкушал разные реакции — от презрительной насмешки до нескрываемой

[145]

[146] мого бешенства, — но Конни восприняла известие с восхитительным спокойствием. Она сама в то время вела бурную жизнь, встречалась с несколькими интересными мужчинами и очень беспокоилась о будущем своей матери после развода. И вот внезапно появляется юный рыцарь и берет на себя все заботы о прекрасной даме. Рыцарь, у которого по-прежнему превосходные дружеские отношения с Конни. Это был добрый для всех поворот судьбы. С Конни снимается вина за мои адовы муки. Эмили будет счастлива. Я буду счастлив. Да, Конни восприняла известие со свойственными ей легкостью и юмором. Мои же родители проследовали прямо к окну (они жили на шестом этаже), но никак не могли решить, кому выбрасываться первым.

— Это неслыханно, — рыдала мама, с зубным скрежетом раздирая на себе одежды.

— Он ненормальный. Ты идиот. Ты ненормальный, — повторял бледный потрясенный отец.

— Пятьдесят пять и шикса¹, — стонала тетя Роза, хватая нож для бумаг и поднося его к глазам.

— Я люблю ее, — протестовал я.

1 Шикса — псеврейка (*идиш*).

— Она тебя в два раза старше! — орал дядя Луи. [147]

— Ну и что?

— То, что этому не бывать! — ревел отец и заклинал меня Горой.

— Он женится на маме своей подружки, — хрипела тетя Тилли, оседая на пол без чувств.

— Может, они муниты¹? — предполагал дядя Луи. — Может, они его загипнотизировали?

— Идиот! Дебил! — шептал отец.

К тете Тилли вернулись чувства, она уставилась на меня, вспомнила, что случилось, и отключилась снова. Преклонив колени в углу дальней комнаты, тетя Роза на все лады бормогала “Шма Исроэль”.

— Господь покарает тебя, Харольд, — вскричал отец. — Господь прилепит твой язык к небу твоему, и погибнут все овцы твои, и все волы твои, и десятая часть от плодов твоих, и...

Но я женился на Эмили, и никто не покончил с собой. Присутствовали трое ее детей и дюжина знакомых. Свадьбу устроили у Конни, шампанское лилось рекой. Мои опоздали: надо было сначала исполнить давнее обещание — принести в жертву агнца.

1 Муниты — члены секты, практикующей нетрадиционные методы психического воздействия.

[148] Танцевали, веселились, вечер удался на славу. В какой-то момент я оказался в спальне наедине с Конни. Мы подтрунивали друг над дружкой и вспоминали наш роман, его взлеты и падения и каким желанным я был для нее когда-то.

— Это было упоительно! — воскликнула она.

— Что поделаешь, с дочкой сорвалось, пришлось отыгратья на маме. А...

Но в следующее мгновенье я почувствовал во рту язычок Конни.

— Какого черта? — спросил я, отстраняясь. — Напилась?

— Знаешь, ты меня так заводишь!.. — и она повалила меня на кровать.

— Что на тебя нашло? Ты что, нимфоманка? — сказал я, поднимаясь на ноги, но, конечно, возбужденный этим внезапным натиском.

— Я должна переспать с тобой. Хорошо, не сейчас. Но как можно скорее, — сказала она.

— Со мной? С Харольдом Коэном? С тем типом, который жил с тобой? И любил тебя? Которому было запрещено приближаться к тебе ближе чем на двадцать три сантиметра, потому что он стал напоминать тебе Дэнни? Это со мной ты хочешь переспать? С лицетворением твоего братишки?

— Теперь же совершенно другой расклад! — сказала Конни, тесно прижимаясь ко мне. — Женитьба на маме сделала тебя моим папочкой. [149]

Она снова поцеловала меня и, перед тем как вернуться к гостям, добавила:

— Не волнуйся, папуля. У нас еще будет масса случаев.

Я опустил на кровать и уставился в окно. Я думал о своих стариках и о том, не пора ли кончать с театром и возвратиться в училище при синагоге. Через приоткрытую дверь мне были видны Конни и Эмили: обе смеялись, болтая с гостями. А на кровати в спальне сидела жалкая поникшая фигурка, и все, что она могла пробормотать себе под нос, было давнее выражение моего дедушки, который говорил: “Ой, вей”.

Размышляя о женщинах Йобсена

Пожалуй, ни одному писателю не удавались столь сильные и сложные женские образы, как великому скандинавскому драматургу Йоргену Йобсену, известному своим современникам под именем Йорген Йобсен. Его отношения с противоположным полом были мучительны, но благодаря страданиям и горю, которые они принесли самому автору, Йобсен подарил миру таких непохожих и незабываемых героинь, как Дженни Ангстрем в пьесе “Всюду гуси” и фрёкен Дроссель в “Маминых галошах”. Йобсен (урожденный Иобсен, он в зрелые годы срезал локон с груди и разместил его над “И”) родился в Стокгольме в 1836 году. Первую пьесу он написал в четырнадцать лет. Она называлась “Муки застенчивости” и увидела свет рампы, когда

автору было уже за шестьдесят. Критика встретила ту постановку разноречиво, а смелость темы (любовь благовоспитанной девушки к головке швейцарского сыра) заставила чопорную публику покраснеть. В творчестве Йобсена можно выделить три периода. Вначале был создан цикл пьес о страхе, ужасе, отчаянии и одиночестве (комедии). Затем драматург обратился к острым общественным проблемам. Его драмы того периода сыграли немалую роль в переходе к более безопасным методам взвешивания наваги. И наконец, шесть великих трагедий, составивших последний цикл: они написаны незадолго до смерти. В 1902 году от творческого перенапряжения у Йобсена отвалился нос, и драматурга не стало.

Первой из великих йобсеновских женщин пришла к зрителю Хедвиг Молдау — главная героиня пьесы “До гланд”, в которой автор вынес язвительный приговор великосветской графомании. Хедвиг известно, что Грегор Норстад использовал нестандартный стройраствор, когда клал крышу курятника. Однажды ночью крыша обрушивается на Клавара Экдаля. Хедвиг узнает, что несчастный ослеп и одновременно облысел, и её охватывают муки совести. Следует знаменитая финальная сцена.

- [152] Хедвиг. Значит... все-таки рухнула.
 Доктор Рорлунд (*после долгой паузы*). Да.
 Прямо на голову.
 Хедвиг (*насмешливо*). Интересно, что его занесло в курятник?
 Доктор. Любил курочек. Нет-нет, не всех, не кур вообще, уверяю вас. Некоторых. (*Многозначительно.*) Экдаль умел ценить цыпочек.
 Хедвиг. А Норстад? Что он сделал, когда... это случилось?
 Доктор. Посыпал голову перцем и спрятался в погребке.
 Хедвиг (*себе*). Я никогда не выйду замуж.
 Доктор. Вы что-то сказали?
 Хедвиг. Нет, ничего. Идемте, доктор. Пора бы вам постирать рубашку. Пора бы всем постирать рубашки...

Образ Хедвиг многим обязан родной сестре Йобсена Хильде, властной и неуравновешенной женщине. Она была замужем за вспыльчивым финским мореходом, который в конце концов загарпунил ее. Йобсен боготворил сестру и только благодаря ей избавился от привычки разговаривать со своей тростью.

Вторую из череды великих героинь Йобсен вывел в пьесе "Дикая шутка", возвышенной

драме любви и ревности. Мольтвик Дорф, укротитель анчоусов, узнает, что его брат Аовульф получил в наследство деликатную болезнь их отца. Дорф обращается в суд. Он утверждает, что болезнь по праву принадлежит ему, но судья Мандерс берет сторону Аовульфа. Нетта Хольмквист, хорошенькая и самоуверенная актриса, подбивает Дорфа пойти на шантаж: пускай он пригрозит Аовульфу, что сообщит властям, как тот в свое время подделал подпись одного гуся на страховом свидетельстве. Следует четвертая сцена второго действия.

- [153] Дорф. Нетта, Нетта! Все кончено. Я проиграл.
 Нетта. Так может говорить только ничтожный слабак, неспособный найти в себе мужества...
 Дорф. Мужества?
 Нетта. Мужества сказать Парсону Сматерсу, что он никогда больше не сумеет ходить нормально и обречен скакать до конца своих дней.
 Дорф. Нетта! Нет. Я не могу.
 Нетта. Еще бы! Конечно не можешь. Зря я заговорила об этом.
 Дорф. Парсон Сматерс доверяет Аовульфу. Было время, он делил с ним последнюю пластинку жвачки. Правда, меня тогда еще не было на свете. Ах, Нетта...

[154] НЕТТА. Не хнычь. Банк не позволит Аовульффу перезаложить крендель. Тем более он уже съел половину.

ДОРФ. Нетта, что ты предлагаешь?

НЕТТА. То, что любая жена сделала бы ради мужа. Надо засолить Аофульва.

ДОРФ. Опустить в рассол собственного брата?

НЕТТА. А что такого? Чем ты ему обязан?

ДОРФ. Но это слишком жестоко. Послушай, Нетта... А что, если уступить ему нашу наследственную болезнь? В конце концов можно найти компромисс. Скажем, он забирает диагноз, но оставляет мне симптомы?

НЕТТА. Компромисс? Не смей меня. Господи, как меня тошнит от твоего мещанства, Мольтвик. Если бы ты знал, как я устала от нашего брака. От твоих вечных идей, твоих привычек, твоих разговоров. От этого плюмажа, который ты надеваешь к обеду.

ДОРФ. Остановись... Не трогай плюмажа.

НЕТТА (*презрительно*). Послушай, Мольтвик.

Я хочу тебе кое-что рассказать. Об этом не знает никто, кроме меня и твоей матери.

Ты гном, Мольтвик.

ДОРФ. Что ты сказала??

НЕТТА. Все в этом доме построено в масштабе один к пятидесяти. Твой настоящий рост — девяносто три сантиметра.

ДОРФ. Не смей. Не надо. Прекрати, мне плохо. О, снова эти ужасные боли... Скажи, что ты пошутила, Нетта!

НЕТТА. Нет, Мольтвик.

ДОРФ. У меня дрожат коленки!

НЕТТА. Ничтожество.

ДОРФ. Нетта, Нетта, скорее открой окна!

НЕТТА. Нет. Сейчас я зашторю их.

ДОРФ. Свет! Умоляю... Дайте Мольтвику свет!

[155]

Для Йобсена Мольтвик был символом пружины, гниющей и умирающей Европы. Напротив, в Нетте воплотилась жестокая, первобытная мощь истории, которой предстояло в ближайшие полвека совершенно переменить облик континента и найти наиболее полное выражение в песнях Мориса Шевалье. Отношения Нетты и Мольтвика, как зеркало, отразили брак самого Йобсена с актрисой Сири Брекман, служившей для драматурга неиссякаемым источником вдохновения все восемь часов их совместной жизни. Позже Йобсен был женат еще несколько раз, но уже только на манекенах из универмага.

[156] Безусловно, самая сильная героиня Йобсена — фру Сенстед в “Спелых персиках”, его последней реалистической драме. (После “Персиков” он экспериментировал с формой и написал пьесу, в которой всех персонажей звали Йобсенами. Увы, успеха она не имела. Драматургу оставалось жить еще три года, но после сокрушительного провала он уже не выходил из своего плетеного бака для белья.) “Спелые персики” по праву относят к величайшим шедеврам мастера, а заключительная сцена с фру Сенстед и ее невесткой Бертой сегодня, пожалуй, современна как никогда.

БЕРТА. Ну, скажите же, что вам нравится, как мы обставились! Знали бы вы, чего стоит устроить дом на зарплату чревовещателя...

ФРУ СЕНСТЕД. Что ж, все вполне... удобно.

БЕРТА. Удобно? И только?

ФРУ СЕНСТЕД. Кто придумал обтянуть голову лося алым атласом?

БЕРТА. Ваш сын, конечно. Генрик — прирожденный дизайнер.

ФРУ СЕНСТЕД (*внезапно*). Генрик — неисправимый болван!

БЕРТА. Неправда!

ФРУ СЕНСТЕД. Ты знаешь, что до прошлой недели он понятия не имел, что такое снег?

БЕРТА. Как вы можете!

ФРУ СЕНСТЕД. Мой сладкий мальчик...

Послушай, Берта. Ты ведь не знаешь: Генрик сидел в тюрьме. Да-да. Его посадили за то, что неправильно выговаривал слово “дифтонг”.

БЕРТА. Я не верю вам.

ФРУ СЕНСТЕД. Увы, детка. И с ним в камере оказался один эскимос...

БЕРТА. Замолчите! Я не хочу ничего об этом знать!

ФРУ СЕНСТЕД. А придется, моя кукушечка. Ведь, кажется, так Генрик зовет тебя?

БЕРТА (*сквозь слезы*). Да, так. Он зовет меня своей кукушечкой. А иногда своим воробушком. А иногда бегемотиной.

Обе плачут навзрыд.

ФРУ СЕНСТЕД. Берта, милая Берта... Ушанка, которую носит твой муж, — не его. Ему выдали ее на работе.

БЕРТА. Мы должны помочь Генрику. Мы должны прямо сказать ему, что сколько бы человек ни махал руками — он не взлетит.

ФРУ СЕНСТЕД (*неожиданно рассмеявшись*). Генрик все знает. Я рассказала ему, как ты относишься к его супинаторам.

БЕРТА. Вот как... Значит, ты предала меня?

[157]

[158] ФРУ СЕНСТЕД. Называй как хочешь. Генрик сейчас в Осло.
 БЕРТА. В Осло!
 ФРУ СЕНСТЕД. Герань он забрал с собой.
 БЕРТА. Вот как. Вот...как... *(Медленно уходит через застекленную дверь в глубине сцены.)*
 ФРУ СЕНСТЕД. Вот так, моя кукушечка. Он все-таки вырвался из твоих цепких лапок. Не пройдет и месяца, как наконец исполнится его заветная мечта: мой мальчик сожжет свои колючие варежки и разрубит все узлы на шнурках. А ты что же, надеялась заточить его тут навечно, Берта? Как бы не так! Генрик — дитя природы, он не может жить в клетке! Это дикий лев, вольный орел, одинокий тушкан! *(Выстрел за сценой. Фру Сенстед бросается в комнату Берты. Крик. Фру Сенстед возвращается; на ней нет лица, ее колотит дрожь.)* Насмерть. Счастливая. А я... я должна жить дальше. Вот уже наступает ночь. Как быстро она наступает! Как быстро! — а мне еще надо успеть перевесить традесканции.

Создавая образ фру Сенстед, Йобсен мстил матери, которая тоже была очень строгая женщина. Начинала она воздушной акробаткой в бродячем цирке. Будущий отец драматурга, Нильс Йобсен, работал живым пушеч-

ным ядром. Молодые встретились в воздухе и поженились прежде, чем коснулись земли. Однако брак оказался несчастливym, и к тому времени, как Йоргену исполнилось шесть лет, родители уже ежедневно палили друг в друга из цирковых пистолетов. Такая обстановка не могла не подействовать на впечатлительного мальчика. Довольно скоро у него появились первые симптомы в последствии знаменитых йобсеновских “настроений” и “тревог”. Например, до конца дней при виде цыпленка табака он снимал шляпу и кланялся. В последние годы Йобсен признавался близким друзьям, что “Спелые персики” дались нелегко и несколько раз ему казалось, что он слышит голос матери. Она спрашивала, как добраться с Манхэттена к статуе Свободы.

[159]

Города и люди

(путевые заметки)

Бруклин. Улицы, разлинованные деревьями. Красавец мост. На каждом шагу церкви и кладбища. И кондитерские. Мальш переводит бородатого старика через дорогу и желает “доброй Субботы”. Старикан улыбается и выбивает трубку малышу об голову. Тот с ревом бежит домой... Становится душно и сыро. После обеда многие выходят на улицу с раскладными стульчиками — посидеть, поболтать. Внезапно начинается снегопад. Общее замешательство. Идет торговец крендельками, предлагая свой товар. Собаки бросаются на него, он пытается спастись на дереве. Не повезло: на дереве еще больше собак.

“Бенни! Бенни!” Мама зовет сына домой. Бенни всего шестнадцать, но у него уже есть

привод. В двадцать шесть он сядет на электрический стул. В тридцать шесть его повесят. К пятидесяти будет хозяином химчистки. А пока что мама готовит ему завтрак, и, поскольку семья бедна и не может позволить себе свежие рогалики, Бенни мажет мармелад на вчерашнюю “Ньюс”.

Стадион Эббетс Филд: болельщики заполнили соседнюю Бедфорд-авеню в надежде поймать залетный мячик. После восьми безрезультатных подач толпа разочарованно ревет. Наконец мяч вылетает из-за стены, и начинается потасовка. Почему-то мяч не бейсбольный, а футбольный. Никто не понимает почему. В этом же сезоне хозяин бруклинских “Доджеров” обменяет кетчера¹ на питчера² из Питтсбурга, а потом самого себя на хозяина бостонских “Смельчаков” и двух его отпрысков.

Залив Шипсхед: рыбак с мужественным лицом жизнерадостно смеется и вытягивает сетку с крабами. Огромный краб хватается за нос. Рыбак больше не смеется. Товарищи тащат его к себе, товарищи краба — к себе. Силы равны. Садится солнце. Схватка продолжается.

1 Кетчер — в бейсболе: тот, кто ловит мяч.

2 Питчер — тот, кто подает мяч бьющему.

[162] *Новый Орлеан*: На кладбище в дождь. Кого-то хоронят под скорбные псалмы джаз-оркестра. Затем музыканты врезают зажигательный марш и строем возвращаются в город. На полпути кто-то понимает, что похоронили не того человека. В сущности, совершенно чужого. Собственно, он и не был мертв. Он даже не был болен. То-то он все время насвистывал. Музыканты возвращаются на кладбище и раскапывают бедолагу, который грозитя подать в суд, хотя ему обещают оплатить чистку костюма — пусть пришлет квитанцию. Меж тем непонятно, кто все-таки умер. Под музыку по очереди хоронят зевак, решив, что кто ляжет в могилу без разговоров, тот и покойник. Наконец становится ясно, что здесь никто не умер, а искать тело уже бесполезно, поскольку начался праздник.

Сегодня Марди Грас¹. Повсюду креольские угощения. Толпы в карнавальных костюмах заполонили улицы. Человека, нарядившегося креветкой, бросают в кипящий котел с раковым супом. Он протестует, но никто не верит, что он не рак. Наконец он догадыва-

1 Марди Грас (Толстый вторник) — самый большой в Америке карнавал. Проходит в Новом Орлеане с 1699 г. Длится два месяца и достигает апогея в последний вторник перед Великим постом.

ется предъявить водительские права, и его отпускают.

В сквере Борегара кишат туристы. Когда-то Мари Лаво¹ практиковала здесь вуду², а теперь старый гаитянский шаман продает талисманы и амулеты. Полицейский предлагает ему пройти в участок, вспыхивает спор. Когда он гаснет, полицейский оказывается на полтора метра ниже ростом. Рассердившись, он пытается арестовать заклинателя, но говорит таким писклявым голосом, что ничего нельзя разобрать. Затем кошка переходит дорогу, и полицейский в ужасе пускается наутек.

Париж. Мокрые тротуары. И огни, повсюду огни! В уличном кафе сталкиваюсь с каким-то человеком. Это Андре Мальро. Но почему-то он считает, что Андре Мальро — это я. Объясняю, что Мальро — он, а я просто студент. Он успокаивается: ему было страшно подумать, что его любимая мадам Мальро

1 Мари Лаво (1794?–1881) — самая знаменитая “королева” вуду в Северной Америке.

2 Вуду — религия, привезенная в Америку африканскими рабами. Стала народной религией Гаити, оказала большое влияние на культуру Нового Орлеана. В основе ритуалов вуду — вызывание богов и духов, которые вселяются в шамана. Верующие могут получить от них защиту, исцеление или предсказание.

[163]

[164] теперь моя жена. Мы беседуем о высоких материях, Мальро говорит, что человек — хозяин своей судьбы и только поняв, что смерть — это часть жизни, можно по-настоящему постичь смысл бытия. Потом предлагает купить у него кроличью лапку. Через много лет мы снова встречаемся за одним столом, и он снова уверяет, что Мальро — это я. Теперь я соглашаюсь и выпиваю его фруктовый коктейль.

Осень. Париж парализован очередной забастовкой. На этот раз бастуют гимнасты. Нигде никто не кувыркается, и город словно замер. Вскоре к забастовке присоединяются жонглеры, затем чревовещатели. Парижане без них не могут. Студенчество волнуется. Двух алжирцев, попытавшихся стоять на голове, обрили наголо.

Десятилетняя зеленоглазая шатенка с длинными вьющимися волосами заложила взрывчатку в шоколадный мусс министра внутренних дел. После первой ложечки тот пробивает головой крышу “Ле Фуке”¹ и приземляется в “Чреве Парижа”² живым и невредимым. “Чрева” больше нет.

1 “Ле Фуке” — прославленный ресторан на Елисейских Полях. Открыт в 1899 г.

2 “Чрево Парижа” — знаменитый центральный рынок Парижа. Больше не существует.

На машине через Мехико. Чудовищная нищета. Грибницы сомбреро вызывают в памяти фрески Ороско¹. В тени жара под сорок. Нищий индус продает энчиладу с копченой свиной. Довольно вкусно. Запиваю ледяной водой и вскоре чувствую тошноту. Потом начинаю говорить по-немецки. Внезапная вкрадчивая боль в животе заставляет умолкнуть на полуслове, как будто захлопнули книгу. Через полгода прихожу в сознание в тамошней больнице, совершенно лысый и с футбольным кубком в руках. Самое страшное позади; рассказывают, что я был на волосок от смерти и в горячечном бреде заказал два костюма из Гонконга.

Со мной в палате лежит множество чудесных крестьян, с некоторыми мы потом крепко подружимся. Вот, например, Альфонсо. Мама хотела, чтобы он стал матадором. Он стал, и его забодал бык. Чуть позже его забодала и мама. А вот Хуан, скромный свиновод, он не знает грамоты, но сумел надуть министерство по налогам и сборам на шесть миллионов долларов. Или еще папаша Эрнандес, долгие годы шагавший плечом к плечу

1 Хосе Клементе Ороско (1883—1949) — мексиканский живописец, один из основателей национальной школы монументальной живописи.

[165]

[166] с Сапато¹, пока великий революционер не посадил его, чтоб не толкал под локоть.

Дождь. Шесть дней непрекращающийся дождь. Потом туман. Мы сидим в лондонском пабе с Сомерсетом Моэмом. Я опечален: мой первый роман, “Большая рвота”, критики встретили прохладно. Единственный благосклонный отзыв в “Таймс” испорчен последней фразой: “Этот опус — самое мерзкое собрание самых идиотских общих мест во всей западной литературе”.

Моэм считает, что эту фразу можно понимать по-разному, но все-таки в рекламе ее использовать не стоит. Потом мы шагаем по старой бромптонской дороге, и снова начинается дождь. Я предлагаю Моэму зонтик, и он берет, хотя уже раскрыл свой. Теперь он идет под двумя зонтами, а я плетусь позади.

— Не надо так серьезно относиться к критике, — говорит он. — Мой первый рассказ один критик разнес в пух и прах. Я обиделся и долго сочинял в уме язвительный ответ. А потом однажды перечитал рассказик и понял, что он был прав. Вещь в самом деле пустая и плохо сделана. Я навсегда запомнил

1 Эмилиано Сапата (1879–1919) — легендарный мексиканский разбойник и революционер.

этого урока, и много лет спустя, когда Люфт-ваффе бомбила Лондон, посветил на дом того критика.

Моэм прерывается, чтобы купить и открыть над собою третий зонтик.

— Чтобы стать писателем, — продолжает он, — надо рисковать и не бояться выглядеть дураком. Я писал “Лезвие бритвы” с газетной пилоткой на голове. В первом варианте “Дождя” Сейди Томпсон была попугаем. Мы идем на ощупь. Мы рискуем. Когда я взялся за “Время страстей человеческих”, у меня был только союз “и”. Я чувствовал, что история, в которой будет “и”, должна получиться. И постепенно прояснилось всё остальное.

Порыв ветра сбивает Моэма с ног и швыряет о стену дома. Он радостно смеется, а потом дает мне один из величайших советов, какие когда-либо получал начинающий писатель: “В конце вопросительного предложения ставьте вопросительный знак. Эффект превзойдет ожидания”.

[167]

Раб (пьеса)

Афины. Около середины первого века до н.э. Посреди громадного пустого амфитеатра — два растерянных грека, актер и автор; они чем-то расстроены и озадачены. Эти роли следует поручить матерым эстрадным комикам.

АКТЕР. Ничего. Совсем ничего.

АВТОР. В каком смысле?

АКТЕР. Никакого смысла. Многозначие.

АВТОР. В финале.

АКТЕР. Ну да. О чем мы говорим? Мы же говорим о финале.

АВТОР. Мы каждый раз говорим о финале.

АКТЕР. Потому что он не оставляет надежды.

АВТОР. Ну, я допускаю, что он не вполне убедителен.

Все права на постановку этой пьесы принадлежат Samuel French, Inc., 25 West 45th Street, New York, New York, 10036.

[169]

АКТЕР. Неубедителен? Он неправдоподобен! А штука в том, что пьесу надо сочинять с конца. Делаешь сильный финал и потом идешь к началу.

АВТОР. Пробовал. Получилась пьеса без начала.

АКТЕР. Ну, это уже абсурд.

АВТОР. Абсурд? Что значит абсурд?

АКТЕР. Всякая пьеса должна иметь начало, середину и конец.

АВТОР. Почему?

АКТЕР. Потому что в природе все имеет начало, середину и конец.

АВТОР. Да? А круг?

АКТЕР (*задумавшись*). Ну... Да, у круга нет начала, середины, нет и конца — но и ничего веселого в нем тоже нет.

АВТОР. Диабетий, думай о финале. У нас через три дня премьера.

АКТЕР. При чем тут я? Я в этом позорище светиться не собираюсь. У меня есть кое-какая актерская репутация, свои поклонники. Мой зритель надеется, что я выберу достойный драматургический материал.

АВТОР. Осмелюсь напомнить, что ты нищий, голодный, безработный паяц, которому я великодушно позволил участвовать в моей пьесе, чтобы как-то помочь вернуться на сцену.

[170] А К Т Е Р. Голодный, правда... Безработный?..
Пожалуй. Мечтаю ли я вернуться на сцену? Возможно. Но пьяница?

А В Т О Р. Я не говорил, что ты пьяница.

А К Т Е Р. Не говорил. Но ведь я еще и пьяница.

А В Т О Р (*в порыве внезапного вдохновения*). А если так: ты обезумел, ты выхватываешь из-под тоги кинжал и размахиваешь, размахиваешь — покуда не выколешь себе глаз?

А К Т Е Р. Да, вот это сильно. Ты уже ел?

А В Т О Р. А чем плохо?

А К Т Е Р. Слишком мрачно. Зритель может не выдержать. Его сразу потянет...

А В Т О Р. Да-да, я знаю.

А К Т Е Р. Пошикать. Так это почему-то называется: шикать.

А В Т О Р. Но ведь так хочется победить на фестивале! Один раз — и все! Я должен хотя бы одну награду получить при жизни. И не думай, что мне нужен их бесплатный кувшин нектара. Признание, почет, черт побери!

А К Т Е Р (*вдруг, с вдохновением*). А если царь просто переменит решение? Возьмет и переменит, а? Ну-ка, ну-ка...

А В Т О Р. Царь? Ни за что.

А К Т Е Р. А может, его переубедит царица?

А В Т О Р. Исключено. Она сволочь та еще.

А К Т Е Р. А если троянская армия сложит оружие?

А В Т О Р. Троянцы стоят насмерть.

А К Т Е Р. Даже если Агамемнон нарушит обет?

А В Т О Р. Это не в его правилах.

А К Т Е Р. Ну, а если я внезапно вскину руки и стану в выразительную позу?

А В Т О Р. Это не в логике характера. Пойми, ты трус, жалкий подлый раб с интеллектом червя, — почему, думаешь, я тебе отдал эту роль?

А К Т Е Р. Я уже предложил шесть финалов!

А В Т О Р. Один другого нелепее.

А К Т Е Р. Да это пьеса у тебя нелепая.

А В Т О Р. Разумные существа так себя не ведут. Это противоречит самой их природе.

А К Т Е Р. При чем тут природа? Мы застряли на никудышном финале.

А В Т О Р. Поскольку человек — существо разумное, я как драматург не могу допустить, чтобы герой делал на сцене то, чего не совершил бы в настоящей жизни.

А К Т Е Р. Только не забывай, что в настоящей жизни нас не существует.

А В Т О Р. В каком смысле?

А К Т Е Р. Ты вообще в курсе, что мы с тобой — персонажи спектакля, который сейчас идет в каком-то бродвейском театре? Ну, не закипай, это не я сочинил.

А В Т О Р. Мы — персонажи спектакля, и вскоре увидим спектакль по моей пьесе, кото-

- [172] рый, таким образом, является спектаклем в спектакле, — а они все смотрят на нас.
- А К Т Е Р. Да. Это чистая метафизика вообще, да?
- А В Т О Р. Не то чтобы метафизика. Это полный бред.
- А К Т Е Р. А ты бы больше хотел быть на их месте?
- А В Т О Р (*глядя в зал*). Не дай бог. Ты посмотри на них.
- А К Т Е Р. Ну так и не будем обращать внимания.
- А В Т О Р (*задумчиво*). А они раскошелились на билеты.
- А К Т Е Р. Гепатитий! Слышишь?
- А В Т О Р. Да-да. Нужно решать с финалом.
- А К Т Е Р. У тебя каждый раз нужно решать с финалом.
- А В Т О Р (*неожиданно — к зрителям*). Ребята, может, есть предложения?
- А К Т Е Р. Не впутывай зрителей! Ну надо мне было про них заговорить!
- А В Т О Р. Все-таки странно, правда? Мы с тобой древние греки, живем себе в Афинах, собираемся на спектакль по моей пьесе, я ее сочинил, а ты будешь играть. А они — из Квинса или еще из какой-нибудь дыры, сидят и смотрят на нас в спектакле, который тоже кто-то сочинил. Но что, если и

- [173] сами они — персонажи спектакля? Или если вообще ничего не существует, а все мы кому-то снялся? Или, что еще ужаснее, существует только вон тот, толстый, в третьем ряду?
- А К Т Е Р. Подожди. Давай допустим, что мир устроен неразумно и люди созданы не по общему образцу. Тогда мы имеем полное право делать любой финал и не зависеть от каких-то пошлых представлений. Следишь?
- А В Т О Р. Нет, конечно. (*Зрителям*.) Вы следите? Актер. Ходит обедать к Сарди.
- А К Т Е Р. Тогда у персонажей пьесы не должно быть раз навсегда установленных черт и каждый может сам определять свой характер. Скажем, я не обязан изображать раба только потому, что ты так написал. Я могу взять и стать героем.
- А В Т О Р. Но тогда нет пьесы.
- А К Т Е Р. Нет пьесы? Ладно. Я у Сарди.
- А В Т О Р. Диабетий, то, что ты предлагаешь, ведет к хаосу!
- А К Т Е Р. Значит, свобода, по-твоему, хаос?
- А В Т О Р. Хаос? Хм. Любопытная мысль. (*К зрителям*.) Скажите, как вы считаете, свобода — это хаос? А? Может, есть в зале философы?
- Д Е В У Ш К А (*из зала*). Есть!
- А В Т О Р. А вы кто?

[174] Девушка. Ну, вообще я сильнее в аэробике, с философией у меня похуже.

Ав т о р. Сюда сможете подняться?

А к т е р. Ты что, спятил?

Девушка. А ничего, что я кончала Бруклинский колледж?

Ав т о р. Бруклинский? Ну ничего, для нас сойдет.

Девушка поднимается на сцену.

А к т е р. Ну даешь!

Ав т о р. Что ты переживаешь?

А к т е р. Мы в середине спектакля. Кто это такая?

Ав т о р. На носу Афинский театральный фестиваль, а у меня нет финала!

А к т е р. И что?

Ав т о р. Были поставлены серьезные философские вопросы. Действительно ли мы существуем? (*Имея в виду зрителей.*) Действительно ли они существуют? Какова истинная природа человека?

Девушка. Привет. Дорис Левайн.

Ав т о р. Гепатитий. А это Диабетий. Мы из Древней Греции.

Дорис. А я из Грейт-Нека¹.

А к т е р. Убери ее со сцены!

¹ Грейт-Нек — район Лонг-Айленда в Нью-Йорке.

Ав т о р (*оценив ее вблизи: она определенно хороша собой*). Смотри, какая сладкая!

А к т е р. И что нам с этого?

Дорис. Основной вопрос философии звучит так: если в лесу падает дерево, а вокруг нет ни души — откуда мы все-таки знаем, что оно производит шум?

Все озадачены.

А к т е р. Да какое нам дело? Мы же на Сорок четвертой в Нью-Йорке!

Ав т о р (*Дорис*). А ты пойдешь со мной в кроватку?

А к т е р. Оставь ее в покое!

Дорис (*актеру*). Вас это не касается.

Ав т о р (*за кулисы*). Будьте добры, можно прикрыть занавес? Минут на пять. (*Зрителям.*) Никуда не уходите. Мы пулей.

А к т е р. Безобразия! Абсурд какой-то! (*Дорис*). А подружка у тебя есть?

Дорис (*в зал*). Диана! Давай, может, поднимешься сюда? Есть вариант с двумя греками.

Ответа нет.

Она такая застенчивая.

А к т е р. Ну так, нам надо заниматься пьесой. Я немедленно сообщу обо всем автору.

[175]

- [176] А В Т О Р. Автор — это я!
 А К Т Е Р. Нет — настоящему автору.
 А В Т О Р (*актеру, вполголоса*). Диабетий, у меня с ней явно на мази.
 А К Т Е Р. Что значит “на мази”? Ты хочешь перепихнуться на глазах у полного зала?
 А В Т О Р. Ну, конечно нет. Я занавес-то опущу. Думаешь, они сами иногда этим не занимаются? Не все, естественно.
 А К Т Е Р. Идиот! Ведь ты же ненастоящий! А она вообще еврейка. Представляешь, какие будут детки?
 А В Т О Р. Ну ладно, может, все-таки раскрутим подружку.

Актер идет к левой кулисе звонить по телефону.

Диана? Ты не ловишь момент. Хочешь, познакомлю с... (*использовать настоящую фамилию актера*)? Ну, это большой артист.

Рекламу смотришь по телевизору?

А К Т Е Р (*по телефону*). Город, пожалуйста.

Д О Р И С. Я не хотела бы причинять неудобств.

А В Т О Р. Да какие неудобства? Просто, похоже, мы здесь совершенно утратили связь с действительностью.

Д О Р И С. Кто знает, что такое действительность?

А В Т О Р. Дорис! Как ты права!

- [177] Д О Р И С (*задумчиво*). Как часто нам кажется, что вот она, действительность, а на самом деле нас соблазнил мираж, иллюзия...
 А В Т О Р. Ты меня так притягиваешь... я уверен: это реальность!
 Д О Р И С. Вы считаете, секс — это реальность?
 А В Т О Р. Даже если нет — это одна из самых приятных иллюзий, данных нам вощущении. (*Хочет обнять Дорис, но она отстраняется.*)
 Д О Р И С. Не надо. Не здесь.
 А В Т О Р. Почему?
 Д О Р И С. Не знаю. Так говорится.
 А В Т О Р. У тебя раньше когда-нибудь бывало с... ну... с ненастоящим?
 Д О Р И С. Да. За мной ухаживал один армянин.
 А К Т Е Р (*он у телефона. Через динамики слышен шум вечеринки и ответы на другом конце провода*). Алло?
 Г О Л О С Г О Р Н И Ч Н О Й. Слушаю, квартира мистера Аллена.
 А К Т Е Р. Алло, будьте добры мистера Аллена.
 Г О Л О С Г О Р Н И Ч Н О Й. Простите, кто его спрашивает?
 А К Т Е Р. Один персонаж из его пьесы.
 Г О Л О С Г О Р Н И Ч Н О Й. Минутку. Мистер Аллен, ваш персонаж.
 А К Т Е Р (*в сторону*). Ну, голубки, держитесь.
 Г О Л О С В У Д И А Л Л Е Н А. Алло?
 А К Т Е Р. Мистер Аллен?

[178] Вуди. Да?
 АКТЕР. Это Диабетий.
 Вуди. Кто?
 АКТЕР. Диабетий. Вы меня сочинили.
 Вуди. А-а, да... вспоминаю... такой неудачный персонаж... очень одноплановый.
 АКТЕР. Спасибо вам.
 Вуди. Слушай, а разве спектакль уже кончился?
 АКТЕР. Я как раз по этому поводу. Тут явилась на сцену какая-то девушка и не хочет уходить, а Гепатитий, видите ли, воспылил к ней страстью.
 Вуди. Как она из себя?
 АКТЕР. Хорошенькая, но не из наших.
 Вуди. Блондинка?
 АКТЕР. Брюнетка. Волосы длинные.
 Вуди. Ножки хорошие?
 АКТЕР. Да.
 Вуди. Грудь?
 АКТЕР. Очень.
 Вуди. Не отпускайте ее, я сейчас буду.
 АКТЕР. Студентка с философского. Но, в сущности, ничего не понимает. Типичный продукт институтской кафешки.
 Вуди. Смешно. У меня эта шутка была в пьесе "Сыграй-ка еще раз, Сэм".
 АКТЕР. Надеюсь, там она имела большой успех.

Вуди. Ну, давай-ка ее.
 АКТЕР. К телефону?
 Вуди. Разумеется.
 АКТЕР (*Дорис*). Тебя.
 ДОРИС (*шепотом*). Я его видела в кино. Отвяжись от него.
 АКТЕР. Он написал эту пьесу.
 ДОРИС. И очень претенциозную!
 АКТЕР (*в трубку*). Она не хочет подходить. Говорит, что ваша пьеса претенциозная.
 Вуди. О господи. Ладно, перезвони потом, расскажешь, чем кончится.
 АКТЕР. Хорошо. (*Вешает трубку. И, уставившись на телефон, обдумывает слова Вуди Аллена.*)
 ДОРИС. А мне нельзя поучаствовать в вашем спектакле?
 АКТЕР. Не понимаю... ты что, актриса? Или настоящая, но вообразила себя актрисой?
 ДОРИС. Я всегда хотела выйти на сцену. Но мама надеялась, что я стану медсестрой. А папа считал, что главное — удачно выйти замуж.
 АКТЕР. И что же ты выбрала?
 ДОРИС. Сейчас работаю в одной фирме. Мы выпускаем обманчиво неглубокие тарелочки для китайских ресторанов.

[179]

Входит Грек.

[180] Грек. Диабетий, Гепатитий! А вот и я, Трихинозий. (*Приветствия экспромтом.*) Я прямо с Акрополя. Беседовали с Сократом, и он доказал, что меня не существует, так что настроение — понимаете. Тем не менее прошел слушок, что вы ищете хороший финал. Думаю, у меня есть то, что надо.

Автор. Правда?

Трихинозий. Кто такая?

Дорис. Дорис Левайн.

Трихинозий. Грейт-Нек?

Дорис. Точно.

Трихинозий. Раппапортов знаешь?

Дорис. Раппапорт? Мирон?

Трихинозий (*живает*). Мы с ним работали у либерал-демократов.

Дорис. Какое совпадение.

Трихинозий. Это у тебя был роман с мэром Линдсеем?

Дорис. Я-то не возражала, но он не решился.

Автор. Так что за финал?

Трихинозий. Ты гораздо симпатичнее, чем я представлял.

Дорис. По-честному?

Трихинозий. Прямо сейчас бы с тобой переспал.

Дорис. Сегодня мой день.

Трихинозий пылко берет ее за руку.

Прошу тебя. Ведь я девушка. Правильно?

[181]

Из-за кулисы выглядывает суфлер. Он в свитере, в руках — текст пьесы.

Суфлер. “Прошу тебя. Ведь я девушка”.

Правильно. (*Исчезает.*)

Автор. Ну, черт возьми, так какой же финал?

Трихинозий. А? А! (*За сцену.*) Мальчики!

Несколько греков выкатывают какое-то громоздкое устройство.

Автор. Ну и что это, черт побери, такое?

Трихинозий. Это — финал.

Автор. Не понимаю.

Трихинозий. Я работал над этим шесть месяцев. Перед вами машина, которая разрубит все узлы.

Автор. То есть?

Трихинозий. В последней сцене, когда кажется, все погибло и жалкий раб Диабетий оказался в положении более чем безнадёжном...

Автор. Ну?

Трихинозий. ...с небес грозно и торжественно нисходит всемогущий Зевс, отец бессмертных богов, и, потрясая молния-

[182] ми, приносит спасение группе благодарных, хотя и ничтожных смертных.
 Дорис. Деус экс махина.
 Трихинозий. Слушай, гениальное название!
 Дорис. У меня папа работает в “Дженерал электрик”.
 Автор. Я все-таки не понял.
 Трихинозий. Подожди, посмотришь, как она действует. На ней-то и прилетает Зевс. У меня большие виды на эту штуку. Софокл уже заказал одну. Еврипид просит две.
 Автор. Но это меняет весь смысл пьесы.
 Трихинозий. Молчи, пока не видал. Бурситий, надевай-ка доспехи. Полетаем.
 Бурситий. Я?
 Трихинозий. А что?
 Бурситий. Я боюсь.
 Трихинозий. Шутит... Пошел, идиот, спугнешь клиента. Он сейчас. Ха-ха.
 Бурситий. Но я боюсь высоты.
 Трихинозий. Залезай давай! Живее. Пошли. Не забудь костюм Зевса. Пожалуйста, все приготовились к презентации.

 Уходят. Бурситий – протестуя.

 Бурситий. Мне надо позвонить страховому агенту!

[183] Автор. Значит, по-твоему, в конце появляется Бог и всех спасает?
 Актер. Мне нравится. И зрители не пожалуют, что потратили деньги.
 Дорис. Он прав. Голливудский рецепт.
 Автор (*выйдя на середину сцены – с пафосом*). Но если Бог спасает всех, то, выходит, человек не несет ответственности за свои поступки!
 Актер. И ты удивляешься, что тебя перестали звать на вечеринки?
 Дорис. Но без Бога все лишено смысла. Жизнь лишена смысла. Мы лишены смысла.

 Мертвая тишина.

 Ой, как захотелось прилечь!
 Автор. Потом. Я не настроен.
 Дорис. Правда, что ли? (*В зал.*) Никто не хочет со мной?
 Актер. Прекрати! (*В зал.*) Спокойно, она шутит.
 Автор. Я убит.
 Актер. Почему?
 Автор. Я не знаю, верю ли я в Бога.
 Дорис (*в зал*). Я серьезно.
 Актер. Если Бога нет, то кто создал мир?
 Автор. Не знаю, не знаю.

- [184] А К Т Е Р. Что значит “не знаю”? А когда ты узнаешь?
 Д О Р И С. Ну правда, кто-нибудь идет со мной спать?
 М у ж ч и н а (*встает в зале*). Я пересплю с девушкой, если никто не хочет.
 Д О Р И С. По-честному, сэр?
 М у ж ч и н а. Да вы что? Посмотрите, какая девушка! Неужели тут нет ни одного нормального мужика? А? Опять сплошные очкастые еврейские красные пидарасы?

Из-за кулисы выходит Лоренцо Миллер; одет современно.

- Л О Р Е Н Ц О. Сядь на место. Ты понял, нет?
 М у ж ч и н а. Ладно, все нормально.
 А В Т О Р. Кто вы такой?
 Л О Р Е Н Ц О. Лоренцо Миллер. Я сочинил этих зрителей. Я драматург.
 А В Т О Р. Что вы имеете в виду?
 Л О Р Е Н Ц О. Я написал: пестрая толпа жителей Бруклина, Манхэттена и Лонг-Айленда заполняет зрительный зал и смотрит спектакль. И вот они здесь.
 Д О Р И С (*указывая на зрителей*). Значит, они тоже ненастоящие?
 Лоренцо кивает.

- И не могут делать, что им захочется? [185]
 Л О Р Е Н Ц О. Считаю, что могут, но всегда делают именно то, что положено.
 Ж Е Н Щ И Н А (*внезапно поднимается в зале; она возмущена*). Это я ненастоящая?
 Л О Р Е Н Ц О. Мне весьма жаль, мадам, — вы тоже.
 Ж Е Н Щ И Н А. Но у меня есть сын, он на экономическом учится в Гарварде!
 Л О Р Е Н Ц О. Я выдумал вашего сына. Он ненастоящий. Мало того, он голубой.
 М у ж ч и н а. Сейчас я тебе покажу, какой я ненастоящий. Я уйду из этого балагана, и попробуйте не вернуть мне за билет! Что за идиотизм?! Это что, называется спектакль? В кои-то веки выбираешься в театр, хочешь посмотреть какую-нибудь пьеску, чтоб было начало, середина, конец. А не это дерьмо! Счастливо оставаться. (*Сяро-стью пробирается между рядами к выходу.*)
 Л О Р Е Н Ц О (*зрителям*). Ну? Какой тип? Настоящий зверюга получился. Но, правда, позже раскается и покончит самоубийством.
 Выстрел.
 Позже!
 М у ж ч и н а (*возвращается в зал с дымящимся пистолетом в руке*). Прошу прощения, я что, поторопился, да?

[186] Лоренцо. Все, ушел.
 Мужчина. Я у Сарди. (*Выходит.*)
 Лоренцо (*спускается в зал, разговаривает с настоящими зрителями*). Как вас зовут, представьтесь, пожалуйста. Ага.

Импровизация на основании ответов зрителей.

Откуда вы? (*Зрителям.*) Ничего, да? Колосальный тип. Надо только напомнить, чтобы наконец нашли другой костюм. Вот эта женщина позже уходит от мужа вон с тем парнем. Ну, конечно, кто бы мог подумать! О, видите того красавчика? В конце изнасилует эту даму.

Автор. Как мучительно быть ненастоящим! Столько ограничений!

Лоренцо. Все дело только в способностях драматурга. Вас, к сожалению, сочинил Вуди Аллен. А представьте, если бы Шекспир?

Автор. Нет, не могу этого принять. Я свободный человек и не нуждаюсь, чтобы Бог прилетал спасать мне пьесу. Я достаточно опытный драматург.

Дорис. Но ты же хочешь победить на Афинском театральном фестивале, правда?

Автор (*неожиданно с пафосом*). Да. Я хочу обрести бессмертие. Мне не хочется так просто умереть и быть забытым. Я хочу, что-

бы мои творения надолго пережили мою брэнную оболочку. Я хочу, чтобы грядущие поколения знали, что я жил на свете! Я не согласен на роль бессмысленной былинки, которую вечность уносит на своих волнах. Спасибо за внимание, дамы и господа; позвольте мне принять эту премию "Тони" и поблагодарить жюри...

Дорис. Мне все равно, кто там что говорит, — я настоящая.

Лоренцо. Не совсем.

Дорис. Я мыслю, следовательно, я существую. Даже лучше сказать — я чувствую.

Я испытываю оргазм.

Лоренцо. В самом деле?

Дорис. Каждый раз.

Лоренцо. Правда?

Дорис. Очень часто.

Лоренцо. Да?

Дорис. Конечно. Как правило.

Лоренцо. Неужели?

Дорис. По крайней мере, через раз.

Лоренцо. Да ладно.

Дорис. По-честному! С определенным типом мужчин.

Лоренцо. Не верю.

Дорис. И необязательно обычным способом. Я скорее предпочитаю хорошо подвешенный язык.

[187]

[188] ЛОРЕНЦО. Так-так!
 ДОРИС. Естественно, бывает, и притворяюсь. Бывает. Просто чтоб не обидеть.
 ЛОРЕНЦО. Скажите, вы когда-нибудь испытывали оргазм?
 ДОРИС. Не совсем. Нет.
 ЛОРЕНЦО. Потому что все мы — ненастоящие.
 АВТОР. Но если мы ненастоящие, то не можем и умереть.
 ЛОРЕНЦО. Не можем. Только если драматург решит нас убить.
 АВТОР. Зачем?

Входит Бланш Дюбуа.

БЛАНШ. Затем, милый, чтобы удовлетворить свое, как они выражаются, “чувство прекрасного”.

Все обернулись к ней.

АВТОР. Кто вы такая?

БЛАНШ. Бланш Дюбуа. Что примерно значит “лесная Беляночка”. Не вставайте, умоляю, я просто шла мимо.

ДОРИС. Что вы здесь делаете?

БЛАНШ. Ищу убежище. Да-да, в этом старом театре. Я невольно подслушала ваш разго-

вор. Если можно, чуть-чуть бурбона с кокаколой. [189]

Появляется актер. Мы и не заметили, когда он улизнул со сцены.

АКТЕР. “Севен Ап” пойдет?

АВТОР. Где тебя носит?

АКТЕР. Сходил в душ.

АВТОР. Посреди пьесы?

АКТЕР. Какой пьесы? (*Бланш.*) Слушай, объясни ему, как мы все зависим от автора.

БЛАНШ. Увы, да. Это правда. И это так чудовищно. Потому я и сбежала из моей пьесы. Я вырвалась. Нет-нет, не отрицаю, мистер Теннесси Уильямс — великий драматург, но, милый, он забросил меня в пучину какого-то ночного кошмара. Последнее, что я запомнила, — как меня волокли два типа, а третий держал наготове смирительную рубашку. Как только мы вышли от Ковальского, я вырвалась и убежала. Я ишу другую пьесу, пьесу, в которой Бог существует... где я могла бы наконец передохнуть. Так что не откажитесь включить меня в список действующих лиц, и пускай Зевс, юный и прекрасный Зевс, торжествует и мечет громы и молнии.

АВТОР (*актеру*). Так ты ходил в душ?

[190] Тр и х и н о з и й (*входит*). Мы можем показывать.

Б л а н ш. Уже? Потрясающе!

Тр и х и н о з и й (*за сцену*). Готовы? Отлично.

Итак, последняя сцена. Рабу ничего не светит. Исчерпаны все средства. И тогда он возносит мольбу. Давай.

А к т е р. О Зевс, всемогущий владыка! Мы жалкие и беспомощные смертные. Молю, яви свою милость и перемены нашу участь.

Ничего не происходит.

Э... великий Зевс...

Тр и х и н о з и й. Поехали, ребята! Ради бога!

А к т е р. О всемогущий Боже!

Оглушительный удар грома; сказочное освещение. С неба спускается Зевс и величественно мечет молнии. Это впечатляет.

Б у р с и т и й (*в роли Зевса*). Я — Зевс, отец бессмертных богов! Я — чудотворец! Я — создатель Вселенной! Я дарую вам спасение!

Д о р и с. Ах, видели бы это в “Дженералэлектрик”!

Тр и х и н о з и й. Ну как, Гепатитий? А?

А в т о р. Я потрясен. Не ожидал. Сильно, выразительно! Я должен победить на фести-

тивале. Все — это победа! Это было так возвышенно! Ой, у меня мурашки! Дорис!
(*Обнимает ее.*)

Д о р и с. Не сейчас.

Все идут за кулисы; перемена света.

А в т о р (*на ходу*). Надо быстро кое-что переписать.

Тр и х и н о з и й. За прокат божественной машины я тебе поставлю двадцать шесть с полтиной в час.

А в т о р (*обращаясь к Лоренцо*). Вы не могли бы представить мою пьесу?

Л о р е н ц о. О чем разговор. Вперед!

Уходят все, кроме Лоренцо; он обращается к зрителям, а тем временем выходит хор и рассаживается у задника. Конечно, все в белых тогах.

Добрый вечер и добро пожаловать на Афинский театральный фестиваль.

Фонограмма: смех в зале.

Сегодня вас ждет грандиозное представление. Это последняя пьеса Гепатития Родосского — “Раб”.

[191]

[192] Фонограмма: смех.

В главных ролях: раб — Диабетий, Зевс — Бурситий, при участии Бланш Дюбуа и Дорис Левайн из Грейт-Нека.

Смех.

Наш генеральный спонсор — шашлычная Грегора Лондоса, прямо напротив Парфенона. Собрались перекусить? Не уподобляйтесь Медузе: пошевелите мозгами, а не змеями, и посетите шашлычную Грегора Лондоса. Имейте в виду — сам Гомер любил это местечко: кто не слеп — тот видит. (*Уходит.*)

Диабетий исполняет роль раба по имени Фидипид. Он прогуливается вместе с другим рабом, а тем временем вступает хор.

Хор. Греки, внимайте! Услышите ныне
о Фидипиде —
о муже отважном
и многомудром,
из самых крутых
среди прославленных греков.

Диабетий. Послушай: ну что мы будем делать с этой лошадиной?

Приятель. Но они отдают за так.

[193] Диабетий. Ну и что? Кому она нужна? Громкая деревянная кобыла. На черта она сдалась? Была бы хоть симпатичная. Помяни мое слово, Кратин: на месте наших политиков ни за что бы не доверял троянцам. Ты заметил — они никогда не берут больничный?

Приятель. Кстати, про циклопа слышал? Подхватил конъюнктивит.

Голос за сценой. Фидипид! Ну где этот раб?

Диабетий. Иду, хозяин!

Хозяин (*входит*). Фидипид, вот ты где. Полно работы, пора собирать виноград, надо починить колесницу, принести воды, а ты тут стоишь и травишь байки.

Диабетий. Я не травил, хозяин. Мы разговаривали о политике.

Хозяин. Рабы разговаривают о политике! Ха-ха-ха!

Хор. “Ха-ха-ха!” —
вот каковы богачи.

Диабетий. Прошу прощения, хозяин.

Хозяин. Возьмешь новенькую рабыню — эту, из Иудеи, — и уберетесь в доме. Я жду гостей. А потом принимайся за дела.

Диабетий. Новенькая из Иудеи?

Хозяин. Дорис Левайн.

Дорис. Вы звали, хозяин?

Хозяин. Приберитесь. Давайте. Живей.

- [194] Хор. Бедняга Фидипид. Жалкий раб. И, подобно всем рабам, мечтает только об одном.
- Диабетий. Стать чуть повыше.
- Хор. Стать свободным.
- Диабетий. Свободным? Нет.
- Хор. Нет?
- Диабетий. Я и так в порядке. Я точно знаю, что от меня требуется. Обо мне заботятся. Мне не приходится выбирать. Я рожден рабом и умру рабом. Лично меня это не беспокоит.
- Хор (*презрительно*). Ой, ой, ой!
- Диабетий. А, ладно, много вы понимаете. Хор мальчиков. (*Целует Дорис, она отстраняется.*)
- Дорис. Не надо.
- Диабетий. Почему? Дорис, ты же знаешь, я сгораю от любви. Или, как вы, иудеи, говорите: у меня для тебя кое-что есть.
- Дорис. Пустой номер.
- Диабетий. Почему?
- Дорис. Потому что тебе по душе рабство, а я его не выношу. Я хочу на свободу. Хочу путешествовать, хочу пожить в Париже. Хочу написать роман. А может, затею женский журнал.
- Диабетий. "Свобода, свобода!"... Да о чем столько шума? Довольно опасная штука,

- [195] эта свобода! Разве ты не видишь, Дорис, что творится вокруг? Правительства разъедает коррупция, политики уничтожают друг дружку, города переполнены, люди доведены до отчаянья. А кого, по-твоему, убивают на войне? Свободных людей. И только мы в безопасности: ведь кто бы ни пришел к власти, всем нужен человек, который займется генеральной уборкой. (*Обнимает ее.*)
- Дорис. Не надо. В рабстве я никогда не смогу наслаждаться сексом.
- Диабетий. Ну, могла бы симульнуть.
- Дорис. Не надейся.
- Хор. Но однажды Парки протянули руку помощи.
- Входят Парки, муж и жена; одеты как американские туристы, в цветастые гавайские шорты; у Боба на шее фотоаппарат.
- Боб. Привет! Парки. Боб и Венди Парк. Ищем надежного человека, чтобы доставить очень важное послание царю.
- Диабетий. Царю?
- Боб. Вы сослужите громадную службу всему человечеству!
- Диабетий. Я?

[196] ВЕНДИ. Конечно. Но это очень опасное предприятие, и хотя ты раб — имеешь право отказаться.

ДИАБЕТИЙ. Я отказываюсь.

БОБ. А зато посмотрел бы дворец.

ВЕНДИ. И получил в награду свободу.

ДИАБЕТИЙ. Свободу? Да, это чудесно, что говорить, я был бы счастлив вам помочь, но я оставил сковороду на плите, у меня там жарится ростбиф.

ДОРИС. Позвольте мне помочь вам.

БОБ. Для женщины это слишком опасно.

ДИАБЕТИЙ. А она очень быстро бегает.

ДОРИС. Фидипид, как тебе не стыдно отказываться!

ДИАБЕТИЙ. Кое-что трусам дается легче.

ВЕНДИ. Мы умоляем вас, пожалуйста.

БОБ. Судьба человечества висит на волоске.

ВЕНДИ. Мы увеличим вознаграждение. Свобода для вас и для любого по вашему выбору.

БОБ. Плюс набор посуды столового серебра для закусок и первых блюд из шестнадцати предметов.

ДОРИС. Фидипид, это наш шанс.

ХОР. Давай, придурок.

ДИАБЕТИЙ. Умышленные деяния приотягчающих обстоятельствах, повлекшие освобождение одного либо группы лиц... Что-то немножко подташнивает сегодня.

[197] ВЕНДИ (*протягивает ему конверт*). Вот послание, которое надо срочно передать царю.

ДИАБЕТИЙ. А почему вы сами не можете?

БОБ. Нам через час в Нью-Йорк.

ДОРИС. Фидипид, ты говорил, что любишь меня.

ДИАБЕТИЙ. Ну да, ну да.

ХОР. Пошел, Фидипид: сюжет буксует.

ДИАБЕТИЙ. Не знаю, не знаю. (*Звонит телефон, он снимает трубку.*) Алло?

ГОЛОС ВУДИ. Ну что, тебе трудно отнести? Все уже мечтают выкатиться отсюда к чертовой матери.

ДИАБЕТИЙ (*повесив трубку*). Ну хорошо. Но только потому, что Вуди просит.

ХОР (*поет*). Бедный профессор Хиггинс...

ДИАБЕТИЙ. Идиоты, это из другого спектакля!

ДОРИС. Удачи тебе, Фидипид.

ВЕНДИ. Да, удача тебе понадобится.

ДИАБЕТИЙ. В каком смысле?

ВЕНДИ. Ой, Боб такой затейник!

ДОРИС. А когда станем свободными — пойдем в кровать, и, может, у меня наконец что-то получится.

ГЕПАТИТИЙ (*выглядывая из-за кулисы*). Иногда помогает немножко травки перед этим делом.

[198] Д и а б е т и й. А ты тут при чем? Ты же драматург!

Г е п а т и т и й. У драматургов тоже есть свои слабости. (*Скрывается.*)

Д о р и с. Ну, иди.

Д и а б е т и й. Иду.

Х о р. Так отправляется в путь Фидипид, Важные вести несет для царя он Эдипа.

Д и а б е т и й. Царя Эдипа?

Х о р. Да.

Д и а б е т и й. Я слышал, он сейчас живет с мамой.

Дует ветер, сверкают молнии. Раб пускается в тяжкий путь.

Х о р. По глубоким горам, по высоким долам...

Д и а б е т и й. Высоким горам, глубоким долам. Откуда этот хор набрали?

Х о р. Фурии властны над всем.

Д и а б е т и й. Фурии небось сейчас обедают с Парками в Чайнатауне. Наверно, сидят себе у Хонга в "Холодной лапше".

Г е п а т и т и й (*из-за кулисы*). У Сэма Во вкусней.

Д и а б е т и й. У Сэма Во всегда очередь.

Х о р. Нужно спросить Ли, он проведет. Не за спасибо, конечно.

Гепатитий скрывается.

[199] Д и а б е т и й (*вдохновенно*). Еще вчера я был жалким рабом, вещью среди вещей моего хозяина. А ныне несу послание царю, подумать только, самому царю! Целый мир открывается передо мной. Скоро я буду свободен. Я впервые понял, что человеческие возможности — безграничны. И теперь мне так хочется бросить всю эту заею!.. Ладно, что говорить...

Х о р. Дни превращались в недели, недели в месяцы, но Фидипид не повернул назад.

Д и а б е т и й. А нельзя уже выключить ветродуй к чертовой матери, нет?

Х о р. Жалкий смертный — Фидипид.

Д и а б е т и й. Я устал, я ослаб, я болен. Я больше не могу. У меня дрожат руки.

Хор начинает мычать медленный дикси.

Повсюду смерть, война, нищета и голод. Брат идет на брата. Юг мой, Юг, ты славен традициями, а Север — производством. Президент Линкольн посылает союзные войска уничтожать плантации. О, старый мой гомстед¹!.. Хлопок по реке плывет.

¹ Гомстед — земельный участок в 160 акров, до 1862 г. предоставленный любой американской семье и переходивший в ее собственность после пяти лет использования.

[200] Входит Гепатитий и молча смотрит на него.

И бедняжечке мисс Еве¹, ах, не перейти по льду!.. А генералы Борегар² и Ли³... То есть... (*Встречает остановившийся взгляд Гепатития.*) Я... я отвлекся.

Гепатитий хватает его за шиворот и тащит в сторону.

Гепатитий. Поди-ка сюда! Ты что ж это творишь?

Диабетий. Ну где дворец? Я тащусь уже бог знает сколько! Это называется пьеса? Где, черт побери, этот проклятый дворец?

Гепатитий. Всё, ты уже во дворце, только не смей мне гробить пьесу. Стража! На выход, пошел.

Входит могучий Страж.

Страж. Кто ты?

Диабетий. Фидипид.

1 Мисс Ева — героиня романа Г.Бичер-Стоу "Хижина дяди Тома".

2 Пьер-Густав Тутан де Борегар (1818—1893) — бригадный генерал во время Гражданской войны.

3 Роберт Эдуард Ли (1807—1870) — генерал, герой Гражданской войны.

Страж. Что привело тебя во дворец? [201]
Диабетий. Во дворец? А я во дворце?

Страж. Да. Перед тобой — царский дворец, одна из прекраснейших построек в Греции. Мрамор, величественная архитектура, умеренная квартплата.

Диабетий. У меня тут послание для царя.

Страж. А, да. Он ждет.

Диабетий. У меня пересохло в горле, и я уже забыл, когда ел.

Страж. Я позову царя.

Диабетий. А может, по бутерброду? С ростбифом?

Страж. Я пошел за царем и за бутербродом с ростбифом. Как приготовить?

Диабетий. С кровью.

Страж (*достаёт блокнотик, записывает*). Один раз с кровью. Гарнир?

Диабетий. А что есть?

Страж. Так, посмотрим... сегодня... горошек или печеный картофель.

Диабетий. Один раз картофель.

Страж. Мороженое?

Диабетий. Пожалуй. И глаженные шнурочки, если есть, — и царя.

Страж. Хорошо. (*Уходит ворча.*) И чашку кофе с собой в пакетик.

Через сцену, фотографируя, идут Парки.

- [202] Б о б. Ну, каков дворец?
 Д и а б е т и й. Да, великолепно.
 Б о б (*протягивая жене фотоаппарат*). Шелк-
 ни-ка нас вместе.
 Д и а б е т и й. А я думал, вы уже в Нью-Йорке.
 В е н д и (*разводя руками*). Парки. На все их
 воля.
 Б о б. Положиться невозможно. Ну да ниче-
 го, не бери в голову.
 Д и а б е т и й (*наклоняется понюхать цветок в
 петлице у Боба*). Какой милый цветочек.
- Из цветка ему в лоб ударяет струя воды. Парки
 хохочут.
- Б о б. Прости. Не сдержался. (*Протягивает
 руку*)
- Диабетий пожимает ее и получает удар током.
- Д и а б е т и й. А-ааааа!
- Парки уходят смеясь.
- В е н д и. Такой затейник, такой затейник!
 Д и а б е т и й. Ты ведь знал, что он меня под-
 ставит.
 Х о р. Он — мудак.
 Д и а б е т и й. Нельзя было предупредить?

- Х о р. Наше дело сторона.
- [203] Д и а б е т и й. Сторона? А знаете, вот так не-
 давно зарезали одну женщину прямо воз-
 ле метро, не помню станции, где-то на
 кольцевой, — шестнадцать человек виде-
 ли, и никто не вмешался.
- Х о р. На радиальной. Писали в “Дейли ньюс”.
- Д и а б е т и й. А если бы хоть у одного хвати-
 ло мужества, глядишь, она сегодня была бы
 с нами.
- Ж е н щ и н а (*входит; в груди торчит нож*). Я
 с вами.
- Д и а б е т и й. Да, чего-то я сморозил.
- Ж е н щ и н а. Женщина всю жизнь спокой-
 но работала на этом бульваре, на углу.
 Стою, как обычно, читаю “Пост”, вдруг
 шесть бандитов — наркота, подонки — ки-
 даются на меня и валят с ног.
- Х о р. Какие шесть — трое!
- Ж е н щ и н а. Три, шесть... у них был нож, и
 они хотели денег.
- Д и а б е т и й. Надо было дать.
- Ж е н щ и н а. Я дала. И все равно зарезали.
- Х о р. Таков Нью-Йорк. Последнее отдашь —
 и все равно зарежут.
- Д и а б е т и й. Нью-Йорк? Да всюду одно и то
 же. Мы тут как-то гуляли с Сократом. Ок-
 раина Афин, новый район. Вдруг выскаки-

[204] вают два спартанца откуда-то из-за Акрополя и требуют кошельки.
 ЖЕНЩИНА. И что?
 ДИАБЕТИЙ. Сократ им элементарно доказал, что зло есть просто незнание истины.
 ЖЕНЩИНА. И?
 ДИАБЕТИЙ. Сломали ему нос.
 ЖЕНЩИНА. Ну, будем надеяться, ты принес царю добрые вести.
 ДИАБЕТИЙ. Надеюсь, храни его Бог.
 ЖЕНЩИНА. Храни тебя Бог.
 ДИАБЕТИЙ. Спасибо, ну да, а... в каком смысле храни меня?
 ХОР (*многообещающе*). Ха-ха-ха!

Освещение становится тревожным.

ДИАБЕТИЙ. Свет меняется. К чему бы это?
 Что будет, если вести плохие?
 ЖЕНЩИНА. Во времена античности гонец, приносивший царю добрую весть, получал вознаграждение.
 ХОР. Бесплатный пропуск на Брайтон-Бич.
 ЖЕНЩИНА. Но если весть была недоброй...
 ДИАБЕТИЙ. Не рассказывайте, не надо.
 ЖЕНЩИНА. ...то царь мог казнить вестника.
 ДИАБЕТИЙ. А мы во времена античности?
 ЖЕНЩИНА (*указывая на его одежды*). Догадайся по костюму.

ДИАБЕТИЙ. Ага... Так... Так. Гепатитий! [205]
 ЖЕНЩИНА. В некоторых случаях вестнику отрубали голову. Если, конечно, царь решал его помиловать.
 ДИАБЕТИЙ. Если помиловать — то отрубали?
 ХОР. Но если вести были совсем плохие...
 ЖЕНЩИНА. ...то вестника зажаривали.
 ХОР. На медленном огне.
 ДИАБЕТИЙ. Меня так давно не жарили на медленном огне — я уже не помню, нравится мне это или нет.
 ХОР. Помяни мое слово, тебе не понравится.
 ДИАБЕТИЙ. А где Дорис Левайн? Ну дайте я только доберусь до этой иудейской рабыни из Грейт-Нека!
 ЖЕНЩИНА. Она тебе не поможет, она далеко.
 ДИАБЕТИЙ. Дорис! Где ты, черт побери?
 ДОРИС (*из зала*). Чего тебе?
 ДИАБЕТИЙ. Ты что там делаешь?
 ДОРИС. Меня утомила вся эта история.
 ДИАБЕТИЙ. Что значит "тебя утомила"? Давай-ка сюда! Я тут вяпался по самые уши по твоей милости.
 ДОРИС (*поднимаясь на сцену*). Прости, Фидипид, ну откуда мне было знать античные нравы? Я же кончала философский.
 ДИАБЕТИЙ. Если вести плохие, мне конец.

[206] Дорис. Да, я слышала.
 Диабетий. И это ты называешь свободой?
 Дорис. Ну, что-то теряешь, что-то находишь.
 Диабетий. “Что-то теряешь”? Этому тебя учили в колледже?
 Дорис. Слушай, ты достал!
 Диабетий. Если вести плохие, мне крышка. Стоп. Вести! Послание, оно же пока у меня. (*Ищет по карманам конверт, достает послание, читает.*) “Премия в категории “Лучшая роль второго плана” присуждается (*фамилия актера, исполняющего роль Гепатития*)”!
 Гепатитий (*появляясь из-за кулисы*). Позвольте мне принять эту премию “Тони” и поблагодарить жюри...
 Диабетий. Уйди отсюда, я не то прочитал. (*Достает то.*)
 Женщина. Скорее, царь идет.
 Диабетий. Посмотрите, он не забыл мне бутерброд?
 Дорис. Скорее, Фидипид!
 Диабетий (*читает*). Тут всего одно слово.
 Дорис. Да?
 Диабетий. Откуда ты знаешь?
 Дорис. Что знаю?
 Диабетий. Что тут написано. Тут написано “да”.
 Хор. Хорошо это или плохо?

[207] Диабетий. Да? Да — это позитивное высказывание? Или нет? Не так ли? (*Размышляет.*) Да!
 Дорис. А если он спрашивал, нет ли трихинеллеза у царицы?
 Диабетий. Интересное соображение.
 Хор. Его величество Царь!
 Фанфары. Торжественный выход Царя.
 Диабетий. Ваше величество, у царицы нет трихинеллеза?
 Царь. Кто тут заказывал ростбиф?
 Диабетий. Я, государь. Это что, горошек?
 Я ведь просил с печеным картофелем.
 Царь. Кончился картофель.
 Диабетий. Тогда унесите. Пойду перекушу напротив.
 Хор. Послание.
 Диабетий хору: “Ш-ш-ш!”
 Он принес послание.
 Царь. Презренный раб, есть ли вести для меня?
 Диабетий. Презренный царь... э-ээ... Да.
 Если на то пошло — да.
 Царь. Это хорошо. Ну?
 Диабетий. Только скажите, какой был вопрос.

[208] ЦАРЬ. Сначала послание.
 ДИАБЕТИЙ. Нет, вы первый.
 ЦАРЬ. Нет, ты.
 ДИАБЕТИЙ. Нет, вы.
 ЦАРЬ. Нет, ты.
 ХОР. Заставь его.
 ЦАРЬ. Его?
 ХОР. Ну?
 ЦАРЬ. А как?
 ХОР. Шмок¹, ты же царь.
 ЦАРЬ. Ну конечно я царь. Так каков же ответ, вестник?

Страж обнажает меч.

ДИАБЕТИЙ. Ответ такой: дд... н-нн... (*пытается угадать прежде, чем договорит.*) Не-а.
 Ага... Может быть. Возможно.
 ХОР. Врет.
 ЦАРЬ. Послание, раб.

Страж подносит меч к горлу Диабетия.

ДИАБЕТИЙ. Тут всего одно слово, государь.
 ЦАРЬ. Одно?
 ДИАБЕТИЙ. Странно, да? За те же деньги можно послать до четырнадцати слов.

1 Грубое жаргонное слово. Перешло в английский язык из идиша.

ЦАРЬ. Всего одно. И слово это — ответ на вопрос вопросов. И вопрос этот — существует ли Бог? [209]
 ДИАБЕТИЙ. Это такой у вас вопрос?
 ЦАРЬ. Это единственный вопрос на свете.
 ДИАБЕТИЙ (*с облегчением смотрит на Дорис*). В таком случае я счастлив сообщить вам ответ. Здесь написано “да”.
 ЦАРЬ. Да?
 ДИАБЕТИЙ. Да.
 ХОР. Да.
 Дорис. Да.
 ДИАБЕТИЙ. Ваша очередь.
 ЖЕНЩИНА (*шепелявит*). Конечно!

Диабетий бросает на нее встревоженный взгляд.

Дорис. Ах, как хорошо!
 ДИАБЕТИЙ. Я знаю, о чем вы думаете. Небольшое вознаграждение преданному вестнику... Но наша свобода — этого более чем достаточно; с одной стороны. Поэтому, если вам так хочется выразить свою признательность, я думаю, несколько бриллиантов были бы вполне уместны.
 ЦАРЬ (*скорбно*). Если Бог существует, значит, не все дозволено и мне придется отвечать за свои грехи.

- [210] ДИАБЕТИЙ. Простите?
 ЦАРЬ. За мои грехи, мои преступления. Совершенно жуткие преступления. Я обречен. Весть, которую ты принес, сулит мне вечные муки.
 ДИАБЕТИЙ. Разве я сказал “да”? Я имел в виду “нет”.
 СТРАЖ (*выхватывает у него конверт и читает послание*). Здесь написано “да”, государь.
 ЦАРЬ. Это самая ужасная весть на свете.
 ДИАБЕТИЙ (*падая на колени*). Государь, я не виноват. Я всего лишь жалкий вестник, я сам не посылаю вести, я их только разношу... Ну, это как трихинеллез ее величества, понимаете?
 ЦАРЬ. Ты будешь разорван на куски дикими кобылицами.
 ДИАБЕТИЙ. Я знал, что вы поймете.
 ДОРИС. Но он всего лишь вестник! Вы не можете бросить его диким кобылицам. Обычно вы поджариваете вестников на медленном огне.
 ЦАРЬ. Много чести для этого дерьма!
 ДИАБЕТИЙ. А скажите, когда в прогнозе погоды обещают дождь, вы разве казните синоптиков?
 ЦАРЬ. Естественно.
 ДИАБЕТИЙ. Ага. Ну что ж. Я имею дело с шизофреником.

ЦАРЬ. Схватить его.

[211]

Страж хватает Диабетия.

- ДИАБЕТИЙ. Подождите, государь. Несколько слов в свою защиту.
 ЦАРЬ. Ну?
 ДИАБЕТИЙ. Дело в том, что это всего лишь спектакль.
 ЦАРЬ. Это я уже слышал. Всегдашняя отговорка. (*Стражу*.) Дай-ка меч, хочу сам получить удовольствие.
 ДОРИС. Нет, нет! О господи, зачем я впуталась в эту историю!
 ХОР. Не горюй, ты еще молода — найдешь другого.
 ДОРИС. Это верно.
 ЦАРЬ (*заносит меч*). Умри же!
 ДИАБЕТИЙ. О Зевс, отец бессмертных богов, приди, приди со своими громами и молниями и спаси меня!

Все смотрят вверх; ничего не происходит; неловкая пауза.

О Зевс! О Зевс!

ЦАРЬ. А теперь — умри!

ДИАБЕТИЙ. О Зевс! Черт, ну где Зевс?

[212] ГЕПАТИТИЙ (*выбегают из-за кулисы, смотрит вверх*). Ради бога, пошла машина! Спускайте его!

ТРИХИНОЗИЙ (*появляясь в противоположной кулисе*). Заело!

ДИАБЕТИЙ (*снова подает реплику*). О великий Зевс!

ХОР. Всех смертных ждет один конец.

ЖЕНЩИНА. А я не собираюсь тут стоять и ждать, пока его уроют, как меня на углу!

ЦАРЬ. Схватить ее!

Страж хватает ее и закалывает.

ЖЕНЩИНА. Второй раз за неделю! Ну и сукин же ты сын!

ДИАБЕТИЙ. О Зевс всемогущий! Помогите мне, прошу!

Сверкает молния. Сверху, неуклюже крутясь, опускается Зевс, и становится ясно, что лонжа захлестнула шею и удавила его. Все замирают, потрясенные.

ТРИХИНОЗИЙ. Сцепление полетело.

ХОР. И в конце концов появляется Зевс!

Но он не подает признаков жизни.

ДИАБЕТИЙ. Зевс! Зе-евс!.. Зевс? Зевсик, все в порядке? Врача! Есть врач? [213]

Из зала. Я врач!

ТРИХИНОЗИЙ. Накрылась машина.

ГЕПАТИТИЙ. Что? Пошел вон! Ты погубил мою пьесу.

ДИАБЕТИЙ. Зевс умер.

ВРАЧ. Хорошо бы его накрыть.

ГЕПАТИТИЙ. Импровизируй.

ДИАБЕТИЙ. Что?

ГЕПАТИТИЙ. Импровизируй финал.

ТРИХИНОЗИЙ. Кто-то потянул не за тот трос.

ДОРИС. Наверное, у него перелом позвоночника.

ЦАРЬ (*пытается продолжить спектакль*). Э... Ну что ж, вестник... Вот видишь, что ты натворил.

Заносит меч, но Диабетий выхватывает его из рук царя.

ДИАБЕТИЙ. Это я возьму.

ЦАРЬ. Ты что, рехнулся?

ДИАБЕТИЙ. Ну как, казнил меня? Дорис, пошли отсюда.

ЦАРЬ. Фидипид, подожди, ты что?

СТРАЖ. Гепатитий, он ломает финал.

ХОР. Что ты творишь, Фидипид? Царь должен казнить тебя.

[214] Д и а б е т и й. Кто это сказал? Где это написано? Ничего подобного. Я решил сам казнить царя. (*Пытается казнить царя, но оказывается – меч бутафорский.*)

Ц а р ь. Отстань... Ты, двинутый!.. Хватит... Щекотно же!

В р а ч (*щупает пульс у Зевса*). Увы... Надо бы убрать его отсюда.

Х о р. Наше дело сторона. (*Идут за кулисы, подхватив Зевса.*)

Д и а б е т и й. Раб решил стать героем! (*Бросается на стража; хорошо, что меч бутафорский.*)

С т р а ж. Ну что, правда рехнулся?

Д о р и с. Я люблю тебя, Фидипид.

Он целует ее.

Пожалуйста... я сейчас не настроена.

Г е п а т и т и й. Моя пьеса, моя пьеса! (*Вслед хору.*) Вы куда?

Ц а р ь. Лично я пошел звонить моему агенту, Солу Мишкину. Он всегда что-нибудь придумает.

Г е п а т и т и й. Я написал очень глубокую пьесу. Я вложил в нее серьезный посыл. Если мы не сыграем до конца, он не дойдет до зрителей.

Ж е н щ и н а. Театр создан для развлечения.

Знаешь старую поговорку? Хочешь послать – сходи на почту.

П о ч т а л ь о н (*въезжает на велосипеде*). Телеграмма зрителям. Авторский посыл.

Д и а б е т и й. Кто это такой?

П о ч т а л ь о н (*спешивается, поет*). “Хэппи бёрсдэй ту ю...” и так далее.

Г е п а т и т и й. Но это не мой посыл!

П о ч т а л ь о н (*читает телеграмму*). Прошу прощения. Вот ваш. “Скорбим потерей Зевса Тчк Полагайтесь на себя Тчк” Подписано: “Бильярдная компания “Гурвиц и сыновья”.

Д и а б е т и й. А что? Чего не бывает! Я вот теперь даже стал героем.

Д о р и с. А я теперь знаю, что когда-нибудь обязательно испытаю оргазм. Я верю в это!

П о ч т а л ь о н (*читает дальше*). “Дорис Левайн обязательно испытает оргазм Тчк Если очень захочет Тчк” (*Обнимает Дорис.*)

Д о р и с. Тчк, тчк!

В глубине сцены появляется здоровенный детина.

С т е н л и. Стелла! Стелла!

Г е п а т и т и й. Всё, реальности больше не существует. Абсолютно никакой!

[215]

[216] По сцене, преследуя Бланш, пробегает Гручо Маркс. Из-за кулисы выходит врач, быстро закуривает.

Дорис. Доктор?..

Врач. Дали камфару. *(Делает две затяжки и стремительно уходит.)*

В зале поднимается мужчина.

Мужчина. Ну, если теперь все возможно, я поехал к себе в Форест-Хиллз! Довольно! Хватит батрачить на Уолл-стрит! Пропадите вы пропадом со своим Доу-Джонсом! *(Бросается на соседку, срыгивает с нее кофточку, гонится за ней по проходу. По желянию может бросаться на билетершу.)*

Гепатитий. Моя пьеса...

Все покидают сцену, кроме главных героев, актера и автора.

Моя пьеса...

Диабетий. Пьеса хорошая. Единственно что — не хватило финала.

Гепатитий. Но что все это значило?

Диабетий. Ничего. Совсем ничего.

Гепатитий. В каком смысле?

Диабетий. Никакого смысла. Многоотчие.

Гепатитий. В финале.

Диабетий. Ну да. О чем мы говорим? Мы же говорим о финале.

Гепатитий. Мы каждый раз говорим о финале.

Диабетий. Потому что он не оставляет надежды.

Гепатитий. Ну... я допускаю, что он не вполне убедителен.

Диабетий. Неубедителен? Он неправдоподобен! А штука в том, что пьесу надо сочинять с конца. Делаешь сильный финал и потом идешь к началу.

Гепатитий. Пробовал. Получилась пьеса без начала.

Диабетий. Ну, это уже абсурд.

Гепатитий. Абсурд? Что значит абсурд?

Затемнение.

[217]

✓ Приговоренный

[219]

Бриссо спал на спине. Угрюмая громада живота, застывшая на губах улыбка — в лунном свете казалось, это не человек, а что-то неживое, неодушевленное, бессмысленное — вроде футбольного мяча или двух билетов в оперу. А через мгновение, когда Бриссо повернулся и тени легли иначе, он стал точь-точь похож на сервиз столового серебра из двадцати семи предметов, включая супницу и салатник.

“Он спит и видит сны, — думал Клоке, глядя на спящего и сжимая в руке пистолет. — Он видит сны, а я существую в действительности.”

Клоке ненавидел действительность, но сознавал, что больше негде рассчитывать на хорошую отбивную.

Никогда прежде ему не приходилось убивать человека. Был случай — он пристрелил бешеного пса, но сначала получил заключение от консилиума психиатров, что животное безумно. (Пес попытался откусить Клоке нос и стал безостановочно смеяться. Диагностировали маниакально-депрессивный психоз.)

Спящему снилось, что солнечным утром он бежит по пляжу навстречу мамочке, она плачет и протягивает руки, радость переполняет Бриссо, но когда он пытается обнять седую женщину, она превращается в двойную порцию ванильного мороженого.

Бриссо застонал, и Клоке опустил пистолет. Два часа назад он проник сюда через окно и с тех пор стоял над спящим, не в силах нажать на спусковой крючок. Один раз он уже было взвёл курок и вставил дуло в правое ухо Бриссо. Но тут послышались шаги, и Клоке отпрянул в тень между бюро и комодом.

Вошла мадам Бриссо в цветастом халате. Она зажгла ночник и заметила пистолет, торчащий из уха супруга. Вздохнув совсем поматерински, мадам Бриссо осторожно вынула пистолет и положила под подушку. Потом поправила сбившееся одеяло, потушила ночник и ушла.

[220] Клоке очнулся через час. Пока к нему возвращалось сознание, он вдруг вообразил себя ребенком на песках Ривьеры. Однако прошло еще четверть часа, Клоке не встретил ни единого пляжника и понял, что по-прежнему прячется за комодом у Бриссо. Он вернулся к кровати, вытащил из-под подушки пистолет, направил в голову спящему, но так и не смог выстрелить и навек оборвать бесславную жизнь фашистского осведомителя.

Гастон Бриссо вырос в состоятельной буржуазной семье и с детских лет решил стать стукачом. В юности он брал уроки у логопеда, чтобы донесения звучали более четко. Однажды он сам признался Клоке: “Ах, боже мой, если бы ты знал, до чего я люблю закладывать людей!”

— Но почему? — спросил тогда Клоке.

— Сам не понимаю. Сдавать их фрицам, клепать доносы...

Бриссо предавал товарищей просто ради удовольствия. Какая дьявольская, какая непростительная низость! Клоке вдруг вспомнил одного знакомого алжирца: тот любил хлопнуть человека по макушке, а потом говорил “это не я” и улыбался. Неужели все люди делятся на хороших и плохих? Хорошим лучше спится, подумал Клоке, зато пло-

хие с большим удовольствием просыпаются по утрам.

Они с Бриссо познакомились давным-давно при весьма драматических обстоятельствах. Как-то раз, напившись в “Дё маго”¹, Бриссо забрел на набережную Сены. Здесь он решил, что уже дома, разделся и бухнулся в кровать, то есть упал в реку. Попытавшись натянуть одеяло на голову, он только зачерпнул ледяной воды и заплакал. Клоке, который как раз в эту минуту гнался за своим шиньоном по мосту Понт-Нёф, услышал, что внизу кто-то плачет и зовет на помощь. Ночь была темной и ветреной, времени на размышления не оставалось. Рисковать или не рисковать жизнью ради незнакомца? Клоке не хотел принимать судьбоносного решения на пустой желудок, он поспешил в ресторан и хорошенько поужинал. Потом, мучимый угрызениями совести, бросился в рыболовный магазин, купил кое-какие снасти и помчался к реке, надеясь выудить Бриссо. Сначала попробовал на мотыля, но Бриссо был, конечно, не столь наивен. Тогда Клоке сообразил подманить его к берегу, обещая бес-

1 “Два бонзы” (“Deux Magots”) — знаменитое парижское кафе, у входа в которое стоят две деревянные фигуры китайских мудрецов.⁴ Здесь любили бывать Хемингуэй, Малларме, Сартр, Пикассо.

[222] платные уроки танца, а потом сетью вытащил из воды. Пока он обмерял и взвешивал улов, они подружились.

Клоке приблизился к спящей туше еще на шаг и снова поднял пистолет. Ему так ясно представилось, что случится дальше, что он почувствовал тошноту. Это была некая экзистенциальная тошнота, вызванная острым ощущением абсолютной неспостижимости жизни. Обычный алка-зельцер был тут бесполезен. Такую тошноту берет только экзистенциале в таблетках, который можно раздобыть в любой аптеке на Левом берегу. Эта штука размером с автомобильную крышку, будучи растворенной в воде, быстро снимает тошноту, вызванную чересчур глубоким пониманием вещей. Клоке обнаружил, что она к тому же хорошо помогает после мексиканской кухни.

Если я решаюсь убить Бриссо, рассуждал Клоке, то я становлюсь убийцей. Один выстрел, и я превращаюсь в Клоке-убийцу и навсегда перестаю быть нынешним Клоке — преподавателем психологии домашней птицы в Сорбонне. Я принимаю решение — и в моем лице совершает выбор все человечество. Интересно, а если каждый человек на свете лично пришел бы сюда и выстрелил предателю в ухо? То-то был бы кошмар. Тол-

котня, грохот, дверной звонок трезвонит ночь напролет, припарковаться негде... [223] О господи — как убог человеческий ум, когда обращается к морально-этическим проблемам! Лучше уж не задумываться. Больше полагаться на тело. Оно надежнее. Оно ходит на вечеринки, хорошо смотрится в спортивной куртке и совершенно незаменимо при массаже.

Внезапно Клоке захотел удостовериться в собственном существовании и посмотрел в зеркало над комодом. (Он никогда не мог спокойно пройти мимо своего отражения, и однажды так долго гляделся в плавательный бассейн, что дирекция была вынуждена спустить воду.) Не помогло. Он не мог выстрелить в человека. Он выронил пистолет и поспешил прочь.

Оказавшись на улице, Клоке решил зайти в “Ля куполь”¹ пропустить стаканчик бренди. Он любил “Ля куполь”: светло,людно и всегда найдется свободный столик. Не то что дома. Дома было сумрачно, тоскливо, и мама, с которой они жили вместе, не давала ему присесть. Однако в ту ночь все места в кафе оказались заняты. Кто эти мужчины и жен-

1 “Ля куполь” — знаменитое парижское кафе. Здесь пили и работали Ф. Скотт Фицджеральд, Э. Паунд, С. Беккет, Генри Миллер, Матисс и все, кто бывал в “Дё маго”.

[224] щины? — думал Клоке, вглядываясь в сидевших за столиками. Казалось, они хотят слиться в абстрактное “Люди”. Но ведь на самом деле людей не существует, подумал он, есть только человек. Клоке отметил, что это превосходное соображение наверняка будет иметь успех на каком-нибудь званом обеде. За соображения вроде этого его с 1931 года никогда не приглашали в общество.

Тогда он решил навестить Жюльетту.

— Ты убил его? — спросила Жюльетта, открыв дверь.

— Да, — ответил Клоке.

— Насмерть?

— Судя по всему. Знаешь мою пародию на Шевалье¹? Обычно все падают со стула. Я перед уходом показал — он даже не улыбнулся.

— Прекрасно. Значит, он больше никогда не предаст партию.

Ну да, ведь Жюльетта — коммунистка, подумал Клоке. Причем самого интересного толка: марксистка со стройными загорелыми ногами. Немного он встречал на свете женщин, способных совмещать в уме совершенно несовместимые идеи, а именно: что такое гегелевская диалектика и почему, если пощекотать языком ухо докладчика, у него

1 Морис Шевалье (1888–1972) — легендарный французский шансонье и киноактер.

становится голос, как у Джерри Льюиса¹. На Жюльетте была узкая юбка и облегающий свитерок, и Клоке захотел обладать ею — владеть этой женщиной, как владел разными другими вещами — транзистором там или маской поросенка, в которой он ходил во время оккупации, чтобы досадить фашистам.

Внезапно они занялись любовью. Или это был просто секс? Клоке соглашался, что между любовью и сексом есть разница, но считал, что и то и другое может быть восхитительно, если, конечно, один из партнеров не забудет снять нагрудничек, в котором едят омаров. Женщина, размышлял он, это нечто нежное и окутывающее. Да и все бытие — нечто нежное и окутывающее. Иногда оно окутывает с головой. Тогда уже нет никакой возможности выбраться наружу, разве только по очень важному поводу — на мамин день рождения или по повестке в суд. Клоке не раз думал о том, что бытие и жизнь — совершенно разные явления, и не сомневался, что ему досталось наименее забавное из двух.

После любовных игр он, как всегда, прекрасно заснул, а наутро, к полному своему изумлению, был арестован по обвинению в убийстве Гастона Бриссо.

1 Джерри Льюис (р. 1926) — американский кинокомик, режиссер.

[225]

[226] В полицейском участке Клоке клялся в своей невиновности, но ему сообщили, что в квартире Бриссо и на брошенном пистолете найдены многочисленные отпечатки его пальцев. И конечно, зря он, когда влез в окно, оставил запись в книге гостей. Все ясно. Спорить бессмысленно. Ему крышка. Следствие завершилось, едва начавшись. Начался суд — не суд, а сущий цирк, хотя и возникли трудности при доставке слонов в зал заседаний. Клоке признали виновным и приговорили к гильотине. Адвокат подал прошение о помиловании. Прошение отклонили из-за несоблюдения формальностей: стало известно, что адвокат подавал его, наклеив фальшивые усы.

Прошло полтора месяца. Вечером накануне казни Клоке сидел в одиночной камере и снова пытался осознать случившееся. Но — безуспешно. Особенно эти слоны в зале суда... Завтра в это время он уже будет мертв. Клоке всегда думал, что смерть — это то, что бывает с другими. “Я заметил, это часто случается с толстяками”, — сказал он своему адвокату. В приложении к нему самому смерть представлялась Клоке абстракцией. Люди смертны, рассуждал он, но смертен ли Клоке? Он никак не мог найти ответа. Однако несколько схематических рисунков,

сделанных тюремщиком на штукатурке, все прояснили. Спасаться нельзя. Скоро его больше не будет.

Меня не будет, с тоской думал он, а мадам Плотник, чье лицо напоминает что-то из меню рыбного ресторана, останется. Его охватила паника. Ему захотелось убежать и спрятаться, а лучше превратиться во что-нибудь твердое и долговечное — в массивный стул, например. У стула какие проблемы? — думал он. Стоит себе и стоит. Никто его не беспокоит. Ему не надо платить за квартиру и думать об инфляции. Стул никогда не стукнется большим пальцем об угол и не засунет невесть куда свои беруши. Он не обязан улыбаться и ходить в парикмахерскую, его можно взять на вечеринку, не опасаясь, что он раскашляется или устроит сцену. Стул существует просто для того, чтобы на нем сидели люди. Потом они умирают — и на стул садятся другие люди. Эти размышления успокоили Клоке, и, когда утром пришли брить ему шею, он прикинулся стулом. Его спросили, чего бы ему хотелось на свой последний завтрак, он ответил: “Зачем вы спрашиваете у мебели, что она хочет есть? Не лучше ли заново обить меня?” Все устали на него, он обмяк и пробормотал: немного салата, больше ничего.

[227]

[228] Клоке всю жизнь был атеистом, но, когда пришел священник отец Бернар, спросил у него, не самое ли теперь время обратиться. Отец Бернар покачал головой: “Боюсь, в это время года все мировые религии переполнены. Даже не знаю, что вам предложить. Попробую созвониться и подыскать что-нибудь в индуизме. Правда, понадобится фотография три на четыре”.

Не стоит, подумал Клоке. Судьбу надо встречать в одиночку. Бога нет. Жизнь лишена смысла. Все проходит. Даже творения великого Шекспира исчезнут в миг, когда взорвется Вселенная. О “Тите Андронике”, допустим, сильно жалеть не стоит — но как же все остальные пьесы? Ничего удивительного, что люди кончают с собой! Почему в самом деле не прекратить этот абсурд? Чего ради ломать голову над бессмысленной шарадой, именуемой жизнью? Что заставляет нас мучиться? Да ничего, кроме тихого голоса, который говорит где-то внутри: живи. Всякий раз мы слышим, как кто-то незримый велит: надо жить. Клоке узнал этот голос. Это был голос его страхового агента. Ясное дело, Фишбейну не улыбается выплачивать страховку, подумал Клоке.

О, как бы ему хотелось сейчас оказаться на свободе! Просочиться сквозь стены тюрь-

мы и скакать по цветущему лугу! (Клоке всегда скакал, когда бывал счастлив. Собственно, это и спасло его от фронта.) Мысль о свободе одновременно окрылила и ужаснула Клоке. “Будь я свободен, я сумел бы раскрыться полностью. Может, стал бы чревоушателем, я ведь всегда об этом мечтал. А не то пошел бы в Лувр в одних плавках и маскарадных очках с большим носом”.

Он представил себе, как много еще мог бы совершить, почувствовал дурноту и почти уже упал в обморок, когда дверь камеры открылась и охранник сообщил, что только что явился с повинной настоящий убийца Гастона Бриссо.

— Вы свободны, можете идти.

Клоке опустился на колени и поцеловал каменный пол. Потом он запел Марсельезу. Потом заплакал. Затем пустился в пляс.

Через три дня его задержали в Лувре в плавках и маскарадных очках с большим носом и снова посадили в тюрьму.

[229]

Волшебные истории и небывалые существа (животные и люди в мифах и преданиях)

Несколько статей из энциклопедии самых удивительных творений человеческой фантазии. Четырехтомник составлен мной и выйдет в издательстве “Амнезингер и сыновья” сразу по окончании забастовки норвежских оленеводов.

Мудод

Птица величиной с дециметр, обладает даром речи. О себе говорит в третьем лице, например: “Что за пташка, что за прелесь!”

В персидской мифологии прилетевший к окну мудод считался предвестником богатства либо крупного проигрыша в лотерею.

Рассказывают, что однажды Заратустра получил мудода в подарок на день рождения (хотя рассчитывал на какие-то серые слаксы). Мудод также встречается в позднеавиловских мифах, но здесь он уже не так наивен и на все отвечает “да ладно, кончай, а?”.

Возможно, кто-то из читателей слышал малоизвестную оперу Бергштайна “Волшебный шницель” о романтической любви глухонемой девушки и мудода. В финале они целуются и летают по комнате, пока не закроется занавес.

Рукокрылый очкорыл

Ящерка с четырьмя сотнями глаз — двести для дали и двести для чтения. По преданию, человек, заглянувший в глаза очкорылу, тут же лишается водительских прав на всей территории Нью-Джерси.

Во множестве легенд рассказывается о кладбище очкорылов. Даже самим ящерам неизвестно, где оно находится, и дохлый очкорыл будет лежать на месте, пока его не унесут.

В Скандинавии бытует предание о том, как Локи отправился на поиски легендарного кладбища, но встретил по пути неких дев

[232] Рейна, которые шли купаться. В результате он не нашел кладбища, но потом долго лечил трихинеллез.

Императору Ху Ли снился сон. Перед ним был дворец много больше его собственного дворца, и притом всего за полцены. Ступивши в дивные чертоги, император обнаружил, что его пожилое тело сделалось молодым. Но ум остался прежним. Император отворил дверь и обнаружил за ней другую дверь, а за той еще одну. Пройдя через сто дверей, он оказался на заднем дворе и спечалился.

Но тут к нему на плечо слетел соловей и запел песню, прекраснее которой никогда не слышал властитель, а потом клюнул в нос.

Пристыженный император Ху Ли взглянул в зеркало, но вместо своего отражения увидел некоего Менделя Гольдבלата, сотрудника водопроводной компании Вассермана, который попытался выяснить, не император ли вчера ушел в его пальто.

И тогда император Ху Ли постиг тайну жизни. Он понял раз и навсегда: не надо свистеть.

Император проснулся в холодном поту и никак не мог решить, ему ли приснился сон, или он сам снится своему страховому агенту.

Сладкогладый амарал

[233]

Чудовище с туловищем краба и головой независимого аудитора.

Считается, что амаралы обладают прекрасным голосом. Их пение сводит моряков с ума, особенно если поют что-нибудь из Кола Портера.

Убить амарала плохая примета. В поэме сэра Герберта Фига рассказывается, как матрос убил амарала и в то же мгновение налетел шторм. Пытаясь спасти корабль, команда бросилась на капитана и выкинула за борт его вставную челюсть.

Королевский фуфлон

Легендарное животное с головой льва и туловищем льва (но другого). Известно, что фуфлон проводит тысячелетия в спячке. Просыпается он внезапно, вспыхнув синим пламенем, — особенно если курил перед сном.

Однажды Одиссей разбудил фуфлона, проспавшего шесть тысяч лет. Чудовище оказалось вялым и ворчливым и умоляло дать поспать еще лет двести.

[234] Встретить фуфлона — дурной знак, предвещающий голод или тетины именины.

Как-то раз поспорил индийский мудрец с факиром, что тот нипочем не сумеет его одурачить. Тогда факир трижды постучал спорщика по лбу, и мудрец превратился в голубя. Голубь выпорхнул в окно и полетел на Мадагаскар (багаж отправили следом). Жена мудреца, видевшая это, спросила факира, умеет ли он превращать вещи в золото и если умеет, то не согласится ли превратить ее брата в три доллара наличными, чтоб уж день не пропал окончательно.

Факир ответил женщине, что научиться подобному трюку может только тот, кто прежде объедет весь свет, и посоветовал хорошее турагентство, где надо сослаться на него и дадут десятипроцентную скидку.

Женщина подумала-подумала и отправилась с паломничеством в Мекку, но забыла выключить плиту. Вернувшись через семнадцать лет после бесед с Верховным далай-ламой, она сразу же села на пособие.

(Это один из цикла индуистских мифов, объясняющих происхождение конопли. — Составитель.)

Фернейская выдра

[235]

Крупная белая мышь с текстом “Желтой подводной лодки” на брюхе.

Единственный среди грызунов, используемый для игры на литаврах. На фернейскую выдру очень похожа карликовая сосуля — белочка, которая умеет свистеть и знакома с мэром Детройта.

Астрономы утверждают, что в одной из соседних галактик существует обитаемая планета под названием Флокс. Она находится так далеко от Земли, что, даже путешествуя со скоростью света, понадобится шесть миллионов лет, чтобы туда попасть. Правда, сейчас проектируют новую скоростную магистраль, которая позволит сэкономить два часа.

Обычная температура на Флоксе — минус тринадцать тысяч по Цельсию, поэтому купаться запрещено и все курорты закрыты либо сданы под кабаре и казино.

В силу удаленности планеты от центра Солнечной системы гравитация там близка к нулю, и, чтобы найти, где сесть пообедать, надо хорошенько побегать.

Кроме того, на Флоксе нет кислорода, и, следовательно, невозможна жизнь в привыч-

[296] ных нам формах, да и коренным обитателям планеты приходится без продыха вкалывать на двух работах, чтобы свести концы с концами.

Впрочем, по преданию, когда-то обстановка на Флоксе была не так ужасна, по крайней мере, не хуже, чем в Питтсбурге. В те времена здесь существовала разумная жизнь. Обитатели планеты напоминали человека с крупной головкой чеснока вместо носа и были, как мы бы сказали, философами. Их философия была строго рациональна. Они полагали, что если жизнь существует, значит, кто-то ее создал, и долгое время искали высокого брюнета с наколками, одетого в форму ВМФ.

Но не нашли, забросили философию и занялись торговлей по каталогам. А потом очень выросли почтовые тарифы, и все погибли.

Памяти Нудельмана

Прошел уже месяц, а я все не могу поверить, что Сола Нудельмана больше нет. Я был на похоронах и на поминках, принес пастилы по просьбе его сына... Но боль утраты мешала осознать масштабы потери.

Нудельман все время размышлял о своих будущих похоронах и однажды признался: “Знаешь, по мне, конечно, лучше кремация, чем погребение, не говорю уж, чем выходные с миссис Нудельман”. Так он и решил: велел себя кремировать, а прах завещал Гейдельбергскому университету, который развеял его по ветру и получил обратно залог за урну.

Как живой стоит он у меня перед глазами. Мягкий костюм, серый свитер. Вечно погруженный в размышления, Нудельман

[238] частенько надевал пиджак вместе с вешалкой. Как-то раз на церемонии в Принстоне я заговорил с ним об этом. Нудельман улыбнулся: “Что ж, пусть те, кому не по душе мои мысли, считают, что у меня, по крайней мере, широкие плечи”. Два дня спустя он встречался со Стравинским и посреди беседы внезапно совершил кувырок через голову. Его ненадолго госпитализировали.

Вообще, понять Нудельмана было нелегко. Его замкнутость часто принимали за равнодушие. Между тем мало кто был так способен к состраданию. Однажды он увидел по телевизору репортаж о чудовищной катастрофе на угольной шахте и не смог закончить вторую порцию мороженого. Кого-то отталкивала молчаливость Нудельмана, а он просто считал речь слишком несовершенным средством общения и предпочитал вести даже самые задушевные разговоры при помощи сигнальных флажков.

Когда из-за разногласий с руководством Нудельмана уволили из Колумбийского университета, он взял выбивалку для ковров, дождался ректора (им был тогда Дуайт Эйзенхауэр) и выбивал до тех пор, пока прославленный генерал не спрятался в магазине игрушек. (Причиной их жестокой публичной

ссоры был звонок: один утверждал, что звонок означает конец пары, а другой — что начало.)

Нудельман мечтал о легкой смерти. “Среди своих книг и рукописей, — говорил он. — Как Йохан”. (Брат Нудельмана задохнулся под крышкой секретера, пытаясь отыскать словарь рифм.)

Кто мог предположить, что однажды в обеденный перерыв Нудельман остановится посмотреть, как сносят дом, и получит по голове чугунным шаром бульдозера? Удар вызвал сильный шок, и с широкой улыбкой на устах Нудельман скончался. Его последние слова навсегда останутся загадкой. Он прошептал: “Нет, благодарю, у меня уже есть один пингвин”.

В последние месяцы Нудельман работал, как обычно, сразу над несколькими вещами. Во-первых, разрабатывал новую этику. В ее основе лежала идея о том, что “добро и справедливость являются безусловными добродетелями, которые можно творить и по телефону”. Во-вторых, довел до середины большой труд по семантике, в котором доказывает, что структура предложения имманентна, а воя — благоприобретена (он всегда настаивал на этом). И наконец, еще одна книга о

[239]

[240] холокосте. На этот раз с раскрасками. Нудельман неотступно размышлял о природе зла и убедительно доказывал, что источником подлинного зла могут быть только люди по имени Блэки или Пит. Заигрывания самого Нудельмана с национал-социализмом вызвали скандал в академических кругах, несмотря на то что ни специальная гимнастика, ни уроки танца так и не помогли ему освоить гусиный шаг.

Увлечение нацизмом было для Нудельмана всего лишь реакцией на классическую философию — что он и сам не раз пытался объяснить друзьям, а потом неожиданно хватал за нос и восклицал с чуть наигранным восторгом: “Опля, вот и попался!” Прежде чем критиковать его отношение к Гитлеру, следовало бы принять в расчет собственную философию Нудельмана. Он и прежде отвергал новейшую онтологию и утверждал, что человек существовал до мироздания, пускай и с небогатыми возможностями. Он различал бытие и Бытие и считал, что одно из них предпочтительнее, но никогда не мог вспомнить которое. Он полагал, что свобода человека заключается в понимании абсурдности жизни. “Бог молчит, — любил повторять Нудельман. — Как бы еще человека заставить заткнуться”.

Подлинное Бытие, утверждал Нудельман, достижимо только по выходным, даже если для этого понадобится взять машину напрокат. Человек, по его мнению, находится не вне, но внутри природы, и единственная возможность постичь свое бытие извне — это притвориться, что тебе все равно, а потом неожиданно перебежать в другой конец комнаты, попытавшись хоть краешком глаза увидеть самого себя.

Применительно к жизни Нудельман использовал выражение *Angst Zeit*, что можно не вполне точно перевести как “время тревог”. Человек, полагал он, есть существо, приговоренное жить “во времени”, — где, впрочем, ничего не происходит. После долгих размышлений с присущей ему интеллектуальной честностью философ был вынужден признать, что его не существует, не существует также его друзей, и единственное, что существует в действительности, — это банковский долг Нудельмана в шесть миллионов марок. Так стоит ли удивляться, что национал-социализм с его культом силы очаровал мыслителя, или, по собственному определению, “я заметил, что мне к лицу коричневые рубашки”? Впрочем, когда стало ясно, чем грозит национал-социализм самому Нудельману, он покинул Берлин. Замаскировав-

[241]

[242] шись под куст боярышника, передвигаясь короткими перебежками, он сумел незаметным пересечь границу.

По всей Европе, где бы ни оказался Нудельман, студенты и интеллектуалы почитали за честь помочь прославленному мыслителю. Чувствуя за спиной жаркое дыхание погони, он все же успел выпустить в свет “Время, смысл и действительность: новый взгляд на проблему небытия” с прелестным приложением “Где перекусить, находясь в бегах”. Прочитав этот труд, Хаим Вейцман¹ и Мартин Бубер² организовали сбор подписей за разрешение Нудельману эмигрировать в США. К сожалению, в нью-йоркском отеле, который он выбрал, не оказалось свободных мест. Однако гестаповцы могли с минуты на минуту нагрянуть в его пражское убежище, и Нудельман все-таки решился лететь. При регистрации багажа обнаружился перевес. Альберт Эйнштейн, улетавший тем же рейсом, убедил Нудельмана, что если вынуть из ботинок распорки, то можно будет

1 Хаим Вейцман (1874–1952) – первый президент Израиля с 1948 г., один из лидеров сионистского движения, целью которого было возвращение евреев на землю Израиля и воссоздание еврейского государства.

2 Мартин (Мардохай) Бубер (1878–1965) – еврейский религиозный философ и писатель, крупнейший деятель сионистского движения.

все остальное взять с собой. С тех пор они регулярно переписывались. Однажды Эйнштейн написал Нудельману: “В сущности, мы с вами занимаемся одним и тем же, хотя я до сих пор и не очень понимаю, что вы делаете”.

Поселившись в Америке, Нудельман почти постоянно находился в центре общественных дискуссий. Именно в эти годы он опубликовал знаменитое “Небытие: что делать, если это случилось с вами” и классический труд по лингвистической философии “Семантические модели функционирования пустоты”, по которому снят фильм “Улетавшие ночью” (он сделал тогда огромные сборы).

За симпатии к коммунистам Нудельмана, вполне в духе времени, вынудили покинуть Гарвард. Он чувствовал, что подлинная свобода возможна только при отсутствии экономического неравенства, и приводил в пример муравейник. Он мог часами смотреть на муравьев и задумчиво бормотал: “Вот кто на верном пути. Будь их самки посимпатичнее – у них бы все получилось”. Любопытно, что, когда Нудельмана вызвали в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, он назвал немало имен. Другим и коллегам он объяснил свое поведение так: “Я не

[243]

[244] раз утверждал, что политические акции не имеют моральных последствий, так как осуществляются вне подлинной реальности”. После чего научное сообщество утратило дар речи. Лишь через две недели Принстонский университет опомнился, и на Нудельмана обрушились ушаты грязи. Между прочим, позднее в беседе с двумя студентками Нудельман выдвинул тот же самый аргумент в пользу теории свободной любви. Однако студентки не купились, а младшая, которой было шестнадцать, засвистела в свисток.

Нудельман неутомимо боролся за прекращение ядерных испытаний и однажды лично прилетел в Лос-Аламос, чтобы вместе с группой студентов пикетировать предполагаемое место взрыва. Минута приближалась, и, когда стало ясно, что испытание не отменят, Нудельман, по свидетельствам очевидцев, пробормотал “ой-ой-ой” и бросился бежать. О чем газеты умолчали: в тот день он ничего не ел.

Все помнят Нудельмана в обществе, на публике. Блистательный, неизменно приветливый джентльмен, автор знаменитых “Стилей моды”. Но был и другой Нудельман, которого я до конца моих дней буду вспоминать с особой теплотой, — старина Сол в непрменной шляпе. Он был страстным любителем

шляп. Его ведь и кремировали со шляпой на голове. Первый случай в истории, полагаю. А как он любил Диснея! Несмотря на великолепное разъяснение природы мультипликации, которое дал Макс Планк, Нудельман никогда не оставлял надежды познакомиться с женой Микки-Мауса.

Я знал, что он предпочитает особый сорт тунца. Всякий раз, когда Нудельман гостил у меня, я до отказа набивал холодильник его любимыми консервами. Сол был очень застенчив и никогда прямо не признавался в любви к тунцу, но однажды я был свидетелем, как он, уверенный, что его никто не видит, открыл все баночки и задумчиво произнес: “Все вы мои дети”.

Как-то раз, будучи в Милане, мы с Нудельманом и моей дочерью отправились в оперу. Нудельман неосторожно высунулся из ложи и упал в оркестровую яму. Он был слишком горд, чтобы признаться, что оплошал, и потом месяц каждый вечер ходил в оперу и падал из ложи в оркестр. Когда появились признаки сотрясения мозга, я высказал осторожное предположение, что, пожалуй, можно бы остановиться, ведь он уже все доказал. Нудельман ответил: “Ну, еще хотя бы разок. Мне ведь, в сущности, нравится”.

[245]

[246] Вспоминаю его семидесятилетие. Жена подарила юбиляру пижаму. Было понятно, что он огорчен: он рассчитывал на новый “мерседес”. Однако — и в этом ясно виден весь человек — Нудельман лишь ненадолго ушел в кабинет, чтобы взять себя в руки. Он вернулся к гостям с улыбкой на лице и в новой пижаме. Так он и пошел на премьеру двух новых пьесок Аррабалья¹.

Шлюха духа

Первое дело для частного сыщика: научись доверять интуиции. Ведь екнуло у меня, когда этот кусок вчерашнего холодца ввалился в кабинет, — как я не обратил внимания? Звали его Уорд Бабкок.

— Это вы Кайзер? — он спросил. — Кайзер Любошиц?

— Судя по лицензии, так точно, — согласился я.

— Только на вас надежда. Меня шантажируют. Прошу вас, Кайзер, помогите.

При этом его трясло, как мулата с маракасами, когда играют самбу. Я пододвинул стакан и бутылку водки — всегда держу в аптечке.

— Давайте-ка успокоимся и начнем с самого начала.

¹ Фернандо Аррабаль (р.1932) — французский писатель и драматург испанского происхождения.

[248] — Но вы... вы не расскажете моей жене?
 — Поймите меня правильно, Уорд: я не могу давать никаких обещаний.

Он попытался было налить, но только задребезжал горлышком о стакан, так что было слышно на улице, и пролил почти все себе на ботинки.

— Я сам работяга, — сказал он. — Маленькая мастерская — сборка, установка, техобслуживание пистонов. Знаете? Забавная штука, безобидный розыгрыш. Незаметно кидаешь кому-нибудь под ноги, и — бабах, взрыв.

— Понятно.

— Чиновники их часто покупают. Особенно на Уолл-стрит.

— Давайте к делу:

— Да, в общем, в этом все дело и есть. Работаете, работаете, ну и, сами понимаете, — одиночество. Нет-нет, не подумайте... Видите ли, Кайзер, я по натуре своей интеллектуал. Конечно, неглупых цыпунков кругом полным-полно, но ведь по-настоящему толковую женщину с одного взгляда не распознаешь.

— Так.

— Ну и вот, как-то мне сказали, что есть одна малышка. Восемнадцать лет, студентка из Вассара. Можно с ней договориться, заплатить, и она готова побеседовать на любую тему: хочешь Пруст, хочешь Йейтс, антро-

пология — что угодно. Небольшой обмен мыслями. Ну, вы поняли.

— Не совсем.

— Не знаю, как вам объяснить. У меня чудесная жена. Чудесная. Но она и слышать не хочет о Паунде. Или об Элиоте. Я же совсем не знал ее с этой стороны до свадьбы. Понимаете, Кайзер, мне нужна женщина, которая возбуждает меня духовно. И я готов за это платить. Никаких церемоний: перекинулись, обменялись — и она сразу уходит. Господи, Кайзер, поверьте, у меня чудесная семья.

— Сколько это продолжалось?

— Полгода. Как только чувствовал, что подступило, я звонил Флосси. Это, так сказать, мадам. Сама доктор искусствоведения. И она присылала собеседницу. Понимаете?

Понимаю. Падок на умных баб. Бедный дурачок. Мне даже стало его жалко. Я подумал, что, наверное, на свете немало таких тронутых, которые пойдут на все ради коротенькой беседы с интеллигентной женщиной.

— Теперь она угрожает, что расскажет моей жене, — закончил он.

— Кто угрожает?

— Флосси. В мотеле были “жучки”. Есть запись, как я говорю о “Бесплодной земле”¹,

1 “Бесплодная земля” — поэма Т.С.Элиота.

[250] о “Стилях радикальной воли”¹!... Признаюсь вам, я там правда наговорил. Они требуют десять штук или позвонят Карле. Кайзер, умоляю. Карла умрет, если узнает, что не удовлетворяла меня духовно.

Интеллигентши-вымогательницы. Старый трюк. Помнится, был слушок, что ребята из управления вышли на группировку интеллектуалок, но кто-то им помешал.

— Дайте-ка мне побеседовать с вашей Флосси.

— Что?

— Я берусь за это дело, Уорд. Правда, имейте в виду, у меня ставка пятьдесят долларов в день плюс накладные расходы. Вам придется поставить кучу пистонов.

— Я уверен, что десять кусков того стоят, — сказал он с довольной миной, потом подвинул к себе телефон и набрал номер. Я забрал трубку и подмигнул. Он начинал мне нравиться.

Через мгновение на том конце ответил нежнейший голосок, и, слово за слово, я рассказал все свои заветные мечты. “Говорят, ты могла бы устроить мне часок хорошей беседы”, — закончил я.

— Конечно, киса. Чего бы тебе хотелось?

1 “Стили радикальной воли” — сборник эссе С.Зоннтага о радикальной политике.

— Я бы потолковал о Мелвилле.
— “Моби Дик” или что-нибудь покороче?
— Есть разница?
— Цена. Только цена. За символизм надбавка.

— И во что это встанет?

— Пятьдесят. За “Моби Дика”, думаю, сотня. А как ты относишься к сравнительному анализу? Мелвилл и Готорн, а? Как раз за сотенку сговоримся.

— Годится. — Я дал ей номер комнаты в “Плазе”.

— Хочешь блондинку или брюнетку, киса?

— Хочу удивиться, — ответил я и повесил трубку.

...Я побрился, выпил крепкого кофе, листая школьную хрестоматию по литературе, и поехал в гостиницу. Не прошло и часа, как в номер постучали. На пороге стояла рыжая девица, упакованная в узкие брючки, как две большие порции ванильного мороженого.

— Привет. Меня зовут Шерри.

Черт побери, они знают, как взять за живое. Длинные гладкие волосы, кожаная сумочка, серебряные сережки, никакой косметики.

— Как это тебя в таком виде пустили в гостиницу? — якобы удивился я. — У вышибал на интеллигенток глаз наметан.

[252] — За пятерочку у них развивается близорукость.

— Ну так что, поехали? — Я кивнул на диван.

Она закурила и, не теряя времени, устроилась на подушках.

— Я думаю, можно для начала взять Билли Бада и поговорить о том, что Мелвилл пытался оправдать Бога перед человеком. N'est-ce pas?¹

— Забавно. Но не в мильтоновском смысле, да?

Я блефовал. Хотелось посмотреть, купится она или нет.

— О да. В “Потерянном рае” нет такого пессимистического подтекста.

Купилась.

— Вот-вот. Ах ты господи, — правильно, так! — пробормотал я.

— Я думаю, Мелвилл сложил гимн невинности — в самом простом, но притом самом глубоком смысле слова. Согласен?

Я не останавливал ее. В свои неполные девятнадцать она уже усвоила манеры и приемчики псевдоинтеллектуалки. Излагала многословно, бойко, без запиночки, но во всем ощущалась наигранность. Стоило мне копнуть поглубже — и рыженькая изобража-

1 Не так ли? (франц.)

ла наслаждение: “О да, да, Кайзер, да, малыш, хорошо! Платонический взгляд на христианство, конечно! — ты просто вырвал у меня изо рта”.

Мы разговаривали час, наверное, потом Шерри сказала, что ей пора идти, и встала с дивана. Я протянул сотню.

— Спасибо, малыш, — сказала она.

— У меня таких еще много.

— В каком смысле?

Заинтриговал. Она снова села.

— Что, если бы я затеял... вечеринку?

— Отличная идея. Какую вечеринку?

— Ну, скажем, пригласил двух девушек, чтобы они растолковали мне Наума Чомского¹.

— Огого!..

— Считай, я ничего не говорил.

— Попробуй позвонить Флосси. Но такая вечеринка тебе влетит.

Пришло время сорвать маску. Я выхватил из внутреннего кармана удостоверение и объявил, что она задержана с поличным.

— Что-что?!

— Я легавый, детка. А платное обсуждение творчества Мелвилла — это восемьсот вторая. Там хорошие сроки.

— Ах, скотина!

1 Наум (Ноам) Чомски (р.1928) — американский лингвист, философ, общественный деятель.

[253]

[254]

— Давай не поднимать пыли. Если, конечно, ты не горишь желанием съездить в контору к Альфреду Кейзину¹ и пересказать все это там. Боюсь, он будет не в восторге.

Она заплакала.

— Не сдавай меня, Кайзер. Мне нужны были деньги, чтобы закончить диплом. Я подавала на грант, но мне отказали. Дважды. Понимаешь? О господи!

Слово за слово, она рассказала мне все. Всю свою жизнь. Детство в районе Центрального парка, соответствующее воспитание, потом летние лагеря от социалистов, Бостонский университет. Обычная история. Сначала они пишут карандашиком “да-да-да!” на полях Канта, потом стоят в очереди на авторское кино... Вот только по пути к кассе эта глупышка сделала неверный шаг.

— Мне были нужны деньги. Одна подруга сказала, что знает человека, у которого очень недалекая жена, а сам он подвинут на Блейке. Подружка не хотела, а я решила, что за деньги смогу потолковать с ним о “Песнях невинности”. Ну, в первый раз ужасно волновалась, конечно. Ничего не чувствовала, только делала вид. Да ему было все равно. Потом подружка предложила познакомить

1 Альфред Кейзин (1915–1998) — влиятельный литературный критик.

[255]

меня с другими. А знаешь, меня ведь уже ловили. Один раз, когда я читала “О насилии”¹, в машине застучали. А потом в Танглвуде² остановили и обыскали. Еще разок — и будет три привода.

— Не хочешь? Тогда своди-ка меня к Флосси.

Она закусила губу, потом сказала:

— Книжная лавка в Хантер-колледже — это ширма.

— Ширма?

— Ну, знаешь, как букмекеры устраивают конторы в парикмахерских. Там увидишь.

Я звякнул в управление, а потом сказал ей:

— Ну ладно, зайка. Свободна. Но не вздумай уехать из города.

Она подняла голову и поглядела на меня с благодарностью:

— Хочешь, достану тебе фотографии с вечера Дуайта Макдональда³?

— В другой раз.

И я покати́л в книжную лавку. Продавец, такой молоденький очкарик с понимающим взглядом, подошел сам:

— Могу я вам помочь?

1 “О насилии” — книга Х.Арендт (1969).

2 Знаменитый фестиваль джазовой музыки в г.Танглвуде.

3 Дуайт Макдональд (1906–1982) — американский писатель, журналист, автор критических эссе о “массовой культуре”.

[256] — Вот ищу одно редкое издание “Рекламы самого себя”¹. Как я понимаю, автор напечатал несколько тысяч экземпляров с золотым обрезом, специально для друзей.

— Попробую разведать, — ответил он. — У нас есть селекторная связь с домом Мейлера.

Я выразительно посмотрел на него и сказал:

— Я от Шерри.

— Ах вот как. В таком случае — прошу.

Он нажал потайную кнопку, стеллаж отъехал в сторону, и невинным агнцем я ступил в чертог немислимых наслаждений, известный под названием “У Флосси”. Красный штоф, мебель в викторианском стиле, все как полагается. На кушетках лежали бледные, коротко стриженные, нервически девушки в очках с черными оправками и соблазнительно перелистывали книжки из серии “Классика” издательства “Пингвин”. Одна блондиночка подмигнула мне и, кивнув на лестницу, сказала с роскошной улыбкой: “Может, Уоллес Стивенс², а”?

1 “Реклама самого себя” — сборник эссе (1959) Н. Мейлера, в котором автор презрительно отзывается о большинстве современных писателей.

2 Уоллес Стивенс (1879–1955) — американский поэт, эссеист, лауреат Пулицеровской и других премий.

Как выяснилось, тут знают толк не только в интеллектуальных утехах. Они приторговывали и усадями для души. Мне объяснили, что за пятьдесят баксов можно “перекинуться словечком, не касаясь серьезных тем”. За сто девочка даст послушать свою коллекцию Бартока, поужинает с тобой и разрешит недолго понаблюдать, как ею овладевает депрессия. За сто пятьдесят можно послушать симфонию с близняшками. За триста вообще черт знает что: худенькая брюнетка, еврейка, делает вид, что знакомится с тобой в Музее современного искусства, дает прочитать свою дипломную работу, устраивает грандиозный скандал по поводу фрейдовского понимания женственности прямо посреди ресторана “У Элейн”, а потом на твоих глазах кончает с собой (способ — по выбору клиента). Это у них называется “досуг”. Хороший способ выманить денюжки, а? Все-таки Нью-Йорк великий город.

— Нравится? — спросил кто-то. Я обернулся и увидел прямо перед собой рабочий конец 38-го калибра. У меня нормально с нервами, но тут, как говорится, жила дрогнула. Флосси, догадался я. Я узнал ее по голосу. Впрочем, это был он. Флосси оказался мужчиной. Лицо его скрывала маска.

[257]

[258] — Вы не поверите, а я ведь даже ничего не кончил. Меня вышвырнули из школы за плохие отметки.

— И поэтому вы теперь ходите в маске?

— Но я не отчаялся, нет. Я разработал гениальный план, как попасть в “Нью-Йоркское книжное обозрение”. Для этого меня должны были принять за Лайонела Триллинга¹. Я полетел в Мехико делать пластическую операцию. Там есть один хирург, он помогает пациентам стать похожими на Триллинга. Это, конечно, недешево. Но что-то у него не получилось. После операции я стал вылитый Оден² с голосом Мэри Маккарти³. И что бы вы сделали на моем месте? Вот именно. Пришлось переступить грань закона.

Но он не успел нажать на спуск: я опередил. Бросок вперед, локтем в челюсть, Флоск повалился на пол, я вырвал у него пушку, он грохнулся, как груда кирпичей. Когда появилась полиция, он все еще хныкал.

— Отличная работа, Кайзер, — сказал сержант Холмс. — Когда мы закончим с этим типом, его хочет повидать ФБР. Несколько

1 Лайонел Триллинг (1905–1975) — знаменитый критик и писатель.

2 Уи́стан Оден (1907–1973) — великий английский поэт, с начала Второй мировой войны жил в США.

3 Мэри Маккарти (1912–1989) — американский литературовед, критик, писательница.

вопросов о неких букинистах и аннотированном издании дантова “Ада”. Уведите.

[259]

Вечером я навестил свою старинную подружку. Ее зовут Глория. Блондинка. Между прочим, окончила с отличием. Только она кончала физкультурный.

Нам было хорошо.

✓ Записки старого вора

Предлагаем вниманию читателей фрагменты из воспоминаний Вирджила Айвса, которые вскоре будут опубликованы полностью. В настоящее время автор отбывает первый из четырех сроков по девятисто девять лет каждый, на которые он осужден за различные тяжкие преступления. После освобождения г-н Айвс собирается посвятить себя педагогике.

Конечно, я воровал. А как же? Там, где я вырос, чтобы выжить, приходится воровать. Хочешь поесть — воруй. Потом воруй на чаевые. Большинство тырило на пятнадцать процентов. Я — на двадцать, потому меня официанты и любили. Возвращаешься ночью с дела — свистнешь пижаму и спишь в ней. Если жарко — воровал трусики и маеч-

ку. Так все жили. Скажете, меня плохо воспитали? Не знаю. Папаша вечно был в бегах, я до двадцати двух лет ни разу и не видал его без грима. Всю жизнь думал, он хромой бородатый коротышка в темных очках, а оказался высоким блондином, немного похож на Линдберга¹. Он был профессиональным грабителем банков, но в шестьдесят пять тогда отправляли на пенсию, пришлось завязать. На старости лет развлекался почтовыми лотереями, но потом марки резко подорожали, и он разорился дотла.

Мать, само собой, тоже была в розыске. Ну, конечно, в те времена не то что сейчас — женщинам приходилось бороться за свои права и так далее. Тогда если девушка шла в криминал, она могла только стать шантажисткой либо, в крайнем случае, поджигательницей. В Чикаго женщин брали перегонять краденые тачки, но это только в двадцать шестом, когда шоферы бастовали. Страшная была забастовка. Два месяца. Если у кого выгорало дело, приходилось тащить бабки пешком или брать такси.

У меня было двое братьев и сестренка, Дженни. Она вышла замуж — не по любви, по

¹ Чарльз Линдберг (1902–1974) — американский летчик, совершивший первый одиночный перелет через Атлантику (Нью-Йорк — Париж) в 1927 году.

[262] расчету. За тугую мошну. Вик, мой старший брат, спутался с шайкой плагиаторов. Когда федералы окружили дом, он как раз ставил свой автограф на экземпляре “Бесплодной земли”. Взяли с поличным, схлопотал десять лет. С ним был один пижончик, тот подписал “Cantos” Паунда. Но у него папаша оказался важной шишкой, так его выпустили на поруки с испытательным сроком. Вот вам и закон. А Чарли — он меня младше, — тот был наперсточником, потом ростовщиком, скупал краденое. Долго искал себя. В конце концов сел за тунеядство. Бил баклуши семь лет, пока не понял, что денег с них не выколо-тишь. Тут его как раз и взяли. А баклуши пустили с молотка.

Первое, что я в своей жизни украл, была буханка хлеба. Я тогда работал у Рифкина в пекарне, выковыривал повидло из черствых булок и перекладывал в свежие. Хитрое дело, тут сноровка нужна. Дали мне скальпель и резиновую трубку. Чуть рука дрогнет — повидло на пол, а папаша Рифкин таскает тебя за волосы. И вот как-то зашел Арнольд Ротштейн — он для нас всех тогда был богом. И говорит, что, мол, каравайчика бы отведать не прочь, но платить не собирается. Намекнул, что смысленный паренек может через это попасть в настоящее дело. Я все понял и стал

каждый день прихватывать с работы по лом-тю хлеба, так что недели через три собралась буханка. Взял ее и потопал в контору к Ротштейну. И вдруг чего-то меня стало грызть. Рифкина-то я ненавидел, но вспомнил, как его жена, когда узнала, что мой дядька при смерти, разрешила отнести домой два кунжутных семечка с кренделя. Ну и не пошел я к Ротштейну, хотел было вернуть хлеб на место, но меня застучали, когда я пытался понять, от какой буханки какой был ломоть. Пикнуть не успел, как оказался в исправилковке.

Там трудно пришлось. Пять раз убегал. Однажды, помню, думал смыться в прачечном фургоне. Охранник что-то учуял, ткнул в меня палкой и спрашивает, какого черта я делаю в корзине с бельем. Я гляжу ему прямо в глаза, честно так, и говорю: “А я портки, дяденька”. Ну, судя по всему, он не очень-то поверил. Принялся ходить туда-сюда и все смотрел на меня. Ясное дело, у меня душа ушла в пятки. “Портки я, — говорю. — От спецовки. Синенькие”. Не успел договорить, как меня скрутили, наручники, колодки и снова бросили в крытую.

Там я научился всему. Как обчищать карманы, как бомбить сейфы, как резать стекло — все азы ремесла. Например, я узнал (а это даже не всякий профессионал знает), что

[263]

[264] при перестрелке фараоны имеют право сделать два первых выстрела. А потом уже можно палить в ответ. Или, допустим, если легавый говорит “дом окружен, выходите с поднятыми руками”, то не надо орать как резаный. Надо ответить: “Вы знаете, мне бы не хотелось”, либо “Давайте не сейчас, может, попозже”. Вот так это должно делаться, хотя теперь... ладно, что об этом толковать?

Черт побери, в скором времени я стал таким вором, как дай вам бог. Вот все говорят — Рафлс, Рафлс. Но у Рафлса была своя манера, а у меня своя. Как-то я обедал с его сынишкой. Славный мальчуган. Пошли посидеть к старине Линди. Парнишка спер перчатку. Я стянул приборы и салфетки. Тогда он стырил бутылку кетчупа. Я увел его кепарик. Он свистнул мой зонт и булавку для галстука. Уходя, мы похитили официанта. Солидный улов. Сам-то папаша Рафлс был медвежатником. Я этих дел не люблю, с детства боюсь медведей. Напялит на себя старую медвежью шкуру — и вперед. Пока его не загрызли двое легавых из Скотленд-Ярда. А хотя бы о Галантном Грабиле вы слышали? Этот залезал в квартиру, выносил все подчистую, и если дома была хозяйка — обязательно целовал ей ручку на прощанье. Обидно, на какой чепухе он попался. Связал двух ста-

рушек, стал скакать перед ними и петь “А ну-ка, ну-ка, поцелуй меня, малышка”, споткнулся о пуфик и сломал себе шейку бедра. [265]

Об этих гигантах писали все газеты, зато я умел так украсть каперсы, что сыщики только разводили руками. Или, допустим, мог залезть в дом, рвануть сейф, взять шесть кусков — а хозяева мирно спали в той же комнате. Правда, когда шарахнуло, муж проснулся, но я пообещал ему, что вся выручка пойдет приюту для мальчиков, и он снова уснул. Помню еще, я там оставил отпечатки Франклина Рузвельта, он как раз был президентом. Неглупо, а? А другой раз на большом дипломатическом коктейле увел бриллиантовое кольцо, пока пожимал руку хозяйке. Понадобился мощный пылесос, я взял старый “Гувер”, так он засосал и сережки заодно. А потом, когда вытряхивал мешок, там еще оказалась вставная челюсть немецкого посла.

Но лучшее мое дело, конечно, Британский музей. В отделе редких камушков сигнализация идет по полу, и если только чуть-чуть наступишь — начнется трезвон. Но я же не мальчик, я спустился через стеклянную крышу на веревке и пола вообще не касался. Все шло как по маслу, я уже парил над витриной со знаменитыми китриджскими бриллиантами,

[266] уже достал стеклорез — и тут через дырку в крыше влетела ласточка и села на пол. Все заревело, примчались восемь броневиков. Мне дали десять лет. Ласточке двадцать — считай, пожизненно. Но через полгода ее выпустили с испытательным сроком. А через год снова засадили в Форт-Ворс: не удержалась пташка, заклевала ребе Мориса Кацнельсона до потери сознания.

Что бы я посоветовал простым домовладельцам, которые хотят уберечься от непрошенных гостей? Ну, во-первых, уходя, не надо тушить свет. Оставьте хотя бы лампочку ватт в шестьдесят, иначе домушник в потемках разворотит вам весь дом. Во-вторых, неплохо завести собаку, хотя это не панацея. Если я шел грабить дом, где была собака, то первым делом бросал ей “Педигри”, смешанный со снотворным, и все дела. Бывало, веронал не сработает — ну, тогда пропускал через мясорубку в равных частях мясо и какой-нибудь роман Драйзера.

Допустим, вы собрались за город и некому последить за домом. Вырежьте из картона силуэт и установите в окне. Неважно, свой или чей угодно. Один парень из Бронкса вырезал силуэт Монтгомери Клифта¹ и уле-

¹ Монтгомери Клифт — знаменитый голливудский киноактер.

тел на выходные в Лас-Вегас. И надо же было случиться — сам Монтгомери Клифт шел по Бронксу и увидел себя в окне. Он заволновался, попробовал завязать разговор, но до вечера так и не дождался ответа, а потом вернулся в Калифорнию и рассказывал знакомым, какие в Нью-Йорке снобы.

Если вы все-таки застали в собственном доме незнакомца, не паникуйте. Помните: он испуган не меньше вашего. Что делать? Хороший способ — ограбить его самого. Постарайтесь перехватить инициативу и стащите у вора его часы и бумажник. Может, тогда он ляжет в вашу кровать и вы сумеете улизнуть. Один раз я сам попался на этот трюк и потом прожил шесть лет с чужой женой и тремя детьми. Хорошо, что к нам наконец залез другой вор, — я ограбил его, и он оказался на моем месте. Шесть лет, которые я прожил с той семьей, были очень счастливыми, и я часто с теплотой вспоминаю это время — хотя немало добрых слов могу сказать также о работе с контрабандистами.

[267]

✓
Спутник меломана*(пять малоизвестных балетов)**Дмитрий*

Ярмарка в разгаре. Праздничные угощения, увеселенья, карусели. На площади под аккомпанемент флейт и деревянных духовых веселится и танцует пестрая толпа. Между тем минорная партия тромбонов предвещает, что угощения скоро закончатся и все погибнут. Среди танцующих бродит прелестная девушка. Это Наташа. Она грустна: ее отца послали воевать в Хартум, но там нет никакой войны. По пятам за девушкой следует Леонид, юный студент; он застенчив и не решается заговорить с Наташей, но каждую ночь кладет на ее порог пучок свежей петрушки. Наташа заинтригована, ей хочется познакомиться с таинственным поклонни-

ком — в частности, потому что она терпеть не может петрушку и предпочла бы немного рокфора.

[269]

Устроившись на чертовом колесе, Леонид сочиняет любовное письмо, но выпадает из кабинки — прямо к ногам возлюбленной. Молодые люди наконец знакомятся. Наташа помогает юноше подняться, они танцуют па-де-де, после чего Леонид шевелит ушами, пытается произвести впечатление; потом его приходится проводить в уборную. Леонид сокрушенно извиняется и приглашает Наташу пойти в палатку номер шесть, где сейчас начнется кукольный спектакль. Это предложение окончательно убеждает девушку, что она имеет дело с идиотом.

Однако кукольный спектакль очарователен, и большая забавная кукла по имени Дмитрий влюбляется в Наташу. Дмитрий всего лишь кусок полена, но Наташа чувствует, что у него есть душа, и, когда он предлагает снять напололам номер в гостинице под именем мистер и миссис Барби, девушка с радостью соглашается. Влюбленные танцуют па-де-де, несмотря на то что Наташа только что уже танцевала па-де-де и взмокла как мышь. Девушка признается Дмитрию в любви и клянется, что никогда его не покинет, даже если кукловода, который дергает Дмит-

[270] рия за ниточки, придется уложить на раскладушке в гостинной.

Оскорбленный Леонид в припадке ревности стреляет в Дмитрия. Однако тот остается невредим и, появившись на крыше Международного торгового банка, торжествующе пьет из горлышка марочный полироль. Общее замешательство и долгожданный финал-апофеоз после того, как Наташа получает сотрясение мозга.

Жертвоприношение

В напевной увертюре рассказывается о связи человека с землей и о том, почему эта связь приводит его в могилу. Занавес. Сцена изображает доисторическую пустошь, каких и сейчас полно в Нью-Джерси. Мужчины и женщины сидят отдельными группами, потом поднимаются и танцуют, но не понимают зачем и снова садятся. Затем встает красавец юноша, олицетворяющий юность; он танцует гимн огню и внезапно сам загорается. Огонь тушат, юноша убирается за кулисы. На сцене темнеет, и человек бросает вызов Природе: энергичный танцевальный поединок, в ходе которого партнер кусает Природу за ляжку, и потом полгода температура

воздуха не поднимается выше тринадцати градусов.

[271]

Вторая картина. Весна до сих пор не пришла, хотя на улице август, и непонятно, когда же переводить стрелки на час вперед. Старейшины племени собираются на совет и решают умиловить Природу, принеся в жертву юную девушку. Выборы девственницы. Ей дают на сборы три часа и приказывают явиться за город, где якобы затеян пикник. Прибыв в указанное место, девушка спрашивает, когда же будут шашлыки, но напрасно: никаких шашлыков нет. Старейшины приказывают ей танцевать до потери сознания. Она трогательно молит о пощаде, уверяя, что, в общем, не так уж хорошо танцует. Но соплеменники непреклонны, и девушка начинает вращаться; под беспощадное крещендо оркестра она крутится все быстрее и быстрее, пока центробежная сила со свистом не вырывает серебряные пломбы у нее изо рта. Общее ликование, апофеоз, впрочем — преждевременный, ибо весна так и не наступает, а двое старейшин получают повестку в суд по обвинению в мошенничестве с «письмами счастья».

[272]

Заклятье

Увертюра открывается просветленным вступлением духовых, сквозь которое слышатся контрабасы, словно говорящие: “Не верьте духовым. Какого черта могут знать духовые?” Занавес. Дворец принца Зигмунда. Впечатляющее сочетание роскоши и арендной стоимости. Сегодня у принца день рождения, ему исполнился двадцать один год. Однако юноша невесел: развернув подарки, он обнаруживает, что почти все подарки пижамы. Один за другим появляются друзья принца. Они пришли поздравить Зигмунда. Принц сердечно приветствует каждого рукопожатием или шлепком по заду, в зависимости от того, кто как подошел. Принц с закадычным другом Вольфшмидтом вспоминают былые деньки и дают друг другу клятву, что, если один облысеет, другой будет носить парик. Общий танец: все собирается на охоту, пока Зигмунд не спрашивает “какую охоту?”. Никто понятия не имеет, но дружеская пирушка зашла уже слишком далеко, и, когда приносят счет, следует общее возмущение.

Зигмунд опечален. Ему кажется, что жизнь не вытанцовывается. Он приходит на берег озера и в течение сорока минут смотрит на

свое отражение, сожалея, что не захватил бритвы и помазка. Вдруг раздается хлопанье крыльев, и стая диких лебедей, сделав мертвую петлю на фоне луны, опускается на воду. Принц с изумлением видит, что предводительница лебединой стаи — наполовину птица, наполовину девушка; к сожалению, граница проходит вдоль. Зигмунд влюбляется в нее и старается не отпускать шуток про цыпочек. Они танцуют большое па-де-де, пока принца не разбивает радикулит. Иветта — так зовут Женщину-Лебедь — рассказывает юноше, что ее заколдовал злой волшебник по имени фон Швэпс и в таком виде она не может даже получить ссуду в банке. В исключительно сложном соло Иветта языком танца объясняет принцу, что есть единственный способ снять заклятье: ее возлюбленный должен поступить на курсы секретарей-машинисток и научиться стенографировать. Как ни ужасно условие, Зигмунд дает слово исполнить его. Внезапно появляется фон Швэпс в образе тюка с нестираным бельем и уносит Иветту прочь. Конец первого акта.

Второй акт. Прошла неделя. В замке готовятся к свадьбе принца и Жюстины, про которую он совсем забыл в первом акте. Зигмунда мучают сомнения: с одной стороны, он по-прежнему влюблен в Женщину-Лебедь, с

[273]

[274] другой стороны, Жюстина тоже весьма хороша собой и у нее нет перьев и клюва, что сильно облегчит жизнь. Жюстина соблазнительно танцует вокруг принца, а он никак не может решить: то ли все-таки жениться, то ли пойти к врачу посоветоваться, нельзя ли как-то помочь Иветте. Удар тарелок: появляется злой волшебник фон Швэпс. Собственно, никто не приглашал его на свадьбу, но он клянется, что много не съест. Зигмунд в ярости выхватывает меч и вонзает в сердце злодею. Веселье омрачено; мать Зигмунда велит шеф-повару пока не подавать ростбифы.

Тем временем верный Вольфшмидт по просьбе принца находит Иветту и приводит во дворец. Это было не трудно, уверяет он, ведь в Гамбурге не так уж много крылатых женщин. Не внимая мольбам невесты, Зигмунд бросается к Иветте. Жюстина бежит следом, целует его, звучит минорный аккорд, и мы видим, что Зигмунд надел трико наизнанку. Иветта в отчаянье. Она сквозь слезы объясняет, что теперь ее может избавить от заклятья только смерть. Следует один из самых прекрасных и трогательных эпизодов в истории балета: разбежавшись по сцене, Иветта врывается в бетонный пожарный занавес. На глазах Зигмунда мертвая птица превращается в мертвую девушку; принц понима-

ет, как трагична жизнь, и особенно жизнь пернатых. Убитый горем, он решает уйти вслед за любимой, и, исполнив выразительный танец скорби, проглатывает свои гантели.

[275]

Тварь

Этот знаменитый балет — один из наиболее впечатляющих образцов современной электронной музыки. Он открывается увертюрой, составленной из уличных шумов, тиканья часов, чардаша Монти, исполняемого гномиком на расческе. Затем поднимается занавес. Пустая сцена. Несколько минут ничего не происходит, потом занавес опускается. Антракт.

Второй акт начинается в полной тишине. Молодые танцовщики изображают насекомых. Их предводитель — обычный домашний таракан, остальные представляют разные виды садово-огородных вредителей. Беспорядочно бегая под дисгармоничную музыку, они пытаются отыскать Бесконечный Рахат-лукум, который постепенно вырастает в глубине сцены. Вредители собираются съесть его, но тут появляется женская процессия с огромным баллоном “Рэйда”. Танцоры в панике разбегаются, их ловят и запирают в

[276] железных клетках без книг и газет. Экстатический танец женщин между клетками: балерины готовы сожрать танцоров, как только найдется соевый соус. Пока накрывают на стол, юная девушка обращает внимание на одного пленника. У него несчастный вид, усики поникли. Балерину неодолимо влечет к нему. Они танцуют под аккомпанемент валторн, юноша шепчет ей на ухо “не ешь меня”. Молодые влюбляются и строят планы на брачный полет, но потом она передумывает и съедает его, решив, что лучше поселиться с подружкой.

Олениана

Под невыносимо прекрасное адажио поднимается занавес. Лес в летний полдень. Юный олененок в танце щиплет свежие листики. Он задумчиво плывет среди деревьев, потом начинает кашлять и падает замертво.

Моя апология

Из всех знаменитых людей прошлого я больше всего хотел бы быть Сократом. Не просто потому, что он прославился как великий мыслитель: в сущности, мне самому тоже принадлежит немало любопытных идей (правда, все они касаются шведских стюардесс, черных чулочков и наручников). Нет, дело не в уме. Что восхищает меня в мудрейшем из древних греков — это его отвага перед лицом смерти, готовность не изменять своим убеждениям и отстоять их даже ценой жизни. Не могу сказать, что сам я столь же храбр. От внезапного громкого звука, вроде выстрела из выхлопной трубы, я падаю прямо на собеседника. Героическая смерть Сократа придала его жизни несомненный смысл — чего начисто лишена моя, хотя и представляется до некоторой сте-

[278] пени уместной Федеральному департаменту по налогам. Признаться, я не раз примерял на себя сандалии великого философа. Но всякий раз, едва попытавшись застегнуть их, тут же засыпал и видел один и тот же сон.

Тюремная камера. Обычно я сижу в одиночестве, размышляя над каким-нибудь трудным вопросом — например, можно ли считать вещь произведением искусства, если ею также удобно чистить сковородки? Но сейчас меня пришли навестить Симмий и Агафон.

Агафон. О, мой дорогой друг и мудрейший из мудрых, как проходят дни твоего заточения?

Аллен. Что может смертный сказать о заточении, Агафон? Только тело подвержено ограничению. Моя мысль по-прежнему свободна. Она не скована этими стенами, и потому я спрашиваю: существует ли заточение на самом деле?

Агафон. Да, но если ты захочешь прогуляться?

Аллен. Хороший вопрос. Нет, прогуляться я не смогу.

Мы сидим в классических позах — примерно как изображают на фризах. Наконец Агафон говорит.

Агафон. К сожалению, дело плохо. Тебя приговорили к смертной казни. [279]

Аллен. Как горько быть причиной прений.

Агафон. Никаких прений. Единогласно.

Аллен. В самом деле?

Агафон. С первого раза.

Аллен. Хм. Я рассчитывал на большее сочувствие.

Симмий. Суд возмущен твоими проектами идеального государства.

Аллен. Может, не надо было предлагать пост правителя-философа?

Симмий. Тем более показывать пальцем на себя.

Агафон. И покашливать.

Аллен. Ну что ж. И все-таки я не назову моих палачей злом.

Агафон. Я тоже.

Аллен. Да?.. Ибо что есть зло, как не избыток добра?

Агафон. Не понял.

Аллен. Давайте вместе поразмыслим. Когда человек поет красивую песню — это прекрасно. Но если он поет не переставая, у окружающих начинается головная боль.

Агафон. Верно.

Аллен. И если он не намерен сию же секунду замолчать, нам хочется запихать носок ему в глотку. Согласны?

[280] А Г А Ф О Н. Конечно. Все правильно.
 А л л е н. Когда должны исполнить приговор?
 А Г А Ф О Н. А который час?
 А л л е н. Сегодня?!
 А Г А Ф О Н. Не хватает камер.
 А л л е н. Что ж. Да будет так. Займемся умира-
 нием. И пусть люди узнают, что я погиб за
 идеалы истины и независимого судопроиз-
 водства. Не плачь же, Агафон.
 А Г А Ф О Н. Да нет, аллергия.
 А л л е н. Ибо для человека мыслящего смерть —
 не конец, а начало.
 А Г А Ф О Н. Как это?
 А л л е н. Сейчас объясню.
 С и м м и й. Поторопись.
 А Г А Ф О Н. Верно ли, Симмий, что человек не
 существовал до своего рождения?
 С и м м и й. Да, конечно.
 А л л е н. И что он не будет существовать и
 после смерти?
 С и м м и й. Верно. Я согласен.
 А л л е н. Хм...
 С и м м и й. Ну?
 А л л е н. Подожди минутку. Я что-то сбился.
 Знаешь, друг, здесь кормят одной барани-
 ной, и ту не прожаривают толком.
 С и м м и й. Большинство людей считает,
 что смерть — конец всего. И соответствен-
 но, ее боятся.

[281] А л л е н. Смерть есть небытие. То, чего нет,
 не существует. Значит, смерти не существу-
 ет. Есть только истина. Истина и красота.
 Они равновелики, но не взаимозаменяемы.
 Да, а что именно там затевают, не знаете?
 А Г А Ф О Н. Дадут цыкуну.
 А л л е н (*озадаченно*). Цыкуну?
 А Г А Ф О Н. Помнишь такую черную жидкость,
 которая прожгла твой мраморный стол?
 А л л е н. Что, серьезно?
 А Г А Ф О Н. Всего стаканчик. Но если вдруг
 прольешь — в запасе есть еще чаша.
 А л л е н. Интересно, это больно?
 А Г А Ф О Н. Просили передать, чтобы ты не ус-
 траивал сцен. Соседям действует на нервы.
 А л л е н. Ага...
 А Г А Ф О Н. Я уверяю всех, что ты скорее храб-
 ро умрешь, чем предашь свои убеждения.
 А л л е н. Правильно, правильно... А что,
 мысль о ссылке не всплывала?
 А Г А Ф О Н. Ссылать перестали с прошлого
 года. Слишком хлопотно.
 А л л е н. Действительно. Так... (*Взволнован и*
растерян, но стараюсь держать себя в руках.)
 Собственно, я... Ну да, ну да. Ну, а... вооб-
 ще какие новости?
 А Г А Ф О Н. Ты не поверишь, я совершенно по-
 мешался на Изоцельсе. У него есть гениаль-
 ная идея абсолютно нового треугольника.

[282] Аллен. Любопытно, любопытно... (*Вдруг переставая храбриться.*) Послушайте, можно вам признаюсь? Я не хочу умирать! Я еще слишком молод!

Агафон. Но это такой случай умереть за истину!

Аллен. Поймите правильно. Я всей душой за истину. Но у меня на той неделе заказан столик в Спарте. Важная встреча, просто нельзя не прийти. К тому же моя очередь платить. Вы ведь знаете спартанцев — это отчаянные драчуны.

Симми. Может быть, наш величайший философ просто трус?

Аллен. Я не трус. Но и не герой. Нечто среднее.

Симми. Просто дрожащая тварь.

Аллен. Можно и так сказать.

Агафон. Но разве не ты доказал, что смерти не существует?

Аллен. Знаешь, я много чего доказал. Надо ведь платить за жильё. Это моя работа. Теории и соображения. Остроумные замечания. Афоризмы от случая к случаю. Это вам, конечно, не маслины собирать — но не будем все-таки терять головы...

Агафон. Но ты же много раз доказывал, что душа бессмертна.

Аллен. Так и есть! На бумаге. Видишь ли, друг, за пределами класса философия не всесильна. [283]

Симми. А вечные эйдосы, идеи вещей? Ты говорил, каждая вещь всегда существовала и всегда будет существовать.

Аллен. Я имел в виду главным образом тяжелые вещи. Статуи, например. Люди — совсем другое дело.

Агафон. А все рассуждения о том, что смерть есть сон?

Аллен. Они верны, верны. Только надо понимать разницу. Когда ты мертв, то по команде “рота, подъем!” очень трудно нашарить сандалии.

Входит прислужник с лицом Бенни Хилла¹.
В руках у него чаша цикуты.

Прислужник. А вот и я. Кто тут пьет яд?

Агафон (*указывая на меня*). Он.

Аллен. Мама, какая большая чашка. А она должна так дымиться?

Прислужник. Обязательно. И выпей до конца, потому что яд часто остается на донышке.

¹ Бенни Хилл (1924—1992) — знаменитый английский комик. Его телешоу лично запретила Маргарет Тэтчер.

[284] АЛЛЕН (*обычно здесь я веду себя совсем не так, как Сократ, и, говорят, кричу во сне*). Нет! Не буду! Я не хочу умирать! На помощь! Помогите! Не надо! Пожалуйста!

В паузе между отчаянными мольбами прислужник вручает мне бурлящее варево, и кажется, что все кончено. Но потом — вероятно, благодаря инстинкту самосохранения — сон всякий раз переменяется, и входит вестник.

ВЕСТНИК. Остановитесь! Суд переголосовал! Все обвинения сняты. Ваш вклад переоценили, и решено вас, наоборот, наградить.

АЛЛЕН. Успели. Успели все-таки! Я знал, что они одумаются. Стало быть — я свободен? Свободен. Я свободный человек! И вдобавок наградят. Агафон, Симмий, живее, собирайте мои вещи. Я спешу. Пракситель наверняка захочет поскорее приняться за бюст. А на прощанье, друзья, позвольте небольшую притчу.

СИММИЙ. Черт побори, ну надо же! Во дают законники. Чем они там думают?

АЛЛЕН. Несколько человек живут в пещере. Здесь всегда темно, и обитателям невдомек, что снаружи светит солнце. Им известен лишь один свет: неверный огонек све-

чей, который помогает ориентироваться в темноте. [285]

СИММИЙ. Интересно, откуда там свечи?

АЛЛЕН. Неважно, давай просто допустим, что есть.

АГАФОН. Живут в пещере, но пользуются свечами? Что-то не очень складно.

АЛЛЕН. Ты можешь один раз дослушать?

АГАФОН. Ладно, ладно, только не отвлекайся.

АЛЛЕН. И вот как-то один из обитателей пещеры выбирается наружу и видит внешний мир.

СИММИЙ. Во всем его блеске.

АЛЛЕН. Вот именно. Во всем его блеске.

АГАФОН. А потом пытается рассказать остальным, но никто не верит?

АЛЛЕН. Ничего подобного. Ничего он никому не рассказывает.

АГАФОН. Не рассказывает?

АЛЛЕН. Он просто открывает колбасную лавочку, женится на танцовщице и умирает от инсульта в сорок два.

Они хватают меня и вливают цикуту. Тут я обычно просыпаюсь в холодном поту, и только два яйца и кусочек копченой семги способны меня успокоить.

Еще не каддиш¹ по Вайнштейну

[287]

Вайнштейн лежал в кровати и оцепенело смотрел в потолок. За окном колыхались портьеры перегретого воздуха. Улица в этот час грохотала оглушающе, и вдобавок его кровать стояла на самом солнцепеке. Посмотрите на меня, думал он. Мне пятьдесят. Полвека. Через год будет пятьдесят один. Потом пятьдесят два. Несложно посчитать, сколько будет через пять. Осталось совсем чуть-чуть, думал он, а столько нужно успеть! Во-первых, научиться водить машину. Эдельман, с которым они когда-то играли в “а дрейдл”², изучал вождение в Сорбонне. Он стал настоящим асом и объездил за рулем

множество интересных мест. Вайнштейн пару раз пытался оседлать отцовский “шевроле”, но его все время заносило на тротуар.

Он рос не по годам развитым ребенком. Умным, начитанным. Когда ему было двенадцать, какие-то вандалы забрались в библиотеку и перевели поэмы Элиота на французский язык. Мальчик в одиночку перевел их обратно на английский.

Будто мало ему было одиночества, на которое обрекал недетский интеллект, он вдобавок молча страдал от несправедливостей и гонений на национальной почве — по большей части, от собственных родителей. Правда, сами отец и мать ходили в синагогу, но согласиться, что их сын тоже еврей, было выше родительских сил. “Не понимаю, как это случилось”, — растерянно говорил отец.

У меня абсолютно семитское лицо, каждое утро думал Вайнштейн, бреясь перед зеркалом. Правда, кое-кто принимал его за Роберта Редфорда¹, но все эти люди оказывались слепцами. Вайнштейн вспомнил Фейнгласса, тоже своего приятеля с детских лет. Отличник, гордость университета. Потом он пошел в штрейкбрехеры, шпионил за рабочими. Потом ударился в марксизм, стал агитатором.

1 Каддиш — поминальная молитва у евреев.

2 А дрейдл, дрейдель (*идиш*) — волчок для традиционной детской игры в праздник Ханнуки.

1 Роберт Редфорд (р.1937) — американский киноактер и кинорежиссер.

[288] ром. Потом разочаровался, поехал в Голливуд и сделался голосом знаменитого мультяшного мышонка. Ирония судьбы.

Вайнштейн в свое время тоже поиграл в коммунизм. Чтобы произвести впечатление на одну девчонку из Рутжерса¹, отправился в Москву и вступил в Красную Армию. Правда, когда он следующий раз позвал ту девчонку на свидание, у нее уже кто-то был. А звание сержанта советской пехоты Вайнштейну аукнулось в ресторане “Лонгчэмпс”, где бесплатную закуску подавали только после проверки на благонадежность. Вдобавок ему припомнили, как еще мальчиком он организовал забастовку мышей в школьной лаборатории, требуя улучшения условий труда. Но в сущности, Вайнштейна привлекала поэзия марксизма, а не политика как таковая. Он верил в коллективизацию, считал, что надо только, чтобы все хорошенько разучили текст песни “Let My People Go”. Он часто повторял про себя выражение “отмирание государства” — особенно с тех пор, как дядя однажды напрочь отморозил нос. Что можно знать наверняка о природе революции, думал Вайнштейн? Только, что не надо ее совершать после острой мексиканской пищи.

¹ Рутжерс — университет в Нью-Джерси.

Великая депрессия разорила его дядю, хранившего все сбережения под матрасом. Когда биржа рухнула, правительство изъяло матрасы из обращения, и дядя Меер в один день оказался нищим. Оставалось только выброситься из окна, но в последнее мгновение не хватило духа, и он просидел на подоконнике с 1930 по 1937 год.

“Ах, детки, детки, — говаривал дядя Меер. — Травка, музычка, секс... А знаете вы, что такое просидеть семь лет на подоконнике? Вот откуда узнаешь жизнь! Смотришь сверху на людей — сущие муравьи... И все-таки каждый год Тесси — вам на долгий век — устраивала пасхальный седер¹ прямо на карнизе. Все собирались вокруг, как полагается, вся семья... Ой, племяша, племяша, куда все катится? Ты знаешь, что уже есть бомба, которая убивает больше народу, чем один взгляд на дочку Макса Рифкина?”

Все, кого Вайнштейн считал друзьями, сломались в Комитете по антиамериканской деятельности. Блотника сдала родная мать. На Шарпштейна стукнул собственный автоответчик. Вайнштейна тоже вызывали. Он признался, что платил взносы в ДОСААФ и однажды подарил Сталину хороший чайный

¹ Седер — пасхальная трапеза у евреев.

[290] сервиз. Но оговаривать знакомых наотрез отказался; впрочем, согласился сообщить — если комитет будет настаивать — рост всех, кого он встречал на собраниях. Правда, потом дрогнул, засуетился немножко и вместо Пятой поправки сослался на Третью, позволяющую пить пиво по воскресеньям на всей территории Филадельфии.

Вайнштейн закончил с бритьем и полез под душ. Горячие струи забарабанили по широкой спине, он намылился и подумал: вот я, здесь и сейчас, в некоей точке времени и пространства, принимаю душ. Я, Исаак Вайнштейн, одно из творений Божих. Он наступил на мыло и, больно ударившись о вешалку, растянулся на полу. Неделя вообще выдалась паршивая. Накануне его ужасно подстригли, и Вайнштейн до сих пор еще не оправился от огорчения. Поначалу парикмахер благо-разумно срезал по чуть-чуть, но потом слишком увлекся.

— Стойте, Доминик! — в панике воскликнул Вайнштейн. — Верните это обратно!

— Не могу, — ответил парикмахер. — Не будет держаться.

— Ну, тогда отдайте мне. Я заберу эти волосы с собой.

— Раз они на полу моей парикмахерской — они мои, мистер Вайнштейн.

— Черт побери, верните мне мои волосы!

Он разбушевался, но потом смутился и ушел. “Гои, — подумал он. — Не так, так эдак они тебя сделают”.

Он вышел из гостиницы и зашагал вверх по Восьмой авеню. Впереди двое грабили пожилую даму. Боже мой, подумал Вайнштейн, когда-то это делалось в одиночку. Что за город, что за город. Суший хаос. Прав Кант: только разум вносит во все порядок. И кроме того, подсказывает, сколько дать на чай. Все-таки неплохая штука — разум! Интересно, как обходятся в Нью-Джерси.

Он направлялся к Харриет, хотел поговорить об алиментах. Вайнштейн до сих пор любил ее, несмотря ни на что. Да, когда они были женаты, Харриет систематически пыталась изменить ему со всеми мужчинами на “М” из телефонного справочника Манхэттена — но Вайнштейн не держал зла. Конечно, когда Харриет с его лучшим другом сняли домик в штате Мэн и уехали на три года, ничего ему не сказав, надо было насторожиться. Но Вайнштейн просто закрывал на все глаза, сам виноват. А спать они перестали еще раньше. Собственно, он спал с Харриет трижды. В первый раз, когда они познакомились, потом — в честь высадки человека на Луну и еще раз, чтобы прове-

[291]

[292] рить спину, когда вывихнул диск. “Что-то не то, Харриет, — ворчал он. — Черт возьми, ты слишком невинна. Всякий раз, как я думаю о тебе, мне хочется посадить дерево в Израиле¹. Сублимация, знаешь. Ты напоминаешь мне маму”. (Молли Вайнштейн, мир праху ее, была беззаветно предана сыну и готовила фаршированную шейку как никто на свете — потом, правда, выяснилось, что она клала гашиш.)

В кровати Вайнштейну было нужно что-то совсем другое. Что-то вроде Лю-Эн, которая превращала секс в искусство. Правда, с ней другое было плохо: Вайнштейн не успевал открыть рот, как Лю-Эн скидывала туфельки. Однажды он пробовал дать ей книгу по экзистенциализму, но Лю-Эн ее съела. В сексуальном плане Вайнштейн был недоволен собой. Особенно он комплексовал из-за роста. Если в одних носках — метр шестьдесят. Правда, в двух носках бывало и метр семьдесят. Психолог доктор Кляйн убедил его, что перебежать пути перед электричкой — это в большей степени сублимация тяги к враждебности, чем к саморазрушению, и в любом случае портишь стрелку на брюках. Кляйн был его третьим аналитиком.

¹ В Израиле существует традиция сажать деревья в честь праведников.

Первый оказался юнгианцем и все предлагал крутануть блюдце. А потом Вайнштейн записался на групповую терапию, но когда подошла его очередь рассказывать о себе, почувствовал головокружение и смог только перечислить имена планет Солнечной системы. Он считал, что все дело в женщине. Вайнштейн напрочь терялся с любой хорошистойкой, не говоря об отличницах. Лучше всего получалось с начинающими машинистками, но если она делала более шестидесяти слов в минуту, Вайнштейн впадал в панику и опускал руки.

Вайнштейн позвонил в квартиру и не заметил, как Харриет возникла на пороге. “И думает, что он заводит граммофон”, — подумал Вайнштейн. Это было их с Харриет секретное выражение; Вайнштейн привез его из России, и оба не вполне понимали его смысл.

— Привет, Харриет, — сказал Вайнштейн.

— Черт возьми, Вайнштейн, — ответила Харриет, — не надо быть таким самоуверенным.

Она права. “Привет, Харриет” — что за бестактность! Вайнштейн мысленно отругал себя.

— Ну, как дети? — спросил он.

— У нас никогда не было детей.

[293]

[294] — Собственно, поэтому я и подумал, что четыреста в неделю — многовато для алиментов.

Она закусила губу. Он тоже закусил губу. Сначала свою, потом ее.

— Харриет, — сказал он, — я разорен. Фьючерсы на яйцо упали почти до нуля.

— Вот как? Что же тебе не поможет твоя хваленая шикса?

— У тебя любая нееврейка — шикса.

— Давай не будем, а? — Голос Харриет звучал предостерегающе. Вайнштейну невыносимо захотелось поцеловать ее. Или хоть кого-нибудь.

— Харриет, что мы сделали не так?

— Мы пытались убежать от реальности.

— Не по моей вине. Ты же сказала, там бешеная собака.

— Реальность и есть бешеная собака, Вайнштейн.

— Нет, Харриет. Бешеная собака — это пустые мечты. Реальность — это драная кошка. Слепые надежды — это глупая мышка. Только лось — всегда лось.

Все-таки она до сих пор заводила его. Вайнштейн потянулся к Харриет, но она отстранилась, и его рука угодила в плоску со сметаной.

— И поэтому ты спала со своим аналитиком?

Его наконец прорвало, он покраснел от бешенства и готов был упасть в обморок, но не помнил, как это делается.

— Это входило в курс, — спокойно ответила Харриет. — Фрейд считал, что секс — ключ к подсознанию.

— Фрейд считал, что *сны* — ключ к подсознанию.

— Секс, сны — хочешь попридираться?

— До свидания, Харриет.

Безнадежно. Rien a dire, rien a faire¹. Вайнштейн спустился на улицу и пошел в сторону площади Юнион. И вдруг расплакался. Горячие соленые слезы, копившиеся годами, словно прорвали плотину и хлынули неостановимыми потоками. Одно удивительно: они лились из ушей. “Ну вот пожалуйста, — подумал Вайнштейн. — Я даже плакать не умею по-человечески”. Он вытер уши бумажной салфеткой и пошел домой.

[295]

1 Ничего не скажешь, ничего не поделаешь (*франц.*).

И тут появился инспектор Форд...

(проверьте свою смекалку)

Смерть воротилы

Инспектор Форд ворвался в кабинет. На полу лежало тело Клиффорда Джипа. Вероятно, удар пришелся по затылку. Били крокетным молотком. Судя по положению тела, несчастного застигли врасплох, когда он пел своим гуппи “Вернись в Сорренто”. Обследование места происшествия показало, что между Джипом и нападавшим завязалась яростная борьба, дважды прерывавшаяся телефонными звонками: один раз не туда попали, второй – предлагали убитому уроки танца.

Перед смертью Джип сумел обмакнуть палец в чернильницу и оставил записку: “Осенняя распродажа! Невероятные цены! Заходите и убедитесь!”

– Бизнесмен до последнего вдоха, – проворкотал его слуга Айвз. Странно, отметил Форд: ботинки на платформе делали Айвза ниже на два дюйма.

Дверь на террасу была распахнута: следы вели через холл в верхний ящик комода.

– Скажите, Айвз, где вы находились, когда это произошло?

– На кухне. Мыл посуду.

В подтверждение Айвз достал из бумажника клочок мыльной пены.

– Вы что-нибудь слышали?

– У мистера Джипа были гости. Спорили, кто выше ростом. Кажется, я слышал, как мистер Джип запел на тирольский манер, а Мосли, это его деловой партнер, завопил: “Боже, боже, у меня волосы встают дыбом!” И все. Потом раздалось глассандо на арфе, и на лужайку выкатилась голова мистера Джипа. Я слышал, как Мосли угрожал ему. Он говорил, что если мистер Джип еще раз прикоснется к его мандарину, он не подпишет ему ссуды. Я думаю, это Мосли убил хозяина.

– Как открывается дверь на террасу – наружу или внутрь? – поинтересовался инспектор Форд.

– Наружу. А что?

[298] — Так я и думал. Теперь я не сомневаюсь: Клиффорда Джиша убил не Мосли. Его убили вы, Айвз.

Как инспектор Форд догадался?

Планировка дома не позволяла Айвзу незаметно подкрасться к хозяину сзади. Он был вынужден подкрадываться спереди, а в этом случае мистер Джип перестал бы петь “Вернись в Сорренто” и врезал молотком Айвзу по голове — как было заведено у них с давних пор.

Головоломка

По всем признакам, Уокер свел счеты с жизнью. Передозировка снотворного. И все же инспектора Форда что-то смущало. Возможно, положение трупа. Покойный находился внутри телевизора, лицо его смотрело с экрана. На полу лежала загадочная записка: “Дорогая Эдна! Мое мохеровое белье страшно колет, и я принял решение уйти из жизни. Следи, чтобы сынок не забывал отжиматься по утрам. Завещаю тебе все свое состояние, за исключением шляпы, которую настоящим передаю в дар планетарию. По-

жалуйста, не горюй обо мне. Поверь, быть мертвым куда приятнее, чем платить за квартиру. До свидания. Генри. P.S. Может быть, сейчас не время, но у меня есть все основания подозревать, что твой брат в самом деле встречается с длинношерстной таксой”.

Эдна Уокер нервно покусывала нижнюю губу.

— Что вы думаете, инспектор?

Инспектор Форд заметил на тумбочке пущек со снотворным.

— Давно ваш муж страдал бессонницей?

— Много лет. Нервы. Он боялся, что, если закроет глаза, по нему проведут дорожную разметку.

— Понимаю. У него были враги?

— Не думаю. Разве что цыгане в одной чайной за городом. Как-то раз муж невольно оскорбил их обычаи — пришел туда в наушниках и стал отплясывать... А у них был выходной.

Инспектор Форд обратил внимание на недопитый стакан молока на письменном столе. Молоко еще не остыло.

— Скажите, миссис Уокер, ваш сын учится в колледже?

— К сожалению, уже нет. На прошлой неделе его ни с того ни с сего исключили. Мы до сих пор не можем прийти в себя, инспек-

[299]

[300] тор. Говорят — за неуважение к старшим. Дескать, он гонял лысого в парке, и у них в Лиге старейших колледжей Новой Англии такого прощать не намерены.

— А я не намерен прощать убийство. Я должен арестовать вашего сына.

Почему инспектор Форд заподозрил младшего Уокера в убийстве отца?

В карманах покойного были обнаружены наличные. Человек, собирающийся совершить самоубийство, несомненно взял бы с собой кредитку.

Похищенный сапфир

Витрина была разбита, и сапфир Беллини исчез. Из улики при обследовании музея обнаружили только светлый волос и с дюжину отпечатков пальцев, причем все — мизинца. Охранник показал, что стоял вон там, когда фигура в черном подкралась сзади и нанесла удар по голове черновиками какой-то речи. Теряя сознание, он, кажется, слышал, как мужской голос произнес: “Джерри, зови маму!”, но не уверен. Вероятно, грабитель проник в музей через застекленную крышу и

спустился по стене в специальных ботинках с присосками, словно некая разумная муха. На такой случай у музейной охраны всегда наготове гигантская мухобойка, но ее не успели пустить в ход.

— Кому мог понадобиться сапфир Беллини? — в недоумении пробормотал главный хранитель. — Неужели похитители не знали, что над камнем тяготеет проклятье?

— Проклятье? — быстро переспросил инспектор Форд.

— Когда-то этот сапфир принадлежал одному султану. Султан погиб при загадочных обстоятельствах. Во время обеда из пиалы с супом появилась рука и задушила его. Следующим владельцем сапфира стал английский лорд. В один прекрасный день жена нашла его растущим вниз головой в ящике с петуниями. Потом о сапфире ничего не было слышно. Спустя много лет он попал к одному техасскому миллионеру. Тот пошел почистить зубы и вдруг вспыхнул как факел и сгорел. Мы приобрели камень всего месяц назад, но, похоже, проклятье до сих пор действует, потому что вскоре весь наш попечительский совет взялся за руки и, танцуя канкан, шагнул в пропасть.

— Ну что ж, — сказал инспектор Форд. — Может быть, камень и вправду проклятый.

[301]

[302] Но все-таки драгоценный. И если вы хотите вернуть его в музей — ступайте в кулинарию Ципермана и арестуйте хозяина. Сапфир вы найдете у него в кармане.

Как инспектор Форд догадался, кто украл сапфир?

Накануне Леонард Циперман заметил:

— Старик, да будь у меня хороший сапфир — послал бы я эту кулинарию!

Драма на охоте

— Я застрелила его!

Цинтия Фрим не могла унять рыдания. На снегу лежало тело крупного мужчины — это был ее супруг.

— Как все случилось? — не теряя времени, спросил инспектор Форд.

— Мы с Квинси пошли на охоту. Мы оба любили охотиться. Сразу же разделились. Там были заросли. Наверно, я приняла его за сурка. Крупного сурка. Пальнула. Ну и все. Стала снимать шкуру и только тогда осознала, что это мой муж.

— Смотри-ка, — сказал инспектор Форд, разглядывая следы на снегу, — похоже, вы

отличный стрелок. Вмазали прямо между глаз. [303]

— Нет, ну что вы, просто повезло. Я всего лишь любительница.

— Вижу, вижу.

Инспектор Форд обыскал покойного. В карманах обнаружился шнурок, яблоко 1904 года и инструкция “Что делать, если вы проснулись рядом с армянином”.

— Скажите, миссис Фрим, это первый несчастный случай с вашим мужем на охоте?

— Смертельный — да. Еще однажды в Канадских скалах орел унес его свидетельство о рождении.

— Ваш муж носил шиньон?

— В некотором смысле. Он носил его в кармане и доставал, когда не хватало аргументов. А что?

— Похоже, он был весьма эксцентричным человеком.

— Пожалуй.

— И поэтому вы убили его?

Как инспектор Форд понял, что это не был несчастный случай?

Такой опытный охотник, как Квинси Фрим, никогда не пойдет на лося в одном нижнем белье. Скорее всего, миссис Фрим прибила

[304] мужа дома, когда он играл на ложках, и попыталась инсценировать несчастный случай на охоте. Она отволокла тело в лес, оставила неподалеку томик стихов о природе, но в спешке забыла одеть убитого. Почему Квинси Фрим играл на ложках в одном нижнем белье, до сих пор остается загадкой.

Незадачливый гангстер

Изможденный Кермит Кролл, пошатываясь, вошел в гостиную отчего дома, где его с волнением ждали родители и инспектор Форд.

— Спасибо за выкуп, старики. Я уж не думал, что выберусь живым.

— Расскажите все с самого начала, — велел инспектор Форд.

— Я пошел в центр, думал сдать в чистку гамаши. Вдруг меня нагнал фургончик, в нем сидели двое мужчин. Они спросили, не хочу ли я посмотреть на лошадь, которая читает наизусть Геттисбергское обращение¹. Я сказал конечно, сел в машину, и мне тут же сунули

¹ Геттисбергское обращение — речь, произнесенная президентом А. Линкольном 19 ноября 1863 г. по случаю открытия мемориального кладбища на месте сражения за Геттисберг в Гражданскую войну.

под нос хлороформ. Очнулся я бог знает где, привязанный к стулу, с повязкой на глазах.

Инспектор Форд внимательно изучил письмо с просьбой заплатить выкуп. “Дорогие мама и папа! Положите в сумку пятьдесят тысяч долларов и оставьте под мостом на улице Декатур. Если на улице Декатур нет моста — пожалуйста, постройте. Обращаются со мной хорошо, у меня есть крыша над головой, кормят прилично, правда, вчера запеченные улитки перестояли в духовке. Пришлите деньги поскорей, иначе через несколько дней тот человек, который сейчас стелет мне постель, задушит меня. Ваш Кермит.

P.S. Это не розыгрыш. Розыгрыш для сравнения прилагаю”.

— Как вы думаете, где вас держали?

— Понятия не имею. Я только слышал странные звуки за окном.

— Странные?

— Знаете, какой звук издает сивый мерин, когда ему врут в глаза?

— Сивый? — Инспектор Форд задумался. — Ну и как вам все-таки удалось бежать?

— Я сказал, что хочу сходить на футбол, но у меня только один билет. Мне разрешили, если дам слово не снимать с глаз повязку и вернуться до одиннадцати. Я согласился, а в

[305]

[306] третьем тайме, когда “Медведи” повели, ушел и добрался сюда, домой.

— Занятная история, — сказал инспектор Форд. — Теперь мне ясно, что все это похищение было инсценировано. Я не сомневаюсь, что ты был соучастником и получил свою долю.

Как инспектор Форд догадался?

Хотя Кермит Кролл до сих пор жил с родителями, которым было по восемьдесят, самому ему стукнуло шестьдесят. Настоящие гангстеры не станут похищать шестидесятилетнего ребенка: какой смысл?

✓ Популярная парапсихология

Нет никаких сомнений, что удивительное рядом. Единственный вопрос — есть ли там парковка и до которого часа открыто. Необъяснимые вещи происходят постоянно. Кому-то являются привидения. Кто-то слышит голоса. Кто-то просыпается на Кубке по стипль-чезу и весь в мыле приходит к финишу вторым. А кто хоть раз не ощущал прикосновения ледяной руки, когда дома больше никого не было? (Я, слава богу, не ощущал, но ведь таких, как я, немного осталось.) Что кроется за всем этим? Или, если угодно, что открывается впереди? Действительно ли существуют люди, способные предсказывать будущее и общаться с духами? Правда ли, что после смерти можно принимать душ?

[308] К счастью, ответы на эти и другие вопросы, связанные со сверхъестественными явлениями, читатель скоро найдет в книге Осгоуда Малфорда Твиджа “Ну и ну!”. Ее автор — известный парапсихолог и профессор кафедры эктоплазмы Колумбийского университета доктор Твидж — собрал замечательную коллекцию, в которой представлен широкий спектр паранормальных явлений от передачи мыслей на расстоянии до странного происшествия с двумя близнецами, один из которых пошел помыться, а второй, находившийся в это время на другом конце света, внезапно стал чистым.

Вот лишь несколько наиболее примечательных историй из книги доктора Твиджа с его комментариями.

Встречи с привидениями

16 марта 1882 года господин Д.С. Даббс, внезапно проснувшись среди ночи, увидел своего брата Амоса, скончавшегося четырнадцать лет назад. Амос сидел на корточках у кровати и брил хомячка. Даббс спросил брата, откуда тот взялся. Амос сказал “не пугайся” и объяснил, что вообще он мертв и выбрался в город только на выходные. Даббс

поинтересовался, как выглядит “тот свет”. Амос ответил: похоже на Кливленд, и добавил, что вернулся, чтобы передать брату важное сообщение: не надо надевать теннисные носки к темно-синему костюму.

В эту минуту вошла служанка. Она видела, что хозяин разговаривает с “бесформенной белесой туманностью”, которая, по ее словам, напоминала Амоса Даббса, но была несколько миловидней. Потом Амос предложил брату спеть дуэтом арию из “Фауста”, что они и проделали с большим чувством. Когда занялся рассвет, Амос ушел сквозь стену, а Даббс, попытавшись пойти за ним, сломал себе нос.

Перед нами типичный случай встречи с привидением. Если верить Даббсу, призрак возвращался еще раз. Он заставил миссис Даббс, сидевшую в кресле, подняться в воздух, и она двадцать минут парила над обеденным столом, а потом упала в гусятницу. Надо заметить, что привидения вообще любят проказничать. Английский мистик А.Ф. Чайлд объясняет это чувством собственной неполноценности, которое вызывает у покойника смерть. Чаще всего появлению “привидения” предшествует гибель при необычных обстоятельствах. Так, Амоса Даббса родственники случайно высадили в грядку с баклажанами.

[309]

[310]

Отделение души от тела

Господин Алекс Шизербойм сообщает о следующем происшествии: “Мы с приятелями сидели за столом и пили чай с рулетом. Внезапно я почувствовал, как моя душа отделилась от тела и отправилась звонить по телефону. Звонила она в компанию Мошковича по производству фибергласа — зачем, не знаю. Потом душа вернулась в тело и находилась там около двадцати минут, боясь, что кто-нибудь предложит сыграть в шарады. Но зашел разговор о фондах взаимопомощи, и тогда она снова покинула тело и отправилась в город. Душа посетила статую Свободы и сходила на мюзикл в “Радио Сити”, после чего заглянула в стейк-хаус и заказала ужин на 68 долларов. Потом она решила вернуться в тело, но не смогла поймать такси. Тогда душа пошла пешком по Пятой авеню и успела как раз к вечерним новостям. Я отчетливо почувствовал, как она возвращается, потому что по телу прошел озноб и голос сказал: “А вот и я, передай-ка мне изюмчик”.

С тех пор это повторялось еще несколько раз. Однажды душа провела выходные на Майами, потом ее арестовали в универмаге при попытке вынести галстук. Был еще третий случай, но тогда скорее тело покинуло

душу, просто чтобы сходить на массаж и вернуться точно на прежнее место”.

[311]

Случаи отделения души от тела особенно распространились в конце первого десятилетия двадцатого века в Индии; по свидетельствам очевидцев, неприкаянные души бродили тогда по всей стране в поисках американского консульства. Описываемый феномен во многом сходен с телепортацией, когда человек внезапно дематериализуется в одном месте и материализуется в другом. Это неплохой способ путешествовать, хотя обычно приходится по полчаса ждать багаж. Наиболее поразительный случай телепортации произошел с сэром Артуром Ньюни. Принимая ванну, он со звучным всплеском исчез и в то же мгновение очутился в струнной группе Венского симфонического оркестра, где прослужил потом первой скрипкой двадцать семь лет, хотя умел играть только “Собачий вальс”. Однажды во время исполнения сороковой симфонии Моцарта (“Юпитер”) он исчез и впоследствии был найден в кровати Уинстона Черчилля.

[312]

Вещие сны

Мистер Фентон Алленштюк описывает свой вещий сон: “Около полуночи я лег спать, и мне приснилось, что я играю в покер с рублеными яйцами. Внезапно сон переменялся, и я увидел своего дедушку. Он танцевал вальс с манекеном посреди улицы, и прямо на них мчался грузовик. Я попытался крикнуть, но изо рта вырвался лишь бой курантов, и старик угодил под колеса.

Я проснулся в поту и помчался к дедушке, чтобы спросить, не собирается ли он танцевать с манекеном. Он ответил: конечно нет, хотя подумывает, не переодеться ли пастухом, дабы одурачить врагов своих. Успокоившись, я вернулся домой, а через некоторое время узнал, что дед поскользнулся на двойном чизбургере и вывалился в окно небоскреба “Крайслер”.

Вещие сны часто считают простым совпадением. Скажем, человек видит во сне, что кто-то из его родни умер, просыпается — и в самом деле. Но не всем так везет. Ж. Мартинезу из Кеннебанкпорта, штат Мэн, приснилось, что он выиграл кубок по гребле на байдарках и каноэ. Однако, проснувшись, он обнаружил, что еще плывет на кровати через океан.

Спиритизм

[313]

Сэр Хью Свиглз, известный скептик, описывает любопытный спиритический сеанс:

“Мы собрались у прославленной мадам Рено. Она велела всем сесть вокруг стола и взяться за руки. Мистер Викс от волнения захихикал, и мадам огрела его блюдцем. Потом погасили свет, и медиум попыталась войти в контакт с духом мужа миссис Марпл, скончавшегося год тому назад от самопроизвольного возгорания бороды. Вот полная стенограмма сеанса.

Миссис Марпл. Что вы видите?

Медиум. Вижу мужчину, у него голубые глаза и кепка с пропеллером.

Миссис Марпл. Это мой муж!

Медиум. Он говорит, что его зовут... Роберт.

Нет... Ричард....

Миссис Марпл. Квинси.

Медиум. Квинси, конечно, его зовут Квинси.

Миссис Марпл. Что еще?

Медиум. Он лысый, но любит носить на голове несколько кленовых листочков, чтобы прикрыть плешь.

Миссис Марпл. Правильно! Все верно!

Медиум. Он что-то держит в руках... не могу понять... кажется, это свиная отбивная.

[314] Миссис Марпл. Это мой подарок. Я подарила ему на день рожденья. Вы можете поговорить с ним?

Медиум. Дух Квинси Марпл, отвечай. Велю тебе, отвечай.

Квинси. Клара, это Квинси.

Миссис Марпл. Боже мой, Квинси! Квинси!

Квинси. Клара, сколько ты маринуешь цыпленка, когда жарить?

Миссис Марпл. Это он! Это его голос!

Медиум. Всем сосредоточиться!

Миссис Марпл. Квинси, как ты там, за тобой хорошо смотрят?

Квинси. Ничего, неплохо. Правда, вещи из чистки жду по четыре дня.

Миссис Марпл. Квинси, ты скучаешь по мне?

Квинси. А? Клара, детка, ну, конечно. Конечно, страшно скучаю. Ты извини, мне сейчас надо идти...

Медиум. Он уходит. Я теряю его. Он удаляется.

Проведенная мной строжайшая экспертиза полностью подтвердила достоверность разговора. Небольшие подозрения может вызвать разве что патефон, обнаруженный под платьем у мадам Рено”.

[315] Нет сомнений, что некоторые явления, описанные участниками спиритических сеансов, действительно имели место. Так, всем памятен случай с Сивиллой Серецки, чья золотая рыбка неожиданно запела “Я ощущаю ритм”¹ — любимую песню ее недавно скончавшегося племянника. Однако в целом общение с умершими затруднительно, так как большинство из них не расположены разговаривать, а другие долго мямлят, прежде чем перейти к делу. Автору довелось также наблюдать поднимающийся столик, а доктор Джошуа Блошкинд из Гарварда рассказывает, как во время одного сеанса столик поднялся, попросил прощения и пошел спать.

Телепатия и ясновидение

Один из наиболее впечатляющих примеров связан с легендарным греческим телепатом Ахиллом Лондосом. Его удивительные способности обнаружили еще в детстве. Десятилетним ребенком, лежа в постели, он усилием воли заставлял вставную челюсть отца вылететь изо рта. Когда однажды пропал сосед Лондосов и его не могли найти в течение

1 Песня Д.Гершвина.

[316] трех недель, мальчик посоветовал его жене поискать в духовке. Действительно, муж оказался внутри, он сидел по-турецки и вышивал крестиком. Поглядев на человека, Ахилл Лондос мог вызвать его изображение на обычном “кодаке”, правда, все портреты выходили не улыбочивыми.

В 1964 году полиция попросила его помочь в розыске так называемого дюссельдорфского душителя, маньяка, оставившего кусочек рокфора на груди у своих жертв. Лондосу достаточно было понюхать носовой платок, и он вывел полицию на след некоего Зигфрида Ленца, разнорабочего в школе глухих тетерь. Ленц во всем признался и попросил, если можно, вернуть ему платок.

Лондос — не единственный пример человека с незаурядными психическими способностями. Есть и другие. Скажем, С.Н. Джером из Ньюпорта (Род-Айленд) утверждает, что способен угадать любую карту, которую задумает бурундук.

Предсказания

Наконец мы подошли к графу Настурбамусу, чьи поразительные предсказания, сде-

ланные в шестнадцатом веке, до сих пор ставят в тупик отъявленных скептиков. Судите сами:

[317]

Друг с другом начнут воевать два народа,
но только один победит в той войне.

(Специалисты полагают, что имеется в виду русско-японская война 1905 года, — ошеломляющая дальность прогноза, если учесть, что он сделан в 1540 году.)

Напрасно наивный гордец из Стамбула
спасает гамаши — спасенья им нет.

(В 1860 году Абу Хамид, офицер оттоманской армии, сдал гамаши в чистку, и ему посадили два пятна на подкладку.)

Великий создаст для народов обновку,
Избавя несчастных от множества мук,
Она защитит их во время готовки
И будет ей имя сюртук иль фартук

(Конечно, Настурбамус имел в виду передник.)

Во Франции явится муж-победитель,
наделает шума, хоть сам невысок.

[318] (Здесь идет речь о Наполеоне или о Марселе Люме, лилипуте восемнадцатого века, возглавившем заговор с целью испугать Вольтера в соусе бешамель.)

На карте появятся новые страны,
И двое танцоров, отвергнув балет,
Прославят страну за большим океаном,
И станут известны как Джинджер и Фред.

(Полагаю, комментарии излишни.)

Я обращаюсь к выпускникам

Ни разу за всю историю человечеству не бывало так ясно, что оно на распутье. Одна дорога ведет к утрате последних надежд и отчаянью. Другая — к полному вымиранию. Дай бог, чтоб нам хватило мудрости сделать правильный выбор. Я говорю об этом отнюдь не с унынием, а лишь с кошмарной уверенностью в полной бессмысленности бытия, что может быть ошибочно расценено как пессимизм. Это не пессимизм. Это просто трезвое понимание трагедии современного человека. (Под “современным человеком” здесь понимается всякий родившийся в период между заявлением Ницше “Бог умер” и первым исполнением шлягера “Твоя рука в моей руке”.) Есть два способа описать эту трагедию, хотя философы-лингвисты предпочли

[320] бы свести ее к математическому уравнению, которое надо решить и носить с собой в бумажнике.

В простейшем виде проблема такова: можно ли постичь смысл жизни при моем размере брюк и ширине плеч? Вы ощутите всю сложность этого вопроса, признав, что наука надежд не оправдала. Конечно, ей удалось победить множество болезней, расшифровать генетический код и отправить человека на Луну; но оставьте восьмидесятилетнего господина наедине с двумя юными медсестричками, и ничего не случится, как и в прежние времена. Ибо подлинные проблемы неизменны. В конце концов, можно ли увидеть в микроскоп человеческую душу? Вероятно; но, судя по всему, только в очень мощный, с двумя окулярами. Мы знаем, что мозг самого современного компьютера не столь совершенен, как мозг пчелы. Правда, это же можно сказать и о некоторых наших родственниках — но с ними видишься только на свадьбах, по особым случаям, а от науки мы зависим постоянно. Допустим, у меня появились боли за грудиной. Врачи велют сделать рентген. Но что, если от облучения я заработаю что-нибудь пострашнее? Обдумать все стороны не успеваю — кладут в реанимацию. Дают кислород, и тут, естественно, какой-то

практикант решает закурить. После чего на глазах изумленной публики я в одной пижаме пролетаю над зданием Центра международной торговли. И это называется наука? Да, безусловно, благодаря науке мы умеем пастеризовать сыры. И что говорить, в компании без предрассудков сыр — штука приятная. Чего не скажешь о водородной бомбе. Доводилось вам наблюдать, что бывает, если она скатится со стола? А что проку от науки тому, кто в одиночку бьется над извечными загадками бытия? Откуда взялся мир? Давно ли? Началось ли все со взрыва или по слову Божию? Если по слову, то почему было не произнести его неделей раньше, чтобы мы застали побольше теплых деньков? Что конкретно имеется в виду, когда говорят “человек смертен”? Судя по всему, это не комплимент.

Да и религия, увы, настроения уже не понимает. Мигель де Унамуно¹ где-то восторгается “неутомимой настойчивостью разума”, но ведь она не всякому по плечу. Особенно при чтении Теккерера. Я часто думаю, как, наверное, легко жилось первобытному человеку, верившему во всемогущего доброжелательного Создателя, который присматривает

¹ Мигель де Унамуно (1864–1936) — испанский писатель, философ, общественный деятель.

[322] за всем на свете. Воображаю его разочарование, когда жена вдруг начинала терять талию. Современный человек далеко не так безмятежен. Он ввергнут в пучину безверия. Он, как это деликатно называют, некомуникабелен. Он повидал ужасы войны, он знает не понаслышке, что такое стихийные бедствия и вечера знакомств.

Мой близкий друг Жак Моно¹ любит рассуждать о хаотичности Вселенной. Он убежден, что все на свете появилось по чистой случайности, за исключением его завтрака, который — тут не ошибешься — состряпала домработница. Да, вера в божественный Промысел вселяет спокойствие. Но ведь это не снимает с человека ответственности. Разве не сторож я брату моему? Сторож. Любопытно, что лично я делю эту честь со смотрителями городского зоопарка.

Без Бога мы чувствуем себя сиротливо и создаем себе кумира в виде научно-технического прогресса. Но что может объяснить научно-технический прогресс, когда новенький “бьюик” (Нат Зипский, мой хороший приятель, не поездил на нем и трех дней) влетает в витрину ресторана “Телячья не-

¹ Жак Люсьен Моно (1910–1976) — французский биохимик, микробиолог, генетик, директор Пастеровского института в Париже. Лауреат Нобелевской премии (1976).

жность” и посетители едва успевают броситься врассыпную? За четыре года мой тостер ни разу не сработал как следует. Я действую точно по инструкции, закладываю ровно два ломтика хлеба, и через секунду он выстреливает их обратно. Как-то раз таким выстрелом сломало нос одной дорогой мне женщине. И мы надеемся, что гайки, болты и электричество решат все проблемы?

Конечно, телефон — дело хорошее. Да и холодильник. И кондиционер. Но не всякий. Явно не тот, что купила моя сестренка Ханна. Он работает с диким грохотом, но пролады не приносит. Вызвали мастера. Стало хуже. “Ну, на нет и суда нет, — сказал мастер. — Не нравится — покупайте новый”. Сестра стала упрашивать, но мастер попросил не действовать ему на нервы. Этот человек очевидно некомуникабелен. К тому же он все время улыбался. Беда в том, что нас не подготовили к жизни в технократическом обществе. Что поделаешь, политики либо некомпетентны, либо продажны. Иногда и то и другое вместе. Государству нет дела до нужд маленького человека. Уже в пять минут седьмого бесполезно звонить в Конгресс своему депутату. Не отрицаю, демократия пока остается наилучшей формой общественного устройства. В демократическом государстве

[323]

[324] по крайней мере охраняются права человека. Никто не вправе без веских оснований подвергнуть гражданина пыткам, бросить в тюрьму или заставить досмотреть некоторые бродвейские шоу. По сравнению с тем, что творится в Советском Союзе, это — небо и земля, конечно.

В тоталитарном государстве человека могут приговорить к тридцати годам исправительно-трудовых работ только за то, что он насвистывал. Если через пятнадцать лет он не перестает свистеть, его расстреливают. Плечом к плечу с варварством фашизма шествует по планете терроризм. Никогда за всю историю человек так не боялся включить электромясорубку: а вдруг она взорвется?

Насилие порождает насилие, и, по некоторым прогнозам, вскоре доминирующей формой общественных отношений станет взаимное похищение детей. Перенаселение накалит все проблемы до предела. Цифры свидетельствуют, что уже сейчас на Земле живет гораздо больше народу, чем нужно, чтобы перенести самый тяжелый рояль. Если призыв прекратить размножение не будет услышан, к двухтысячному году негде будет сесть пообедать — придется ставить стол на голову незнакомым людям, и они будут вынуждены неподвижно ждать, пока мы

закончим с компотом. Неизбежно разразится энергетический кризис: автовладельцам будут отпускать бензина ровно столько, чтобы сдать назад на полметра.

Но мы не желаем принять вызов, предпочитая одурманиваться наркотиками и сексом. В своем либерализме общество зашло недопустимо далеко. Когда еще так расцвела порнография? И вечно попадается третья-четвертая копия, на экране ничего не разберешь. Надо признать: у нас нет ясных целей. Мы так и не научились любить. Нам не хватает лидеров и четких программ. Мы разобщены духовно. В полном одиночестве мы проносимся по жизни, срывая друг на друге свое отчаянье и боль.

К счастью, мы пока еще не утратили чувства меры. Таким образом, подводя итоги, можно с уверенностью сказать: будущее сулит нам огромные возможности. Но также таит западни. Надо умудриться не попасть в западню, не упустить возможностей и вернуться домой часам к шести.

[325]

Черствое сердце

Решили перекусить, и за столом пошел разговор о непорядочности, о человеческой черствости. Копельман вспомнил такого Ленни Менделя: более недостойного человека, сказал он, я в жизни не встречал. И поведал нам следующую историю.

Когда-то составилась кружок любителей покера. Много лет подряд раз в неделю неизменной мужской компанией снимали номер в гостинице и играли по маленькой — исключительно для удовольствия. Расслабились, делали ставки и блефовали, выпивали и закусывали, трепались о сексе, о спорте и о делах. И вот однажды (никто потом не мог вспомнить, когда именно) приятели обратили внимание, что Меер Ишкович неважно выглядит.

— Да бросьте, — отмахнулся он, — все в порядке. Чья ставка?

[327]

Но с каждым разом Ишкович выглядел все хуже и хуже и однажды не пришел на игру. Вроде бы слег в больницу с гепатитом. Однако у всех были самые мрачные подозрения, и когда недели через три Сол Кац позвонил на работу Ленни Менделю, который работал администратором телешоу в Эн-би-си, и сказал: “Бедняга Меер, представляешь, у него рак. Уже увеличены лимфоузлы. Безнадёжно. Метастазы по всему телу. Он лежит в Слоун-Кеттеринге”, это, в общем, было не совсем громом среди ясного неба.

— Какой ужас, — сказал Мендель и ощутил, как внезапно накатила глухая тоска и стало познабливать. Он отпил немного чая с молоком.

— Мы с Авой сегодня ходили к нему. Бедолага ведь совсем один на белом свете. Выглядит чудовищно. Слушай, а был такой здоровяк, да? Вейзмир, что за жизнь... В общем, Ленни, он в Слоун-Кеттеринге. Пускают с двенадцати до восьми.

И Кац повесил трубку, оставив Ленни Менделя в тяжелом расположении духа. Менделю было сорок четыре. До сих пор он полагал, что здоров. Внезапно такая самоуверенность показалась ему дурным знаком.

[328] Ленни подумал, что Ишкович старше всего на шесть лет. Они никогда не были особо близки, но все же немало повеселились за картами за эти пять лет. Бедняга, бедняга. Наверное, надо послать ему цветочков. Ленни велел секретарше Дороти пригласить флориста и все устроить. Мысль о неотвратимой смерти Ишковича повисла над Менделем черной тучей. Однако вскоре его начала беспокоить другая мысль: о неизбежном походе в больницу. Ясное дело, все ждут, что он пойдет. Малоприятная перспектива, думал Мендель. Он одновременно испытывал стыд за свое малодушие — и страх увидеть умирающего Ишковича. Конечно, Мендель знал, что люди смертны; однажды он где-то прочитал, что смерть — не отрицание жизни, а ее неотъемлемая часть, и это его более-менее утешило. Но стоило всерьез задуматься о неотвратимости собственного небытия, и Менделя охватывала безудержная паника. Он не был человеком верующим, не считал себя ни героем, ни стойком и предпочитал ничего не знать про похороны, больницы и специальные палаты для безнадежных больных. Повстречав на улице катафалк, он часами не мог избавиться от ужасного образа. Он хорошо представлял себе, как будет сидеть с исхудавшим Ишковичем, неуклюже

[329] пытаюсь шутить и якобы непринужденно беседовать. Господи, как же он ненавидел больницы, их мертвенный свет и бездушный кафель! И непрерывные разговоры вполголоса, многозначительные перешептывания, духоту вечно натопленных палат, подносы с тарелками, судна, стариков и калек, в халатах и пижамах шаркающих по коридорам, и спертый воздух, кишачий бог знает какими микробами. А что, если рак в самом деле передается по воздуху? Ведь я буду всего в двух шагах от смертельно больного человека. Черт побери, давайте посмотрим правде в глаза: что мы знаем об этой страшной болезни? Да ничего. И вполне вероятно, однажды выяснят, что какая-то из миллиарда ее разновидностей передается-таки через кашель? Через кашель Ишковича — прямо мне в нос? Или через похлопывание по плечу. Потом Ленни подумал, что Ишкович может умереть прямо в его присутствии, и пришел в ужас. Он ясно представил, как его прежде полный жизни, а ныне изнуренный страданиями приятель (как-то неожиданно стало ясно, что Ишкович — просто добрый приятель, не то чтобы друг, но добрый приятель) протягивает к нему руки и хрипит: “Я не хочу, не хочу... Помогите мне, Ленни!” О боже, боже! — на лбу выступила испарина.

[330] Ну как я пойду? И в сущности, с какой стати? Черт побери, мы никогда не были особо близки. Да ради бога, я виделся с ним раз в неделю. Карточный партнер — и все, не более того. Привет-привет. Мы вообще редко разговаривали. Просто партнер. Пять лет встречались только за картами и больше нигде. Теперь он умирает, и неожиданно оказывается, что я должен его навещать. Ни с того ни сего выясняется, что мы старинные друзья. Чуть не закадычные. Помилуйте, да в нашей компании любой был с ним ближе, чем я. В сущности, я самый далекий Мееру человек. Ну так пусть они его и навещают. В конце концов, сколько гостей нужно больному? Поймите, ведь он умирает. Ему требуется покой, а не толпа досужих доброжелателей. Как бы там ни было, сегодня я все равно не могу. У нас прогон в костюмах. Можно подумать, я тут бью баклуши. Меня только-только назначили ассоциированным продюсером. У меня совершенно забита голова. И ближайшие дни тоже отпадают, потому что впереди рождественское шоу и тут начнется сумасшедший дом. Стало быть — только на той неделе. Ничего не поделаешь. В конце той недели. А там посмотрим. Еще неизвестно, дотянет ли Меер до конца той недели. Дотянет — хорошо, я навещу его, а

если даже нет — черт побери, какая разница? Может, это звучит жестоко — пускай, жизнь вообще жестока. А пока что надо размять вступительный монолог. Почти нет шуток на злобу дня. Вообще мало сильных реприз.

Под разными предлогами Ленни Мендель уклонялся от посещения Ишковича две с половиной недели. Но потом чувство долга взяло верх, и он испытал стыд, тем более мучительный, что поймал себя на тайной надежде однажды узнать, что все кончено, Ишкович умер, и таким образом освободиться от тягостных обязательств. Если конец все равно неизбежен, рассуждал Ленни, почему не теперь? К чему тянуть и заставлять человека мучиться? Да-да, я понимаю, это бессердечно, говорил он себе, я знаю, что я слабак, но ведь есть люди, которым такие вещи даются легче. В смысле посещение умирающих. Все-таки это не каждому по силам. И потом, можно подумать, мне мало достается.

Но Ишкович был жив, а за покером Менделю задавали вопросы, от которых он готов был провалиться сквозь землю.

— Как, ты до сих пор у него не был? Обязательно пойди, обязательно. К нему почти никто не ходит, он будет очень признателен.

— Он всегда тебе симпатизировал, Ленни.

— Да-да, правда, Меер любил Ленни.

[331]

[332]

— Представляю, как ты занят со своим шоу. Но постарайся вырваться. В конце концов, сколько ему осталось?

— Завтра же пойду, — сказал Ленни, но на завтра снова отложил визит. Скажем прямо: когда он все-таки набрался храбрости сходить в больницу минут на десять, вовсе не сострадание руководило им. Он просто хотел сохранить самоуважение. Мендель понимал, что если Ишкович умрет прежде, чем он преодолет страх и отвращение, он горько пожалеет — но будет уже поздно. Я буду презирать себя за малодушие, и всем станет окончательно ясно, кто я такой на самом деле — эгоцентрик, ничтожество, дрянь. И наоборот, если я буду мужчиной и схожу к Ишковичу, я вырасту в собственных глазах и в глазах окружающих. Одним словом, Мендель пошел в больницу не потому, что его товарищ нуждался в участии и ободрении.

И здесь в нашей истории происходит удивительный поворот. Мы ведь говорим о человеческой черствости, и как раз сейчас открывается истинное лицо Ленни Менделя. Однажды во вторник холодным вечером, в семь пятьдесят (чтобы нельзя было задержаться более десяти минут, как бы ему ни хотелось) Ленни получил в больничной ре-

[333]

гистратуре ламинированный пропуск, позволявший пройти в одноместную палату номер 1501, где лежал Меер Ишкович — в неожиданно хорошей форме, учитывая стадию развития его болезни.

— Ну что, старина? — произнес Мендель слабым голосом, стараясь держаться подальше от кровати. — Как ты тут?

— Кого я вижу? Мендель? Ленни, это ты?

— Был дико занят, никак не мог вырваться раньше.

— Подумать только, как мило с твоей стороны! Я страшно рад тебя видеть.

— Ну, какие дела, Меер?

— Что тебе сказать? Ты знаешь, я таки намерен выкарабкаться. Помяни мои слова, Ленни. Я вылезу. Я справлюсь.

— Конечно справишься, я и не сомневался. — Голос Ленни дрогнул от напряжения. — Через полгода будешь передергивать, как обычно. Ха-ха, шучу, конечно, — ты всегда играл по-честному, старина.

Держи все на юморе, подумал Мендель. Шути. Шути не переставая. Как там пишут? — надо забыть, что перед вами умирающий. Менделю казалось, он видит, как мириады смертоносных вирусов рака, выдыхаемых Ишковичем, кишат в духоте палаты и прокладывают путь в его легкие.

[334]

— Я купил тебе “Пост”, — сказал Мендель, кладя газету на тумбочку.

— Ну сядь посиди. Куда ты бежишь? Ты же только пришел, — сказал Меер с теплотой в голосе.

— Да нет, я не спешу. Просто прочитал ваш распорядок, велят не утомлять пациентов долгими посещениями.

— Так какие новости? — спросил Меер.

Решив продержаться ровно до восьми, Ленни пододвинул стул, сел не слишком близко к больному и принялся болтать. Он без умолку тараторил о картах, спорте, последних новостях, об инфляции, но о чем бы ни говорил, он, к своему ужасу, ни на мгновение не мог забыть, что оптимист Ишкович не выйдет отсюда живым. А все остальное неважно. Мендель взмок и почувствовал дурноту. От нервного напряжения, наигранной веселости, неотступного присутствия болезни и чувства собственной уязвимости у него одеревенела спина и пересохло во рту. Он мечтал об одном: поскорее уйти. Было уже пять минут девятого, но никто не велел покинуть палату. Правила явно висели для проформы. С нежностью вспоминая былые деньки, Ленни ерзал на стуле, как на раскаленной сковородке, а через пять бесконечных минут почувствовал, что сейчас упадет в обморок.

[335]

Я больше не выдержу, подумал он, и тут случилось вот что. В палату вошла медсестра. С извиняющейся улыбкой она ласково обратилась к Ленни: “Прошу прощения, посещения окончены. Скажите друг другу до свидания”. Ее звали мисс Хилл. Ей было едва за двадцать. У нее были длинные светлые волосы, ослепительные голубые глаза и прелестное лицо. Ленни Мендель посмотрел на нее и влюбился. Он никогда в жизни не встречал подобного совершенства. Да-да — Мендель умолк на полуслове и застыл с открытым ртом: так всегда выглядит мужчина, встретивший женщину своей мечты. Все его существо пронзило острое желание быть с ней. “Боже мой, — подумал он. — Как в кино”. И действительно: мисс Хилл была неправдоподобно хороша. Огромные глаза, влажные губы, тонкие черты лица, нежный голос и безупречная грудь под ангельски-белым халатиком. Она стала поправлять постель, и в том, как мило она шутила с Ишковичем, чувствовались сердечность и непритворное участие. Потом она забрала поднос и вышла, на прощанье шепнув Менделю: “Лучше идите. Ему надо отдохнуть”.

— Это твоя постоянная сестра? — спросил Мендель.

— Мисс Хилл? Новенькая. Очень милая. Тут все, знаешь, кислые. А она такая жизне-

[336] радостная, дружелюбная. И с чувством юмора. Ну хорошо, тебе, пожалуй, пора. Мне было так приятно тебя повидать, Ленни!

— Да что там, старина... Мне тоже, Меер.

Ошеломленный Ленни Мендель вышел в коридор и пошел к лифту, надеясь повстречать мисс Хилл. Но ее нигде не было. Он спустился на улицу, глубоко вдохнул холодный ночной воздух и понял, что во что бы то ни стало должен снова увидеть эту девушку. Боже мой, думал Ленни, пока такси катило через Центральный парк, я знаком с актрисами, с фотомоделями — а тут какая-то медсестричка, и она прекраснее, чем все они, вместе взятые. Как же я ничего не сказал? Надо было ее разговорить. Интересно, она замужем? Ах да, конечно нет, раз она “мисс”. Надо было выпросить про нее у Меера. Хотя, если она там недавно... Он перебрал все “надо было”, проклиная себя за то, что упустил неповторимый случай, но потом утешился мыслью, что, по крайней мере, знает, где она работает, и сумеет ее разыскать. Но сначала надо взять себя в руки. В конце концов она вполне может оказаться скучной куклой, недалекой и простоватой, как сотни красоток, которых он встречал в шоу-бизнесе. Правда, она медсестра. И, следовательно, может быть, не так эгоистична, не так поверх-

ностна, более человечна, чем они. Но вдруг она знает только, как подавать утку? Нет, жизнь не может поступить со мной так жестоко. Ленни придумал было подкараулить мисс Хилл у больницы, но сообразил, что сестры наверняка работают через смену и он может прождать напрасно. И потом, так можно только напугать и навсегда оттолкнуть ее.

На другой день Ленни снова навестил Ишковича. Он принес почитать больному приятелю книгу “Знаменитые спортивные истории”, что, по его мнению, должно было вполне оправдать визит. При виде Менделя Ишкович удивился и очень обрадовался, но дежурила в тот вечер не мисс Хилл, а угрюмая мисс Караманулис, время от времени вваливавшаяся в палату. Мендель с трудом скрывал огорчение, старался внимательно слушать приятеля — но не мог. Однако Ишкович сегодня был слегка заторможен и не заметил его рассеянности и стремления поскорей уйти.

Мендель пришел в больницу и на другой день. На этот раз у Ишковича дежурила она. Мендель торопливо поболтал с приятелем, а на обратном пути, в коридоре, умудрился подслушать разговор мисс Хилл с другой медсестрой, из которого понял, что у его боги-

[337]

[338] ни есть молодой человек и что завтра они идут на мюзикл. Старательно делая вид, что ждет лифта, Мендель слушал во все уши, надеясь понять, как далеко зашли ее отношения с этим парнем, но никаких подробностей не услышал и предположил, что они наверняка помолвлены. Правда, мисс Хилл не носит кольца, но он отчетливо слышал, как она сказала “мой любимый”. Мендель приуныл. Он представил себе пылкого обожателя, какого-нибудь молодого врача — например, блистательного хирурга, с которым у мисс Хилл много общих интересов. Пока двери лифта закрывались, Мендель видел, как она уходит вдаль по коридору, оживленно болтая с коллегой, как соблазнительно покачиваются ее бедра; ее прелестный смех словно озарял тишину сумрачной юдоли, и, охваченный любовью и тоской, Ленни сказал себе: она все равно будет моей.

Только не напортачить, не испортить все, как обычно. Шаг за шагом, шаг за шагом, медленно и осторожно. Не спешить. Не спешить, из-за этого я всегда прокалываюсь. Не терять головы. Для начала побольше разузнать о ней. Во-первых, точно ли она так хороша, как мне показалось? Допустим, да. Тогда вопрос: насколько серьезно у них с тем типом? А если даже никакого типа нет, то все

равно, светит ли мне что-нибудь? Собственно, почему нет? Если она свободна, почему мне не приударить и не добиться победы? Или даже отбить, если все-таки кто-то есть. Просто нужно время. Сначала хорошенько все выяснить. Потом переходить к делу. Разговоры, шутки, демонстрация моих духовных богатств и чувства юмора в действии. Мендель ломал пальцы, как муж Анны Карениной, и бессвязно разговаривал сам с собой. Значит, план такой: я навещаю Ишковича и постепенно, не торопясь, ненавязчиво набираю очки. Никаких лобовых атак. Сколько раз моя дурацкая прямота и настойчивость подводили меня. Хватит. Будем умнее.

И Мендель стал навещать больного каждый день. Ишкович не верил своему счастью, он и не знал, что у него есть на свете такой преданный друг. Всякий раз Мендель приносил основательный, хорошо обдуманый подарок. Подарок, который должен был помочь мисс Хилл составить впечатление о дарителе. То это был со вкусом подобранный букет, то биография Толстого (она обмолвилась, что обожает “Анну Каренину”), томик Вордсворта, баночка икры. Ишкович недоумевал. Честно говоря, он терпеть не мог икры и никогда не слышал о Вордсворте. Хорошо еще, что Мендель удержался, не пода-

[339]

[340] рил ему дивные старинные сережки, которые, конечно, восхитили бы мисс Хилл.

При всяком удобном случае галантный кавалер стремился вовлечь даму в разговор. Он выяснил, что она в самом деле помолвлена, но еще сомневается. Ее жених адвокат, а она всегда мечтала выйти замуж за человека искусства. Зато Норман — потрясающий высокий брюнет. (Этот портрет подпортил настроение не столь импозантному Менделю.) Рассказывая исхудавшему приятелю о своих успехах, делаясь остроумными соображениями, Мендель говорил так громко, чтобы слышала мисс Хилл. Он чувствовал, что не мог не произвести впечатление, но потом в разговоре снова возникал красавец адвокат, их планы на будущее. Ну и везунчик этот Норман, думал Ленни. Он может быть с ней сколько захочет. Они смеются, строят планы, он прижимает губы к ее губам, снимает с нее наколку, халатик — может быть, даже не до конца... Боже мой, боже мой, вздохнул Мендель, поглядев в небеса, и покачал головой.

— Вы даже не представляете, что для него значат ваши посещения, — как-то раз сказала медсестра Менделю, и так посмотрела, и так улыбнулась ему, что сердце Ленни запело. — У него ведь совсем никого нет, а знакомые

[341] слишком заняты... Знаете, я думаю, большинству людей просто не хватает сострадательности или смелости, чтобы проводить побольше времени рядом с такими больными. Они предпочитают вычеркнуть умирающего из своей жизни и не думать о нем. Поэтому мне кажется, вы ведете себя... просто потрясающе, правда.

Молва о самоотверженности Менделя быстро распространилась, и за карточным столом он сделался всеобщим любимцем.

— Восхищаюсь тобой, — говорил Фил Бирнбаум, делая ставку. — Меер сказал, что его никто не навещает так часто. Он считает, что ты даже специально одеваешься, когда идешь к нему.

А Мендель тем временем думал о бедрах мисс Хилл, о которых он теперь думал всегда.

— Ну, так как он? Молодцом? — спросил Сол Кац.

— Кто? — очнулся Мендель.

— Как кто? Меер, само собой.

— А, ну конечно. Конечно молодцом. Можно позавидовать! — ответил Мендель, даже не понимая, что у него на руках флеш-рояль.

Шли недели, Ишковичу становилось хуже и хуже. Как-то раз, с трудом приоткрыв глаза, он посмотрел на Менделя, склонившего-

[342] ся над кроватью, и тихо проговорил: “Ленни, я люблю тебя. Правда-правда”. Он попытался найти его руку.

— Спасибо, Меер, — сказал Мендель, поймав невесомую ладонь. — А что, мисс Хилл сегодня была? А? Ты не можешь капельку погромче? Я не разобрал.

Ишкович слабо кивнул.

— Ну, видишь, как славно, — сказал Мендель. — Поболтали? Меня вспоминали?

Конечно, Мендель оказался в трудном положении: он не смел сделать первого шага — не дай бог, мисс Хилл подумает, что он ходит сюда не только ради умирающего друга.

Часто на пороге смерти человека тянет пофилософствовать, и он говорит что-нибудь вроде: “Мы не знаем, почему родились, и уходим так быстро, что не успеваем понять, что погубило нас. Штука в том, чтобы успеть получить удовольствие. Ведь жить — значит быть счастливым. И все-таки я не сомневаюсь, что Бог есть, и когда я смотрю, как в окно светит солнце или как звезды загораются по ночам, я чувствую, что у Него есть какой-то замысел и этот замысел очень хорош”.

— Безусловно, — соглашался Мендель. — А что мисс Хилл? Как ее Норман? Они еще встречаются? Пока не спрашивал? Ну, если

увидишь ее, когда придут за этим анализом, выясни, не забудь, ладно?

Дождливым апрельским днем Ишкович умер. Перед смертью он снова сказал Менделю, что любит его и что ни один человек в жизни не подарил ему столько участия, заботы и тепла, сколько он видел от Менделя в эти последние месяцы.

Через пару недель мисс Хилл с Норманом разорвали помолвку, а вскоре она начала встречаться с Ленни. Роман продолжался год, потом они расстались.

Закончив рассказ о недостойном Ленни Менделе, Копельман замолчал.

— Н-да, история, — покачал головой Мошкович. — Из этого следует, что есть на свете никуда не годные людишки.

— А я понял иначе, — сказал Джейк Фишбейн. — Ровно наоборот. Эта история о том, как любовь к женщине помогает преодолеть страх перед смертью, пускай даже ненадолго.

— Да перестань, — вмешался Ава Трохман. — Тут вся соль в том, что человеку на смертном одре повезло, что его друг неожиданно влюбился.

— Но они вовсе не были друзьями, — возразил Любошиц. — Мендель первый раз по-

[344] шел к нему по необходимости. А потом ходил ради собственных интересов.

— Ну и что? Неважно! — сказал Трохман. — Ишкович был не одинок. Он покинул этот свет умиротворенным. И пускай благодаря тому, что Мендель положил глаз на сестричку, — не всё ли равно?

— Положил глаз? Что значит “положил глаз”? Какой он ни был черствый, он, может, впервые в жизни встретил настоящую любовь!

— Да какая разница? — пожал плечами Збарский. — Какая разница, в чем там суть? Да и есть ли она вообще. Это ведь просто байка. Давайте распишем. Я сдаю.

Все то же солнце...

Спросите обыкновенного человека, кто написал “Гамлета”, “Ромео и Джульетту”, “Короля Лира” и “Отелло”, и вы почти наверняка услышите: “бессмертный бард из Стратфорда-на-Эйвоне”. Спросите его, кто сочинил сонеты Шекспира, — и получите тот же простодушный ответ. А теперь задайте эти вопросы литературным сыщикам, которых хватает во все времена, и не удивляйтесь, когда вам назовут сэра Фрэнсиса Бэкона, Бена Джонсона, королеву Елизавету или даже Декларацию независимости.

Недавно я прочитал книгу одного ученого, который пытается доказать раз и навсегда, что подлинным автором всех сочинений Шекспира был Кристофер Марло. Гипотеза обоснована весьма убедительно, и, дочитав

[346]

до конца, я уже не мог с уверенностью сказать, был ли Марло Шекспиром или Шекспир — Марло. Знаю одно: я бы не принял чека ни от одного из них, но мне по душе творения обоих.

И все же допустим, что вышеизложенная гипотеза верна. Тогда возникает вопрос: если Марло писал за Шекспира, то кто писал за Марло? Думаю, ответ ясен. Достаточно вспомнить, что Шекспир был женат на некоей Анне Хэтуэй. Это известно наверняка. Однако согласно новой гипотезе, на самом деле Анна Хэтуэй была женой Марло — что не могло не причинять Шекспиру бесконечные страдания, потому что они не пускали его домой.

В один роковой день после возникшего на почве ревности жестокого спора о том, кто последний в очереди за хлебом, Марло был казнен или переодетым вывезен за границу, чтобы избежать обвинения в ереси — самом тяжком в те времена преступлении, каравшемся смертной казнью, или вывозом за границу, или и тем и другим вместе.

И тогда молодая жена Марло взяла перо и стала писать пьесы и сонеты, которые все мы знаем и не читаем. Однако здесь надо кое-что пояснить.

Всем известно, что Шекспир (Марло) занимался сюжетами у предшественников (пос-

[347]

ледователей). Но когда пришел срок возвращать, оказалось, что он использовал сюжеты до конца. И ему ничего не оставалось, как пуститься в бега под вымышленным именем Уильяма (Вильяма) Барда (отсюда выражение: бессмертный бард), чтобы не загреметь в долговую тюрьму (отсюда выражение: долговая тюрьма). И тут на арену выходит сэр Фрэнсис Бэкон — передовой человек своего времени, разрабатывавший новые методы заморозки продуктов. Если верить слухам, он погиб при попытке заморозить цыпленка. Скорее всего, цыпленок опередил его. Пытаясь защитить Марло от Шекспира на случай, если они вправду окажутся одним лицом, Бэкон взял псевдонимом имя Александра Поупа, который в действительности был попом (по-латински — папой) Александром, главой римско-католической церкви в изгнании — ибо в то время в его родной Италии хозяйничали так называемые барды, последнее племя кочевников, оставившее нам термин “бессмертный бард”. А еще раньше папа Александр без остановки проскакал из Рима в Лондон, где в Тауэре томился приговоренный к смерти Рэйли.

Здесь история еще больше запутывается, потому что тем временем Бен Джонсон инсценирует похороны Марло, уговорив одно-

[348] го посредственного поэта сыграть роль покойного. Бена Джонсона не следует путать с Сэмюэлем Джонсоном, ибо он и был Сэмюэлем Джонсоном. А Сэмюэль Джонсон не был. Он был Сэмюэлем Пеписом. Пепис же — настоящее имя Рэйли, совершившего побег из Тауэра, чтобы написать “Потерянный рай” под именем Джона Мильтона, слепого поэта, который по ошибке совершил побег в Тауэр и был повешен как Джонатан Свифт. Все встанет на свои места, когда мы поймем, что Джордж Элиот был женщиной.

Таким образом, ясно, что “Король Лир” отнюдь не трагедия Шекспира, а сатирическое ревю Чосера, первоначально называвшееся “У каждого свои недостатки”¹. В нем заключен ключ к тайне убийства Марло. Убийца был известен в елизаветинскую эпоху (имеется в виду Елизавета Баррет Браунинг) как Папаша Вик. Мы лучше знаем его под именем Виктора Гюго, автора “Нотрдамского горбуна”, который считается многими литературоведами практически тем же “Кориоланом” с небольшими изменениями (произнесите оба названия скороговоркой).

1 Знаменитая финальная реплика в фильме “Некоторые любят погорячее” (в отечественном прокате “В джазе только девушки”).

Неудивительно, что встает вопрос: не над этой ли историей посмеялся Льюис Кэрролл, когда писал “Алису в Стране чудес”? В самом деле: Мартовский Заяц — это Шекспир, Безумный Шляпник — Марло, Соня — Фрэнсис Бэкон, или Мартовский Заяц — Бэкон, а Соня — Марло, либо Алиса — это Шекспир, или Бэкон, или Кэрролл — это Безумный Шляпник. Жаль, что нельзя уже спросить у Кэрролла. Или у Бэкона. Или у Марло. Или у Шекспира. Вывод ясен: собираясь переезжать, зайдите на почту и предупредите отдел доставки. Если, конечно, вам есть дело до потомков.

[349]

СОДЕРЖАНИЕ

Свитки Красного моря	7
Образ Сиднея Кугельмаса в романе "Госпожа Бовари"*	13
Осторожно, НЛО	37
История моего безумия	49
Спутник инакомыслящего (сборник полезных советов)	62
Шеф	68
Диета	83
У Фабрицио. Анализ и резонанс	93
Вопрос президенту Линкольну	103
Наше подлое время	114
Кара*	122
Размышляя о женщинах Йобсена	150
Города и люди (путевые заметки)	160
Раб (пьеса)	168

Приговоренный	218
Волшебные истории и небывалые существа (животные и люди в мифах и преданиях)	230
Памяти Нудельмана	237
Шлюха духа	247
Записки старого вора	260
Спутник меломана (пять малоизвестных балетов)	268
Моя апология	277
Еще не кадиш по Вайнштейну	286
И тут появился инспектор Форд... (проверьте свою смекалку)	296
Популярная парапсихология	307
Я обращаюсь к выпускникам*	319
Черствое сердце	326
Все то же солнце... ..	345

Рассказы, отмеченные звездочкой, впервые опубликованы в журнале "Иностранная литература", № 1, 2001.

ВУДИ АЛЛЕН
Шутки Господа

Директор издательства С.Пархоменко

Главный редактор В.Горностаева

Ответственный за выпуск В.Бару

Технический редактор Л.Синицына

Корректор Л.Шмелева

Эксклюзивный дистрибьютор книг
издательства "Иностранка" –
книготорговая компания "Либри"
тел.: (495) 951-5678; e-mail: sale@libri.ru
Генеральный директор П.Арсеньев

Изд. лиц. ИД № 02194 от 30.06.2000 "Иностранка".
Подписано в печать 05.03.2007. Формат 70x100^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура "New Baskerville".
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,26.
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 5348.

Издательство "Иностранка"
119017, Москва, ул. Пятницкая, 41.
www.inostranka.ru
e-mail: mail@inostranka.ru

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.